

МИХАИЛ СВЪЧИН

ЗАПИСКИ

СТАРАГО ГЕНЕРАЛА О БЫЛОМ

НИЦЦА

1964

МИХАИЛ СВѢЧИН

ЗАПИСКИ

СТАРАГО ГЕНЕРАЛА О БЫЛОМ

Патріархальная жизнь — при Имп. Александрѣ III,
Служеніе в мирѣ и на войнѣ при Имп. Николаѣ II,
На умирающем фронтѣ — при Временном Правительствѣ
Борьба за Родину — против коммунистов и Уход за Рубеж.

НИЦЦА

1964

Max. C. C. C.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Записки, кои я предлагаю читателю, представляют описаніе событій, происходивших на нашей Родинѣ в теченіе моей жизни с конца минувшаго вѣка.

Откидывая многое, я останавливался на событіяхъ особо врѣзавшихся в мое сознаніе. Я пытался дать им оцѣнку, как онѣ представлялись мнѣ современнику ихъ видѣвшаго и переживавшаго.

Мое образованіе и юность протекли в эпоху мира в Европѣ, при патріархальной жизни того времени в нашем Отеествѣ.

Наиболѣе сильный толчекъ к перемѣнамъ — послужила наша неудачная война с японцами, которая толкнула к развитію революціоннаго движенія.

Принять участія в этихъ событіяхъ мнѣ пришлось уже в зрѣломъ возрастѣ, когда я уже могъ сознательно давать себѣ отчет, который и старался отмѣтить в этихъ запискахъ.

Наше Правительство, сдѣлавъ уступку манифестомъ 17 Октября, справилось с революціонными событіями, послѣдовавшими по окончаніи войны с японцами, а затѣмъ, в короткій періодъ, до первой міровой войны, жизнь на Родинѣ стала прогрессировать и дала большое развитіе экономикѣ.

Затянувшаяся Первая міровая война дала второй толчекъ, но такой сильный, что наша Родина не смогла его выдержать. Старая, императорская, историческая власть была замѣнена Временнымъ Правительствомъ, которое оказалось столь безвольнымъ, что сразу пошло на уступки и фактически подчинилось, такъ называемой, революціонной демократіи в лицѣ хаотично самоизбраннаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. Послѣдній, под вліяніемъ пропаганды лѣвыхъ элементовъ, самъ сдалъ свои позиціи большевикамъ.

Ненормальность условій жизни, в которыхъ очутились народы Россіи, продолжается уже почти полъ вѣка, тяжело ложится на существованіи населенія. Весь міръ находится в напряженномъ состояніи в боязни атомной войны, какъ слѣдствіе близорукой политики западныхъ владыкъ послѣ первой міровой войны.

Мих. Свѣчин.

П. С. Приношу сердечную благодарность моему однополчанину Л. Ф. Ирѣ, за трудъ по издательству этихъ записокъ в Мюнхенѣ.

Ницца, 1962.

М. Св.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1-я

ОБРАЗОВАНИЕ.

В дѣтствѣ я жил в гор. Екатеринославѣ, гдѣ мой отецъ былъ начальникомъ штаба 34 пѣх. дивизіи. При мнѣ и братѣ Александрѣ состоялъ опытный гувернеръ французъ, бывшій легіонеръ Зуавскаго полка, участвовавшій в походѣ по завоеванію Алжира, нынѣ, черезъ 130 лѣтъ получившій независимость. А затѣмъ ему пришлось, вмѣстѣ с Зуавскимъ полкомъ, принять участіе в Крымской кампаніи. Здѣсь, в штурмахъ Севастополя, онъ былъ тяжело раненъ, взятъ в плѣнъ и остался навсегда в Россіи.

Сзоими увлекательными разсказами об участіи в бояхъ, вѣроятно сильно прикрашенными, онъ очаровывалъ меня с братомъ; цѣлыми часами, забывши о своихъ дѣтскихъ играхъ и шалостяхъ, мы внимательно его выслушивали и наше воображеніе рисовало в нашихъ юныхъ головахъ — батальныя картины того времени.

Принадлежа къ военной семьѣ намъ, вѣроятно, предстояла военная карьера, но думаю, что разсказы браваго зуава, подкрѣпленные соотвѣтствующими показательными жестами, содействовали нашей с братомъ любви къ военной службѣ.

В 1885 году, из Иркутскаго Генерал-губернаторства, всѣ области находившіяся къ востоку отъ озера Байкалъ, были выдѣлены и составили новое Пріамурское Генерал-губернаторство и военный Округъ. Возглавить эти должности былъ назначенъ Генерал-адъютантъ баронъ Корфъ, который, по старой службѣ, зналъ моего отца и предложилъ ему генеральскую должность по Генеральному Штабу в новомъ Округѣ.

Принявъ это предложеніе, отецъ с моею сестрой и братомъ отправились изъ Одессы моремъ, черезъ Владивостокъ, къ новому мѣсту службы. А меня, которому въ 1886 году исполнилось 10 лѣтъ и за неимѣніемъ, в то время, соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній на нашей далекой окраинѣ, опредѣлили въ 2-й Кад. Корпусъ в Петербургѣ.

2-й Кадетскій Петра Великаго Корпусъ.

Созданіе кадетскихъ корпусовъ, для подготовки офицерскаго состава, относится къ рѣшенію Великаго Петра, который в 1712 году основалъ — «Артиллерійскій и Инженерный шляхетный корпусъ». Лишь 30 лѣтъ спустя, при Аннѣ Іоанновнѣ, былъ основанъ новый

корпус, получившій наименованіе 1-го Кадетскаго корпуса, а наш переименован во 2-й. Получилось недоразумѣніе: наш корпус раньше созданный оказался по номеру вторым. В свое время это послужило к полемикѣ — кому принадлежит историческое старшинство?

Все-же 1712 год официально был признан как дата основанія корпуса и, потому, в 1912 году праздновался 200-лѣтній юбилей, когда я уже был офицером Генеральнаго штаба и мнѣ посчастливилось присутствовать на этих торжествах, которыя закончились данной, для нас в Маріинском театрѣ оперы «Жизнь за Царя». Мы были осчастливлены присутствіем на спектаклѣ Государя Николая Александровича с Августѣйшей Семей.

Поступив в корпус 10-ти лѣт, в Августѣ 1886 года, я надѣл выданную мнѣ казенную, военную, кадетскую форму и, тѣм самым, как бы, приобщился к великой русской Арміи, гдѣ уже сам должен был привѣтствовать отданіем чести.

Впослѣдствіи — когда грянула революція 1917 года — и была, новой властью, санкціонирована отмѣна воинскаго привѣтствія отданіем чести, которое, якобы, унижает и стѣсняет свободу человека, то мѣра эта повела лишь к упаду порядка в войсках.

Во всѣх культурных арміях было принято отданіе чести младшими старшим и нигдѣ это не унижало и не стѣсняло ничью свободу.

В теченіе девяти лѣт (семь лѣт в корпусѣ и двух в училищѣ) мнѣ пришлось отдавать честь и я, как и мои товарищи, не только не видѣли в этом униженія и стѣсненія свободы, а, наоборот, старались отчетливым ея выполненіем особо отмѣтить свою принадлежность к общей русской военной семьѣ.

Мое здоровье, при поступленіи, было довольно слабым. К тому же родившись и живя на югѣ, гдѣ климат мягче, я первоначально с трудом переносил Петербургскій климат. В первые же годы жизни в корпусѣ я перенес не мало болѣзней, в том числѣ и дѣтских — вѣтренную оспу, корь и, потому, сдѣлался особо извѣстен корпусному медицинскому персоналу, прекрасно оборудованнаго лазарета. Припоминаются ловкачи кадеты, которые не приготавили уроки и уклоняясь от полученія дурного балла, представлялись больными, с разрѣшенія дежурнаго офицера-воспитателя, шли в лазарет, гдѣ, что-бы быть оставленными там, умѣли набивать термометр до высокой температуры. Болѣзнь таких больных, среди кадет, называлась: «Фебрись катарались от уроков отдувались».

С годами я оклиматизировался и здоровье укрѣпилось.

Преподаваніе в корпусѣ было поставлено строго и образцово, чему способствовал прекрасный преподавательскій состав. Для перехода в слѣдующій класс производились испытанія-экзамены.

Невыдерживавшіе оставались на второй год или получали переэкзаменовку. Малоуспѣшные увольнялись в существовавшія в то время военныя прогимназіи. Мнѣ посчастливилось пройти всѣ семь классов не застрѣвъ.

Пребываніе мое в корпусѣ совпало со спокойным царствованіем Александра III, который унаслѣдовал Престол из-за смерти своего старшаго брата Наслѣдника-Цесаревича Николая Александровича, скончавшагося от туберкулеза в гор. Ниццѣ, гдѣ он находился на излѣченіи. Сюда же прибыла помолвленная, как его невѣста, Датская принцесса Дагмара. Перед смертью, чувствуя свою кончину, Наслѣдник, как бы завѣщал и просил свою невѣсту — выйти замуж за своего брата. Судьба предоставила не только Престол, но и соединила семейную жизнь будущему императору с бывшей невѣстой брата, принцессой Дагмарой, ставшей императрицей Маріей Федоровной.

Тихая, семейная жизнь императора Александра III, в управленіи государством круто повернула — как бывшую внутреннюю политику, так особенно иностранную.

Мистическое представленіе в необходимости сохраненія Самодержавія, не допускало мысли, в дальнѣйшем, быть продолжателем реформ Отца. А ведя лично иностранную политику, которая слѣдовала обычно вѣрности центральным, монархическим государствам, была повернута на Союз с республиканской Франціей. Безбоязненная защита русских интересов, дала длительный мир на все царствованіе; а твердая внутренняя политика заставила террористов уклониться от совершенія террористических актов. Государь с Государьней без всякаго конвоя, как было раньше, разъѣзжал в столицѣ в экипажѣ или санях.

Жизнь того времени шла патріархально, отсутствіе теперешних великих изобрѣтеній дѣлало ее не столь нервной.

Когда я был в 3-м классѣ, 17 Октября 1888 года, произошло крушеніе поѣзда, в котором Царская Семья возвращалась из Ливадіи в Петербург, близъ станціи Борки. Поѣзд сошел с рельс, паровоз свалился на бок; вагон-салон, гдѣ, в это время, находилась царственная Семья, прыгал по шпалам и от сотрясенія крыша вагона начала опускаться, но была поддержана спиной Императора, что дало возможность всѣм выбраться из вагона. К сожалѣнію, шок, который выдержала спина Государя, отразился на его здоровьѣ, что повліяло на раннюю смерть, в 48 лѣт.

Лицо свиты, находившееся в поѣздѣ, рассказывало, что к мѣсту катастрофы сбѣгались жители ближайших деревень. Старик-крестьянин-хохол, увидѣвши спускающуюся из вагона могучую фигуру Царя, державшаго на руках немного пострадавшую вел. княжну Ольгу Александровну (которой было 5 лѣт), так уми-

лился что сподобился, на старости, увидѣть Государя, в порывѣ своих, простонародныхъ чувствъ, громко воскликнул: «Дивись, о це так Царь!» И видимо не отдавая себѣ отчета, но, по своему ласкательно, прибавилъ грубую фразу. Былъ подхваченъ чинами охраны, которые пытались убраться отъ него. Не понимая за что и куда его хотятъ увести — упирался. На шум и возню Государь обратилъ вниманіе и спросилъ — в чемъ дѣло? Узнавъ, улыбнулся, приказалъ отпустить, вѣдь это у него вырвался крикъ его деревенской души. Распорядился выдать ему серебряный рубль с портретомъ Царя.

*Выѣздъ Императора Александра III-го с Супругой, для посѣщенія
кадетскихъ корпусовъ*

Послѣ Рождественскихъ каникулъ, Государь имѣлъ обыкновеніе объѣзжать кадетскіе корпуса, пріѣзжая примѣрно къ концу клас-
сныхъ уроковъ. Садясь с Императрицей в сани, запряженные парой
рысаковъ, покрытыхъ сѣткой, от комковъ снѣга изъ подъ копытъ лоша-
дей, приказывалъ кучеру — куда ѣхать.

Обойдя помѣщеніе корпуса, здоровался с кадетами, гдѣ их за-
ставалъ на занятіяхъ, Государь с Супругой слѣдовалъ въ сопровожде-
ніи Директора корпуса въ нашъ огромный столовый залъ, выслуши-
валъ нѣсколько кадетскихъ пѣсенъ, спѣтыхъ огромнымъ хоромъ всего
корпуса. Поблагодаривъ кадетъ, проходя мимо первоклассниковъ, бы-
вало, сразу подхватитъ двухъ малышей кадетъ подыметъ выше своего
огромнаго роста с улыбкой скажетъ, — не бойся, не упусти. Про-

щаясь, прикажет отпустить в отпуск на три дня кадет и прощает всѣх наказанных, ради сегодняшняго дня и надѣется, что они постраются исправиться.

Старшіе два класса (6-й и 7-й) образовывали — первую, строевую роту, в описываемое время, по окончаніи экзаменов, должны были, до лѣтних каникул, отбыть лагерный сбор (пять недѣль) в Петергофѣ, куда собирались всѣ строевыя роты всѣх пяти Петербургских корпусов (Пажескаго, 1-го, нашего 2-го, Николаевского и Александровскаго). Здѣсь, между Новым и Старым Петергофами были построены, для кадет, спеціальныя бараки. Для перѣзда в Петергоф, кадеты строем прибывали на пристань на Невѣ, близъ Николаевского моста, гдѣ грузились на яхты Гвардейскаго экипажа, доставлявшія их на петергофскую дворцовую пристань. Здѣсь Государь Александр III с Супругой и всей Семейей, проводившіе лѣто в Петергофской Александріи, — встрѣчали их.

Послѣ пятинедѣльнаго обученія в лагерѣ, Государь дѣлал нам смотр, на котором всѣ кадетскія роты, образуя батальон, показывали ученье со всевозможными перестроеніями, затѣм всѣм батальоном производили атаку, по правилам тогдашней тактики, и смотр кончался церемоніальным маршем перед Государем, Государыней и стоящими здѣсь же Царскими Дѣтьми. Послѣ чего кадеты отпускались на лѣтніе каникулы.

За два-три дня до нашего смотра, в Петергоф прибывали выпускныя институтки всѣх Петербургских институтов, для «представленія Императрицѣ, как возглавлявшей вѣдомство, Императрицы Маріи». А вечером в Александріи для институток был устроен бал, на который было приглашено и соотвѣтствующее количество кадет. В танцах принимали участіе и Дѣти Государя. По окончаніи танцев, институтки и кадеты получали из рук Императрицы по коробкѣ конфект. Было эффектно и красиво когда, подходя за полученіем конфект, институтки дѣлали перед Государыней глубокой реверанс.

По окончаніи курса корпуса, приходилось рѣшать вопрос о дальнѣйшей своей судьбѣ: необходимо было сдѣлать выбор дальнѣйшаго соотвѣтствующаго образованія. Большинство, из окончивших кадетскіе корпуса, предназначали себя к военной службѣ, к чему вел установленный уклад жизни корпусов. Но, все-же, почти 10% уходило в гражданскіе высшіе институты. Я, выйдя из военной семьи, о гражданской карьерѣ не задумывался, но и выбор военной службы представлял обширное поле для дальнѣйшей подготовки в зависимости от желанія служить: в пѣхотѣ, артиллеріи, кавалеріи и инженерных войсках? Для каждого из них существовали соотвѣтственныя военныя училища. У меня было

стремленіе служить в кавалеріи. Отец, согласно моему желанію, благословил и опредѣлил мое поступленіе в Николаевское Кавалерійское Училище.

Послѣ лѣтняго отпуска, вечером 30 Августа, в послѣдній раз мы собрались в родном корпусѣ, гдѣ переночевали, а на утро трогательно распрощались послѣ многих лѣт совмѣстной жизни. Напутствуемые Директором и бывшими в нашем классѣ офицерами-воспитателями мы разъѣзжались по училищам.

Николаевское Кавалерійское Училище.

31 Августа 1893 года, я вступил в Никол. Кав. Училище, образованное из быв. Школы гвардейских подпрапорщиков и Кавалерійских Юнкеров. Училище наслѣдовало старыя традиціи, запечатлѣнныя еще стихами, прошедшаго в нем курс, величайшаго русскаго поэта Лермонтова. Было в них не мало юмористических и сатиристических выпадов, но, в общем, уклад жизни Училища, или как у нас принято было говорить — «в славной Школѣ», вел к строжайшей дисциплинѣ и молодцеватости. Считалось, что кавалерист должен быть — лихой, ловкій, воспитанный в чисто воинском духѣ.

Подход к этому, издавна, велся в строгой субординаціи и точном подчиненіи не только начальству, но и старшим нашим товарищам — юнкерам старшаго курса. Младшій курс должен был видѣть в них — свое ближайшее начальство. Младшій курс считался еще не проникшимся воинским кавалерійским духом, юнкера коего назывались «сугубыми звѣрьми». Они должны были слушать и повиноваться юнкерам старшаго курса, кои наставляли их в установленных в Школѣ традиціях. Кромѣ того, среди юнкеров старшаго курса имѣлись начальники: эскадронный и взводные вахмистра (в частном обиходѣ «капралы») и потупей-юнкера (также в частности — «эстандарт-юнкера»). Они имѣли на погонах соотвѣтствующія отличія поперечными нашивками, почему и назывались нашивочными. Эти званія получали юнкера старшаго курса, приказом по Училищу, за успѣхи — в науках, строевых занятіях и умѣнію хорошо ѣздить верхом. Согласно Дисциплинарному Уставу эти начальники обладали правами по наложенію наказаній — назначенія не в очередь на наряды (дежурства и дневальства) и оставленіе без отпуска.

В общем слѣдует признать, что переход из кадет корпуса в юнкера училища — был безусловно суровым. К тому же, у нас, среди юнкеров старшаго курса попадались люди не совсѣм уравновѣшенные, без нужды переходили границы благоразумія, но это надо считать как исключеніе.

Однако этот строгий режим, называемый «цуком», молва превеличивала и доходя до высшего военного начальства, включая военного министра, вызывала требование к начальникам училища — принять мѣры для искоренения этого «цука». Но вопрос был очень деликатный и не все начальники училища подходили к нему хладнокровно, а рѣзкія мѣры вызывали не улучшение, а усугубляли положеніе, приводя к уродливым формам. Так напримѣр, уже по моем окончаніи училища, один начальник училища отмѣнил право «нашивочных» юнкеров налагать наказанія, принадлежавшія им по Дисциплинарному Уставу; это привело к тому, что калагались незаконныя наказанія, вродѣ назначенія сдѣлать десятки гимнастических присѣданій, дѣйствительно унижительных. Но упоминаю об этом как исключеніе, в общем рѣдко можно было встрѣтить у бывших питомцев Школы непріятное воспоминаніе о жизни в стѣнах училища. А, с другой стороны, суровый режим воспитывал «отчетливых» будущих кавалерійских офицеров.

Через мѣсяц, когда прибывшіе в училище юнкера утверждались в первоначальном воинском обученіи и владѣніи оружіем, (что особенно было трудно для лиц поступивших из гражданских учебных заведеній, т. к. кадетам это было извѣстно), назначалась церемонія принятія присяги. Для этого в манежѣ выстраивались в пѣшем строю, с полной аммуниціей и оружіем, эскадрон и сотня, выносился Штандарт, читались слова присяги и присягавшіе юнкера младшаго курса прикладывались ко Кресту и Евангелію. С этого дня, поступившіе юнкера зачислялись на дѣйствительную, военную службу и с этого дня насчитывалась выслуга пенсій. И юнкера поступали под дѣйствія военного законодательства.

Занятія в училищѣ были установлены: — 4-ре часа лекцій в класном флигелѣ и 4-ре часа строевых занятій, в том числѣ ежедневно час верховой ѣзды. Два раза в недѣлю, по вечерам, были репетиціи по прочитанным курсам лекцій, за которыя ставились отмѣтки (баллы).

Кромѣ военных наук — тактики, военной исторіи, фортификаціи, артиллеріи, топографіи, военной администраціи, подрывном дѣлѣ, мы проходили — исторію Церкви (Закон Божій), исторію русской литературы, законовѣдѣніе (особенно полковые суды), французскій и нѣмецкій языки и, еще в мое время — химію и механику, в послѣдствіи отмѣненныя; в мое время — эти двѣ науки у юнкеров носили названія — сугубых.

В серединѣ Мая, училище переходило в лагерь Краснаго Села. Этот лагерь широко извѣстный, среди военных и юнкеров Петербургских училищ, был одним из больших центров лѣтней подготовки, учебных стрѣльб и маневров войск.

Подъѣзжая к лагерю вы слышали: треск барабанов, звуки горнов и труб, заливчатую трель флейтистов; слышались ружейные выстрѣлы и очереди пулеметов, доносился отдаленный гул артиллерійской стрѣльбы. Поднявшись в ряд слобод, образующих Красное Село и обернувшись назад, перед вами откроется красивая картина палаточнаго лагеря пѣхотных полков и батарей императорской гвардій. А здѣсь, между слободами, раскинулись дворцовыя постройки и бараки штабов. Сюда же примыкал своим правым флангом Авангардный лагерь армейских частей, бараки военных училищ, заканчивавшіеся постройками Офицерской Кавалерійской Школы.

Трудно подыскать столько разнообразія в топографическом смыслѣ, как окрестности Краснаго Села. Здѣсь вы найдете в фигураціи мѣстности, все нужное для обученія войск: — лѣса и перелѣски, овраги и холмы с причудливыми хребтами. По преданію на этот участок мѣстности, в 25-ти верстах от Петербурга, указал наш великій Суворов. Сюда на смотры и маневры прибывали наши Вѣнценосные Вожди, сюда приглашались военные представители иностранных держав.

Впереди Авангарднаго лагеря растилалось обширное, холмистое пространство, примѣрно на три версты в ширину и длину, носившее названіе военнаго поля, казавшееся плоским, но было всхолмлено так, что в его складках скрывались на ученіях цѣлые кавалерійскіе полки. Сухой грунт поля, вытоптанный на ученіях, во время которых, на широких аллюрах, подымалась такая пыль, что всадник не видѣл ушей своего коня.

Южную сторону поля окаймляла «Лабораторная роща», склады и артиллерійскія снаряженія, т. к. за рощей находился полигон для практических стрѣлъ артиллеріи. В полѣ, на самом его высоком холмѣ, уже давно был построен «Царскій валик», откуда Державные Вожди Россійской Арміи смотрѣли прохожденіе церемоніальным маршем войск и гдѣ, в былое время, Императоры, в концѣ лѣта, поздравляли выпускных юнкеров и пажей с производством в офицеры.

Отсутствіе на полѣ оріентировочных пунктов затрудняло построеніе войск к смотру. Требовалась посылка топографа для точнаго опредѣленія праваго фланга построенія, что-бы кипрегелем визируя на три отдѣльных предмета, в том числѣ на дымовую трубу бумажной фабрики Печаткина, засѣчь нужную точку. Поэтому, досужіе зубоскалы увѣряли, что если рухнет труба фабрики, то и выстроить большую массу войск лагеря — будет невозможно.

Эскадрон и сотня нашего Училища, в конном строю с полным вооруженіем выступив из Петербурга, походным порядком с

привалом у Лигово, двигались переменными аллюрами и пѣснями.

По дорожкѣ Красносельской
Ѣдет эскадрон гвардейскій,
Эскадрон — лихой!
Снѣга бѣлаго бѣлѣ,
Блещут наши португеи,
Шашками гремя!
А, полковник приказал —
Сдѣлать в Лиговѣ привал:
Бутерброды ѣсть!
Тут шакалы подбѣгают,
Нам бутылки предлагают,
С игристым вином!
Но полковник не зѣвает,
Он шакалов прогоняет,
Жилистым хлыстом!
И кидает им в затылки —
Драгоценныя бутылки,
Как ему не жаль?

Прибыв в бараки нашего лагернаго расположенія, мы, первый мѣсяц нашего обученія, посвящали: на младшем курсѣ — топографическим съемкам, а на старшем — верхом производили маршрутные съемки и рѣшали в полѣ заданныя нам тактическія задачи.

Закончив эти работы, которыя отмѣчались баллами, мы приступали к интенсивным строевым занятіям. Среди которых ежедневно производились конныя ученія, гдѣ юнкера с полным вооруженіем, полагающагося кавалеристу, с винтовкой за спиной на солдатском сѣдлѣ. Все это давало, каждому из нас, полное понятіе о тяжести кавалерійской службы, когда на широких аллюрах и всяческих перестроеніях винтовки набивали спину, а сжимаясь в сомкнутых строях страдали и ноги. Моясь в банях мы могли наблюдать друг у друга синяки и ссадины причиненныя на ученіях. И понятно на нас молодых, ложилось тяжелѣе чѣм на солдатах.

20 Октября 1894 года, в Бозѣ почил Император Александр III. 7 Ноября поѣзд с тѣлом Императора прибыл из Ливадіи в Петербург, наше Училище, в конном строю, к полдню прибыло к Николаевскому вокзалу и мы были свидѣтелями прохожденія траурнаго шествія, а затѣм слѣдовали за гробом вплоть до Петропавловской крѣпости, в церкви которой покоились лица Царской Семьи, со времен Петра Великаго.

Когда я перешел на старшій курс, вел. кн. Николай Николаевич был назначен Генерал-Инспектором Кавалеріи. Страстно любящій кавалерійское дѣло, вел. кн. энергично принялся за работу, безусловно поставив ее на большую высоту; можно лишь отмѣтить, что его рѣзкій характер, иногда, переходил границы, наводя на смотрах трепет среди кавал. начальников, т. к. тѣ, которые сплеховали, — отрѣшались от своих должностей или не получали дальнѣйшаго продвиженія по службѣ. «Пошло избіеніе», как говорилось в тѣ времена. Многіе полагали, что энергичная работа вел. князя не пострадала, если бы им не примѣнялись эти рѣзкости; надо имѣть в виду, что положеніе вел. кн., как такового, затрудняло отвѣтом или даже объясненіем лица, коему был брошен рѣзкій упрек. Мало кто рѣшался бы на возраженіе, а, потому, вел. князю и не слѣдовало пользоваться своим привилегированным положеніем. Постепенно, с годами, характер вел. князя значительно смягчился.

Однажды, молодым офицером, назначенным ординарцем к вел. князю на его выѣзд для смотров, я оказался свидѣтелем слѣдующаго: дѣлая смотр Уланам ЕЯ Величества, вел. князю не понравилась какая то эволюція в построеніи; вызвав командира полка ген. Баранова, он начал выговаривать ему и бросил бранное (неприличное) выраженіе. Тотчас командир Улан повернулся и начал отѣзжаться. Вел. кн. сперва недоумѣлъ отѣзжду от него командира полка, а затѣм приказал: «Ординарец, верните мнѣ командира полка». Я поскакалъ выполнять распоряженіе. Вернувшись ген. Баранову, вел. кн. заявляет: «На каком основаніи вы позволяете себѣ отѣзжаться, когда я дѣлаю разбор ученія»? Но не потерявшійся и сохранившій полное спокойствіе генерал отвѣтил: «Когда Ваше Императорское Высочество говорите мнѣ о кавалерійском дѣлѣ, я Вас слушал, в ваших же «выраженіях» я не компетентен». Вел. кн. понял свое неосторожное выраженіе, вырвавшееся нечаяно, обнялъ командира полка; все кончилось по хорошему, принял приглашеніе на завтрак в полк. Но не у всякаго хватало рѣшимости на такой отвѣтъ.

В серединѣ лагернаго обученія, из Главнаго Штаба поступил список свободных офицерских вакансій в полках. А в училищной канцеляріи был составлен список в порядкѣ средняго балла за выпускные экзамены, лагерныя практическія занятія по сѣмкам и прочее. По этим спискам и происходила разборка вакансій, имѣющихся в полках. Каждый юнкер, в зависимости от своих успѣхов, мог видѣть — дойдет ли до него возможность попасть в намѣченный желательный для него полк? Состоя третьим по списку, меня этот вопрос не озабочивал.

(Выпускные пажи имѣли привилегію выбора желательной части, даже если в ней отсутствовала вакансія).

Выяснив в какой полк, по разборкѣ вакансій, юнкер попадет, можно было приступить к заказу соответствующей полковой формы, дабы ко дню производства, что для нас намѣчалось на 12 Августа 1895 года, не опоздать надѣть офицерскій мундир.

Подходил день производства, когда мы, став офицерами, покидали нашу славную Школу, гдѣ мы так дружно сжились, теперь же разставаясь с нашими младшими братьями-звѣрьми, с которыми нужно было проститься и наставить их в храненіи школьных традицій. Послѣ дружеских объятій всѣм хором пѣлась наша «Звѣріада», в которой сохранилось не мало строф нашего Лермонтова.

Затѣм читался послѣдній наш «юмористическій приказ по курилкѣ» с заключительной фразой котораго полагалось, что послѣдній позвонок звѣринаго хвоста отпадал и бывшая наша молодежь-«звѣри» становились «корнетами» с возложенными на них обязанностями: — хранить и поддерживать славу нашей Школы!

Производство в офицеры.

День производства в офицеры был большим событіем в жизни молодежи, предназначавшей себя к военной службѣ. Дѣйствительно, мы из учеников дѣлались самостоятельными, полноправными російскими подданными и офицерами, которым отдавала честь могучая наша Армія. Понятно, этот день, у нас запечатлѣвался на всю жизнь!

Конец маневров в 1895 году в Петербургском военном Округѣ заканчивался к 12 Августа и на этот день был назначен Высочайшій смотр войскам лагеря. По окончаніи смотра, окончившіе курс пажи и юнкера Петербургских военных училищ, были вызваны к Царскому валику.

Это был первый год вступленія на прародительскій Престол нашего послѣдняго Державнаго Вождя Императора Николая II, так звѣрски убитаго со всей Августѣйшей Семейей.

Молодой Император, еще не освоившійся со возложенными на Него, Божьей милостью, трудами, обратился к нам с милостивыми словами, которыя были выслушаны с волненіем и глубоко запали нам в душу. Государь подошел к нам, обвел своим чарующим взглядом выстроенных юных юнкеров и пажей, и с любовной улыбкой произнес: «Служите вѣрой и правдой Россіи и Мнѣ. Любите Родину и будьте справедливы к подчиненным. Поздравляю вас с производством в офицеры». Громкое Ура вырвалось из наших грудей.

Вечером, всѣм своим выпуском с приглашенными — командиром училищнаго эскадрона и нашими смѣнными офицерами, мы собрались на общій обѣд у Эрнеста на островах, гдѣ, за дружеской трапезой и трогательными рѣчами, прощались друг с другом и училищным начальством. Этим оффиціальная часть заканчивалась и мы расходились группами, для продолженія своего празднованія по всѣм загородным садам, куда, до сей поры, вход нам былъ закрытъ. Плац-адъютанты Петербургскаго коменданта, по установившемуся обычаю, смотрѣли снисходительно на наши шалости.

На слѣдующій день утром мы еще раз собрались в стѣнах училища, в только что сшитых парадных мундирах, гдѣ былъ отслужен молебен, в присутствіи всего училищнаго начальства. Адъютантъ училища выдал нам необходимые документы и отпускные билеты на полагающійся нам 28 дневный отпуск и мы разъѣзжались. В дополненіе к 28 дням отпуска прибавлялось еще время на проѣзд к мѣсту службы, исчисляемый по старинному, когда не было еще желѣзных дорог, по 50 верст в сутки. Отчего выигрывали тѣ у которых полковая стоянка была дальше от Петербурга. Выходившіе в части стоявшія на Дальнем Востокѣ, имѣли нѣсколько мѣсяцев дополнительнаго отпуска.

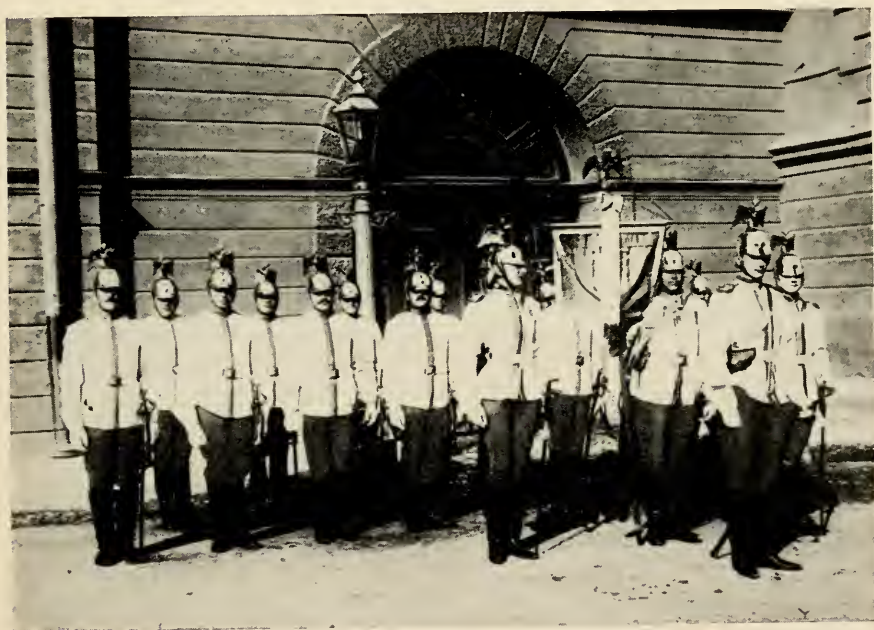
Для выхода в гвардейскія части требовалось еще получить согласіе офицеров полка, для принятія в свою среду. Это положеніе не обусловливалось каким-либо законом, но давно вошло в обычай и поступленіе в полкъ, минуя желанія его офицеров, ставило нарушителя в невозможное положеніе служенія среди не чувствующих ему. А, потому, едва-ли кто-либо мог рѣшиться на подобный шаг.

Кромѣ того, каждый, намѣтившій себѣ часть, должен был отдать себѣ отчет — обладает ли он достаточными средствами, для службы в ней? Т. к. служба, особенно в гвардейских частях, не давала возможности существовать на получаемое жалованье. В этом отношеніи гвардейскія части сильно разнились в зависимости от установленных в полках обязательных расходов. Недостаточная обдуманность в этом отношеніи грозила тѣм, что прекрасный офицер, не отдавшій себѣ отчета — справится ли он в намѣченной части с имѣющимися у него средствами, должен был быстро покинуть полкъ.

Я, с нѣсколькими товарищами по Училищу, намѣтившими себѣ выход Л-Гв. в Кирасирскій Ея Величества полкъ, заблаговременно, до разборки вакансій, проѣхали в Гатчину (гдѣ полкъ квартировал) к полковому адъютанту М. М. Лазареву, который повел нас представиться старшему полковнику В. Г. Мандрыкѣ. Послѣд-

ній, познакомившись и разспросив нас, отпустил сказав, что от-
вѣтъ мы получим своевременно. Вѣроятно, о нас, представлявших-
ся, были собраны необходимыя справки, и заѣхавшій к нам в ла-
герь Лазарев вызвал лишь меня и Н. Н. Лавриновскаго и пере-
дал согласіе на наше принятіе в полк.

И вот, с производством 12 Августа 1895 года, я получил честь
надѣтъ мундир и стать корнетом Л-Гв. Кирасирскаго Ея Величе-
ства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка. Полк
постепенно сдѣлался для меня родным: — в нем я служил млад-
шим офицером; по окончаніи Академіи командовал в нем эскад-
роном, в 1910 году, в нем же, отбывал ценз командованія диви-
зіоном; по волѣ Государя и Шефа, мнѣ оказана честь и радость
получить в 1915 году в командованіе родной полк. А послѣднее,
по установившемуся положенію, давало мнѣ право, и по окончаніи
командованія полком, остаться в его списках и сохранять мундир
полка пожизненно.

*Штандартный взвод Кирасир Ея Величества.
Петербург 1906 г.*

В ОТПУСКУ В ЗАКАСПИИ.

Управление краем.

Свой отпуск, послѣ производства, давно не видя отца, я рѣшил провести у него, что доставило бы и ему удовольствіе. Но путешествіе мнѣ предстояло длинное, т. к. в то время отец служил в Закаспіи, в гор. Асхабадѣ.

Тогда еще не существовало железнодорожной линіи, связывавшей европейскую Россію с нашими Средне-азиатскими владѣніями и мнѣ приходилось ѣхать через Кавказ и пересѣчь пароходом Каспійское море. Поэтому, мнѣ мой 28 дневный отпуск продолжили на 20 дней, принимая во вниманіе, что поѣздка в одну сторону занимала около 9-ти 10-ти дней.

Закаспійская область, в описываемое время, не входила в Туркестанское Генерал-губернаторство, как она была вполнѣдствіи включина, а представляла из себя отдѣльную административную область. Начальником области и командующим в ней войсками был ген. А. Н. Куропаткин — будущій военный министр и незадачливый Главнокомандующій в японскую войну 1904-5 г. г.

Кромѣ общаго гражданскаго управленія и командованія войсками, ему также подчинялась Закаспійская жел. дорога, пересѣкавшая область. Эта дорога, построенная, послѣ присоединенія области, по завоеванію ея Скобелевым, трудами русских же войск под руководством военнаго инженера Анненкова, представляла, для техники того времени, безусловно большое достиженіе. Идя от Каспійскаго моря, по песчаной пустынѣ, через Асхабат и оазис Мерв, пересѣкала Бухару, оканчивалась у Самарканда. Постройка пути, по песчаному грунту, гдѣ передвижные пески, все время, заносили проложенный путь, заставляли принимать особія мѣры — по укрѣпленію и защитѣ полотна дороги. Это была первая жел. дорога в мірѣ — проложенная по зыбкой пасчаной мѣстности, дѣлающая честь русскому имени.

Послѣ оазиса Мерв, близь котораго находилось Государево имѣніе Мургаб, жел. дорога пересѣкала большую и временами очень многоводную рѣку Аму-Дарью. Послѣдняя, беря начало в горных высотах Памира, спустившись с гор, шла по пустынѣ, часто мѣняя свое русло, в песчаных берегах, впадая в Аральское море. Много вѣков назад, Аму-Дарья несла свои воды в Каспійское море. В газетах теперь было упоминаніе о желательности

направить рѣку по старому руслу в Каспійское море, что дало бы жизнь пустынь, находящейся между этим морем и Аральским и прибавило бы воды сильно мелѣющему Каспію. Это обмелѣніе сильно беспокоит совѣты, т. к. теперь, с отводом воды из Волги в разные каналы и на орошеніе, убыль воды в Каспіи, пошло быстро и грозит рыболовству в гирлах Волги.

Постоянная мѣна русла Аму-Дарьи, крайне затрудняла постройку и содержаніе желѣзно-дорожнаго моста. Приходилось выше моста, на большом удаленіи, принимать мѣры по укрѣпленію берегов, для направленія вод рѣки в определенном направленіи к мѣсту, гдѣ находился мост. А это требовало больших расходов, которых, правительство, того времени, не могло широко отпускать, ввиду бездоходности тогда этой желѣзной дороги. Кроме того, количество воды в рѣкѣ часто и рѣзко измѣнялось, не только от времени года, когда происходило таяніе снѣгов на высотах Памира, но и под вліяніем других метеорологических условий. Причем измѣненіе уровня вод в рѣкѣ происходило внезапно и, если не успѣвали принять нужныя мѣры, причиняло поврежденіе мосту.

Куропаткину, как ближайшему сподвижнику Скобелева, овѣянному ореолом и славой послѣдняго, было поручено, кромѣ указанных гражданских и военных обязанностей, еще наблюденіе за эмирами Бухары и Хивы. Эти двѣ страны были под покровительством Россіи, имѣли при себѣ от нашего Министерства Иностранных Дѣл дипломатических чиновников, но всѣ сношенія эмиров шли через Начальника области — Куропаткина.

С юга область граничилась с Персіей и многіе пограничныя вопросы также были возложены на Куропаткина.

От желѣзно-дорожной магистрали у гор. Мерва, была проложена вѣтка в направленіе на Мѣстечко Кушка, находившагося на границѣ с Кабулом. Еще в мой пріѣзд жив был здѣсь в памяти извѣстный инцидент с занятіем этого пункта небольшим отрядом полковника Комарова. Незначительное это событіе возбудило тревогу у англичан, всегда нервно относившихся к пограничным событіям в этом краѣ и даже не касаясь их Индійских границ. Оно послужило к дипломатическому конфликту между Россіей и Англіей. Послѣдняя потребовала ухода русскаго отряда из Кушки и наложенія наказанія на полк. Комарова.

Наш Царь-Миротворец, на доклад министра Ин. Дѣл об англійской нотѣ, послал телеграмму Комарову, поздравляя его с производством в генералы и приказал сообщить об этом Англіи с указаніем, что Кушка никакого отношенія к владѣніям Ея величества англійской королевы — не имѣет.

В Англії, видящей могучій рост Російской Имперіи, всегда грезился наш поход на Индію.

У нас в Россіи, среди военных сфер, также разбирался вопрос — возможен ли поход русских в Индію, через неприступные горные массивы Гималаев, без каких-либо колесных путей? Специалисты, детально изучившіе этот вопрос, категорически отрицали его возможность при тогдашних наших военных и технических средствах.

Но, несмотря на все это, для Англіи, эта угроза, представлялась реальной. Насколько все это тревожило англичан, видно из того, как тщательно они слѣдили за нашими дѣйствіями в пограничных мѣстах, имѣя там своих агентов. При указанном внезапном захватѣ Комаровым Кушки, были найдены дѣла и записи англійскаго офицера, который спѣшно убѣгая из Кушки, не успѣлъ захватить свой багаж.

В правительственных и серьезных кругах нашего Отечества, не было ни намѣренія, ни желаній похода в Индію. Нам нужно было лишь утвердить свои сосѣдскія отношенія с полудикими государствами, нашими ближайшими сосѣдями.

Наши среднеазіатскія владѣнія, в том числѣ и Закаспійская область, представляли богатѣйшій край, гдѣ не только всевозможныя культуры — хлопка и злаков, но и чудные фрукты в изобиліи произрастали там, гдѣ была вода. Селенія тонули во фруктовых садах.

Уже в тѣ времена, была налажена, во многих мѣстах, проводка воды, к населенным пунктам, гдѣ она по «арыкам» расходилась для поливки. Инициатива в этом вовсе не принадлежит совѣтам, они лишь продолжили начатое дѣло и, вѣроятно, без них этот вопрос был бы продолжен болѣе рентабельно и, во всяком случаѣ, не рабским трудом.

Путешествіе в Закаспій. Встрѣча с Эмиром Бухары.

Мой отец, ген. генеральнаго штаба А. М. Свѣчин, занимал, в Области, должность помощника Куропаткина, что налагало на него обязанности замѣщать Начальника Области, во всѣх случаях его отсутствія. А это бывало часто и на продолжительное время, т. к. по многим вопросам, связанными с устройством новаго края, Куропаткин вызывался в Петербург.

Как раз, в описываемое время, когда я пріѣзжал в отпуск, Куропаткин был послан во главѣ миссіи к Персидскому Шаху, с объявленіем о восшествіи на Престол Императора Николая II.

Мнѣ предстояло большое путешествіе, которое, по тѣмъ временамъ, какъ я упомянулъ выше, занимало отъ Петербурга до Асхабада — около 10 дней. Мнѣ посчастливилось продѣлать его съ моимъ товарищемъ по выпуску Спокойскимъ-Францевичемъ, у котораго отецъ также служилъ въ Асхабадѣ.

Мы двинулись въ путь на Владикавказ. Откуда можно было ѣхать — или на Петровск, портъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ ждалъ парохода, или же на лошадяхъ (автомобилей еще не существовало) проѣхать по Военно-грузинской дорогѣ въ Тифлис, откуда по жел. дорогѣ въ Баку и пароходомъ пересѣчь Каспійское море. Мы выбрали второй путь.

С большимъ удовольствіемъ, на почтовыхъ лошадяхъ, проѣхали, въ два дня, по этой замѣчательной по красотѣ, дорогѣ. Гдѣ суровая первая ея половина съ видами на Дарьяльское ущелье и Казбекъ, послѣ Гадаурскаго перевала, смѣнялась бурной растительностью Грузинской Кахетіи.

Въ Тифлисѣ пришлось переночевать въ гостинницѣ, а передъ сномъ отправились въ сѣрныя Тифлискія бани, гдѣ грузины-банщики, послѣ мытья, дѣлая массажъ, чуть ли не танцевали на насъ.

Утромъ сѣли въ поѣздъ, который цѣлыя сутки тащился до Баку. Здѣсь, на вокзалѣ, узнали къ счастью, что сегодня имѣется отходящій пароходъ. Что-бы окончательно удостовѣриться, я поѣхалъ на пристань. Подѣзжая къ послѣдней увидѣлъ, что вся пристань, гдѣ виднѣлся пароходъ, выложена коврами, украшена флагами. У кассы, гдѣ продавались билеты на переѣздъ на пароходѣ, мнѣ заявили, что пассажиры не могутъ воспользоваться этимъ рейсомъ, ибо эмиръ Бухарскій зафрахтовалъ весь пароходъ, для себя и своей многочисленной свиты. А слѣдующій пароходъ отойдетъ черезъ три дня.

Перспектива потерять три дня мнѣ никакъ не улыбалась. Възбѣшенный извѣстіемъ, мнѣ, только что надѣвшему офицерскіе погоны, казалось, занятіе пассажирскаго парохода, больше чѣмъ возмутительнымъ. И я, въ своемъ бѣлоснѣжномъ кителѣ, съ кирасирской фуражкой и волочившимся палашомъ, съ негодующимъ видомъ, двинулся по коврамъ, среди многочисленныхъ стоявшихъ и глазѣющихъ, въ своихъ халатъ, бухарцевъ. Мое энергичное движеніе и, вѣроятно, не обычный видъ, въ гвардейской формѣ, возбудилъ вниманіе халатниковъ. Они что-то загоготали на своемъ языкѣ и одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и робко, по русски, обратился ко мнѣ съ вопросомъ что мнѣ нужно?

Я отвѣтилъ, — что ѣду къ отцу въ Асхабадъ, не могу терять три дня, ожидая слѣдующаго рейса, возмущенъ занятіемъ пассажирскаго парохода.

Бухарецъ освѣдомился, кто мой отецъ? Услышавъ, сразу какъ-то присѣлъ съ поклономъ, прося минуту обождать, а самъ бѣгомъ отправился къ пароходу. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся и почти-

тельно передал, что Чарджуйскій-бек, который готов выполнить мое желаніе, сейчас подойдет. Дѣйствительно,, ко мнѣ навстрѣчу подошел высокаго роста, очень представительный бухарец и любезно протянув руку, заговорил по бухарски; мой освѣдомитель, оказавшійся переводчиком при дворѣ эмира, перевел мнѣ, что передо мной Чарджуйскій-бек, который поможет все сдѣлать, что-бы быть мнѣ полезным, лично знаком с моим отцом, котораго, его властелин эмир, очень уважает. Моя просьба будет немедленно доведена до эмира и чтобы я не беспокоился, дѣлал свои дѣла, каюта мнѣ будет предоставлена, и я буду обставлен подобающим образом. Пароход отойдет в 6-ть час. и к утру мы уже будем на другой сторонѣ моря.

Я поблагодарил и просил помѣстить в мою каюту своего товарища, с которым ѣду и получил согласіе.

Впослѣдствіи я узналъ, что Чарджуйскій-бек, занимал пост губернатора большой бухарской провинціи, принадлежал к ближайшему окруженію эмира, получил достаточное образованіе и владѣлъ русским языком. Но, по бухарскому церемоніалу, не имѣлъ права вести служебные разговоры иначе как через переводчика. Поэтому обращался ко мнѣ по бухарски, но на мои просьбы отвѣчал не дожидаясь перевода.

Понятно, всю эту любезность нужно отнести к тому, что отец, как помощник Курапаткина, был хорошо извѣстен как эмиру, так и его окруженію, и в извѣстной степени находился в подчиненіи у отца.

Вернувшись, я подѣлился со Спокойским удачей, мы позавтракали в ресторанѣ, рѣшили поѣхать осмотрѣть, находящійся в 15 верстах от Баку — Черный город, мѣсто добычи нефти, куда вела желѣзнодорожная вѣтка. Осмотр был крайне интересен. Мѣсто хорошо отвѣчало названію Чернаго города: мѣстность, постройки, вышки и сами рабочіе все было черно, покрыто копотью. Бъ тѣ времена, когда еще не было авто-транспорта, и использованіе нефти, как горючаго, было в зачаткѣ. Эта добыча в міровом масштабѣ, лишь начиналась развиваться. У нас в Россіи имѣла наибольшее распространеніе — в переработкѣ на керосин, который имѣлъ главное употребленіе для освѣщенія, как в городах, так и в деревнѣ.

(Какое состояніе нажил Нобель в Россіи, раз это дало ему возможность передать Шведскому правительству огромныя средства на ежегодную выдачу т. н. Нобелевских премій из денег, полученных при эксплуатаціи концессій на добычу нефти близъ гор. Баку.)

Проведя нѣсколько часов осматривая добычу нефти, мы сами почернѣли, а наши бѣлые кителя пришлось, по возвращеніи смѣнить.

К отходу парохода мы прибыли на пристань и были встрѣчаны бухарцами со знакомым мнѣ переводчиком. Послѣдній сообщил, что большая каюта мнѣ и другая поменьше — приготовлены, а наш багаж будет перенесен. Моя каюта оказалась с двумя койками, а потому я попросил помѣстить в ней и моего спутника. Весь наш багаж был внесен. Устроившись в каютѣ, я поднялся наверх; пароход начал отваливать от пристани. Ко мнѣ подошел какой то бухарец, который по русски представился и заявил, что он назначен в мое распоряженіе и, в чем я нуждаюсь, могу обращаться к нему. Затѣм он передал мнѣ, что эмир хотѣл познакомиться со мной и просит спуститься к нему, при этом добавил, что послѣ моего представленія я приглашаюсь к обѣду за столом эмира.

Спустившись, я был проведен к эмиру, которому, как нас еще в училищѣ учили, отчетливо отрапортовал свой чин, фамилію и куда ѣду. Переводчик перевел. Эмир радостно улыбнулся, видимо ему было пріятно выслушать — чисто по военному представленіе, протянул мнѣ руку, освѣдомился о здоровѣ отца и что он был рад оказать мнѣ гостепріимство, просит вмѣстѣ с ним пройти к обѣду.

За столом эмир занял центральное мѣсто, а правѣе его сѣл генерал в русской формѣ. Это меня удивило и нѣсколько смутило, что я не узнал о нем и не представился. Послѣ обѣда, на палубѣ, я встрѣтился с ним и подойдя объяснил каким способом я попал на пароход. Он улыбнулся и сказал, что ему уже сообщили о моем появленіи здѣсь. Впослѣдствіи я узнал, что это ген. барон Штакельберг, командир казачьей бригады, стоящей в области. По установленному обычаю — при выѣздѣ эмира, так и при возвращеніи, он сопровождался кѣм либо из генералов. В японскую войну мнѣ пришлось встрѣтить барона уже в должности командира 1-го Сибирскаго корпуса.

За обѣденным столом мнѣ было отведено мѣсто рядом с Чарджуйским-беком, который сидѣл против эмира. Но обычному ритуалу обѣда помѣшала качка, которая началась вскорѣ послѣ того, как мы вышли из залива; этому-же содѣйствовала невѣроятно жирная ѣда, особенно из рагу с рисовым плѣфом.

Одним из первых, вышел сам эмир, а затѣм один за другим стали уходить и прочіе. Бек, который за обѣдом просто заговорил со мной по русски тоже извинившись вышел. Послѣдовал и я, т. к. чувствовал себя не совсѣм увѣрено; но поднявшись на мостик, гдѣ обвѣваемый вѣтром, стало вполне хорошо. Простояв довольно долго, спустился в каюту и застал там Спокойскаго, который сразу заболѣл и его всячески выворачивало. Тут я пожалѣл, что отказался от другой каюты...

Утром пароход подошел к порту Узун-Ада, на противоположном берегу Каспія, откуда начиналась жел. дорога. Этот примитивный порт, был выбран очень неудачно, как мѣсто особо передвигающихся здѣсь песков; через нѣсколько лѣтъ он был перенесен сѣвернѣе в Красноводск, туда же была отнесена отправная станція жел. дороги. Что-же касается Узун-Ада, то через мѣсяц-другой, он оказался так занесенным песками, что не осталось и слѣда — гдѣ он находился.

По прибытіи, услугами тѣх же бухарцев, наши вещи были перенесены на станцію жел. дороги. Здѣсь стоял экстренный поѣзд эмира, состоящій из вагона-салона и двух-трех вагонов. Личная собственность эмира, заказанная им для своих поѣздов. Меня любезно пригласили ѣхать в этом поѣздѣ. Но вслѣд отходил и пассажирскій, я поблагодарил и отказался. С одной стороны, не хотѣл стѣснять ни эмира, ни его свиту, а с другой стороны, быть в их обществѣ двое суток пути — до Асхабада — мнѣ не улыбалось.

На другом пути стоял уже готовый пассажирскій поѣзд, состоящій на Закаспійской жел. дорогѣ из вагонов выкрашенных бѣлой краской, от палящих лучей солнца.

Перед отходом поѣзда эмира, я пошел проститься и поблагодарить его свѣтлость (титул дарованный Государем) эмира. Меня провели к нему. Эмир чувствовал себя неважно послѣ морского переѣзда, но принял меня. Я выразил свою признательность, а эмир сказал, что рад был оказать гостепріимство, что его поѣзд будет раньше проходить Асхабад, гдѣ, вѣроятно, увидит моего отца, то предупредит, что я ѣду вслѣд.

В горах на маневрах на границѣ с Персіей.

Мой отпуск протекал быстро. Среди него, я сопровождал отца, который выѣхал, для руководства маневрами войск, кои происходили в горах, граничащих с Персіей. Меня очень интересовало побывать в этих диких мѣстах и познакомиться с жизнью офицеров в отдаленных краях нашей необъятной Россіи, их бытом и серьезным отношеніем к своим обязанностям. Болѣе старшіе из них были сподвижниками по завоеванію края, помнили Скобелева. У них, при большой боевой практикѣ, выработались славныя традиціи служенія Родинѣ на далекой окраинѣ. Здѣсь я познакомился со многими начальниками, с которыми пришлось впослѣдствіи встрѣтиться на боевых полях Маньчжуріи.

Из них: командир 4-го Закаспійскаго батальона 1-й стрѣлковой бригады полк. Гернгрос, будущій начальник 1-й восточно-

сибирской дивизіи на японской войнѣ. С нѣмецкой фамиліей и русской душой. Большой собутыльник, но весь проникнутый боевым духом, серьезный вояка, заботливый, но и требовательный, общій любимец, с большим авторитетом. Все это давало ему возможность, в августовскую жару, дѣлать большіе переходы по горной мѣстности и вскарабкиваться с батальоном на крутые хребты. Со своим высоким ростом, его фигура всегда выдѣлялась, показывая примѣр. Как он, так и всѣ Закаспійскіе стрѣлки имѣли красные чамбары (кожаные штаны), как предохраненіе от укусов скорпіонов, водящихся в песках края.

Другой — командир легкой батареи, особо стал извѣстным по японской войнѣ, Павел Иванович Мищенко. С ним судьба меня свела на Маньчжурских полях, о чем я повѣдую на своем мѣстѣ.

Маневры закончились выходом из пограничных с Персіей гор к Геок-Тепе, бывшая твердыня-цитадель Туркменов, которую, эти сыны пустыни, геройски обороняли. Скобелеву пришлось, для умиротворенія края, осадить и, послѣ кроваваго штурма, взять ее.

Кто повѣрит, что Туркмены, отважные и доблестные наши противники, борьба с коими дѣйствительно была, что называется на смерть, которые не признавали плѣнных, под вліяніем русской культуры — сдѣлались самыми вѣрными сынами общей матери Россіи, а во время разразившейся революціи в нашем Отеествѣ, до конца остались вѣрными. Туркменскій полк — охранял Корнилова в Быховской тюрьмѣ и помог ему выбраться...

Еще в описываемое время, из добровольцев Туркмен был сформирован Туркменскій конный дивизіон из двух сотен, при русских офицерах. По очереди, одна сотня, на цѣлый год уходила на границу с Персіей, которую и охраняла своими постами. Впослѣдствіи этот дивизіон был развернут в полк.

Послѣ окончанія маневров, вернувшись с отцом в Асхабад, я получил от нашего дипломатическаго чиновника при эмирѣ, г-на Клема, приглашеніе от эмира — пріѣхать к нему, для принятія участія в соколиной охотѣ. Конечно, это мнѣ очень улыбалось, но требовало не менѣе недѣли, а отпуск мой кончался, хотѣлось провести послѣдніе дни с отцом, котораго мнѣ рѣдко приходилось видѣть. С грустью пришлось отказаться.

Через нѣсколько дней получаю от Клема пакет. В нем оказалось извѣщеніе, что эмир сожалеет о моей невозможности пріѣхать и награждает меня бухарским орденом — золотой звѣзды 3-й степени. Послѣднюю тут-же прилагает с фирманом, в котором по восточному значилось, что-бы — «я, украсив свою грудь, пребывал к нему доброжелательным»...

Много за свою долгую жизнь, службу, участія в войнах — пришлось получить наград и орденов, включая Георгіевскаго оружія и генеральских звѣзд и лент; не мало и иностранных орденов в том числѣ французскій Лежіон д-онер, но полученіе этой, не Бог вѣсть какой декораціи, в первый мѣсяц своего производства — давало мнѣ возможность явиться в полк уже декорированным.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ФЕДОРОВНА

НА СЛУЖБѢ В ПОЛКУ.

Полковая жизнь.

Прибыв из отпуска в Гатчину, гдѣ квартировал наш Кирасирскій Ея Величества полк, с утра поѣхал явиться командиру полка и сдѣлать установленные визиты офицерам. Послѣдних почти никого не заставал дома. Возил меня один из полковых извозчиков, по имени Емельян, невѣроятный пьяница, но знавшій не только нужные адреса, но и всѣх офицеров по имени и отчеству и привычки каждого.

Офицерам, с которыми ранѣе не был знаком, представлялся в офицерском полковом собраніи. Послѣднее было центром жизни холостых офицеров, коих было значительное большинство. Здѣсь, между служебными занятіями в казармах и манежах, мы питались, отдыхали, читали, играли на билліардѣ, в карты, а любители піанисты на роялѣ, бесѣдовали. Близость Петербурга, около часа ѣзды по одной из двух проходящих через Гатчину желѣзнодорожных линій — Балтійской и Варшавской, давала возможность, в свободное от занятій время, ѣздить в столицу — посѣщая родных и знакомых, бывать в театрах, выставках и увеселительных заведеніях. В воскресные и праздничные дни, обыкновенно собраніе пустѣло. Оставались: дежурный по полку и караулу и кое-кто из занятых в эти дни по службѣ или по какой-либо причинѣ.

При поступленіи, я был назначен в 4-й эскадрон, в котором я оставался четыре года до поступленія в Академію. Здѣсь, ком. эскадрона — ротмистр М. Я. Авенариус, поручил мнѣ самостоятельную и интересную работу руководства и обученіе развѣдчиков. Этой работой я увлекался, обучая развѣдчиков разбираться по картѣ, писать донесенія и пр., не рѣже двух раз в недѣлю выѣзжал с ними верхами в окрестности для обученія дѣйствія развѣздов по развѣдкѣ. По прошествіи трех лѣтъ, был горд прочитать свою фамилію в приказѣ по полку за отличную подготовку развѣдчиков 4-го эскадрона.

Знамена и Штандарты Л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества полка

Командир полка.

Командиром нашего полка, в то время, был ген.-майор Транзе, к которому я и явился. Он принял меня сперва довольно сухо и прочел нотацію — как нужно служить. Затѣм узнав, что я провел свой отпуск в Закаспіи, заинтересовался, начал спрашивать про край и о Куропаткинѣ, что видимо возбудило его воспоминанія, о прежней службѣ и смягчился.

Дѣло в том, что он, командуя нашим полком, как это ни странно, был пѣхотным офицером. Начав службу в Туркестанских стрѣлках, он был сподвижником Скобелева и Куропаткина по завоеванію Закаспія. За штурм крѣпости Геок-Тепе, гдѣ был ранен в голову, был награжден высокой наградой — золотым оружіем. Понятно кавалерійская служба ему была мало знакома, что он отлично сознавал, потому, предоставлял строевую подготовку своему помощнику, а сам смотрѣл и очень строго за внутренней стороной полковой службы.

Особенно любил обходить, с сопровождающим его дежурным по полку офицером, всѣ уголки расположенія полка: заходя во всѣ хозяйственные сараи, дровяные дворы, эскадронныя кузницы, конюшни и лабиринты в казармах. Бѣда молодому дежурному, который еще не удосужился хорошо изучить всѣ эти переходы и углы и не может отвѣтить командиру на вопрос — «как отсюда ближе попасть в другой какой то закоулок?» Тут уж не отвертѣться дежурному, а таковыми наряжались поручики и корнеты. Кончалось это выговором и упреком. Был строг к солдатам-кирасирам, которых карал за малѣйшія упущенія, не щадил и предавал полковому Суду. Рѣдко уступал просьбѣ командира эскадрона, который заступался за своего кирасира с просьбой смягчить наказаніе, особенно преданія Суду, что порочило на всю жизнь. Понятно кирасиры его боялись и старались, при его обходах, не попадаться ему на глаза, завидя издали пытались скрыться и уклониться от встрѣчи, что еще больше раздражало Транзе.

Назначеніе Транзе нашим командиром произошло чисто случайно. В Крыму, близъ Ялты, квартировал Крымскій татарскій дивизіон (впослѣдствіи Крымскій конный полк); в описываемое время этот дивизіон состоял из одной конной сотни и одной пѣшей. И командирами его назначались по очереди — то кавалерійскій, то пѣхотный полковники. Вот на пѣхотную очередь и попал Транзе. В осенній пріѣзд 1893 года, император Александр III с Семейю прибыл в Ливадію, гдѣ охранную службу нес этот дивизіон, Государынѣ понравился бравый Транзе. Разсказывали, что Транзе тронул нашего Шефа отвѣтив по датски. Но это невѣрно. Он хорошо владѣлъ языками, но датскаго не знал. Был интересный собесѣдник, много повидавшій. В это время умер командир нашего полка ген. Бобарыкин. Императорская Семья как раз была в Ливадіи. Нашего Шефа спросили: кого Ея Величество желает видѣть командиром нашего полка? Государыня указала на Транзе, не зная, что он не кавалерист. Впослѣдствіи Она выяснила свою оплошность, выручила Транзе из грозившей ему непріятности. А когда очистилась должность Гатчинскаго коменданта, устроила его на эту спокойную должность.

Старшіе офицеры.

Производство в чинах гвардейской кавалеріи шло по линии своих полков до чина полковника включительно. Поэтому, в полках, гдѣ много офицеров прослужив недолго уходили из него по разным причинам, в запас или на другую службу, тѣм самым очищали вакансіи для остававших служить в полку. Отчего получалось, что в одних частях достигали чина полковника на 13—15 году службы, а в других и послѣ 25 лѣтъ. Не знаю чѣм объяснить подобный порядок, который выдвигал офицеров не по способности, а по случайности.

До моего выхода в полк у нас в полку было тугое производство, было мало быстро покидавших его. Поэтому была большая разница в возрастѣ со старшими офицерами. Но, несмотря на такое большое различіе в лѣтах между старшими и молодежью, я, не преувеличивая скажу, что дружба в полку была крѣпка. «Старики», как мы дружески называли своих старших, отечески направляли нас, мы же, оберегая их авторитет, относились к ним с особым уваженіем, как к непоколебимым столпам, стоящим на стражѣ полковых традицій. Вмѣстѣ с тѣм, разница в возрастѣ не мѣшала всѣм одинаково принимать участіе в загулах, как в собраніи, так и на сторонѣ.

Эти наши начальники и руководители полковой службы, были, вмѣстѣ с тѣм, и нашими товарищами-однополчанами общей семьи — Кирасир Ея Величества.

В нашей старой императорской арміи и особенно в гвардейских частях выработался особый дух товарищества. У нас в полку, как и в большей части гвард. частей, всѣ офицеры вновь поступающіе быстро становились на «ты», этим им оказывали довѣріе и честь, как поступающему в полк. Сперва эту честь оказывала молодежь, а затѣм и остальные до полковников включительно. Это было как бы духовное братство членов полковой семьи. И это братство нисколько не мѣшало дѣлу службы, гдѣ свой командир эскадрона, не говоря о полковниках, — являлся прямым начальником, приказы и распоряженія коего, согласно военному уставу, выполнялись безпрекословно. В полку вырабатывался и воспитывался такой уклад жизни: внѣ службы мы всѣ братья, соблюдая принятыя в обществѣ правила, могли спорить, шутить, высказывать свои мнѣнія, а на службѣ — мы подчиненные и обязаны соблюдать воинскую субординацію.

Старшій полковник, котораго я застал вступив в полк, Владимір Григорьевич Мандрыка являлся руководителем офицеров по внутренней полковой жизни. Вл. Григ. прослужил в полку 33

года. В 1897 году он получил в командованіе Стародубовских драгун. На прощальном обѣдѣ в собраніи с поднесеніем офицерами подарка трогательно было видѣть — что должен был переживать покидающій полк и нас наш старшій друг и товарищ, сросшійся с полком за такой срок.

Второй полковник был Ипполит Алексѣевич Еропкин, большій знаток лошади и отличный ѣздок, но не признававшій никаких новшеств, придерживался старой школы выѣздки и ѣзды с крутым сбором и т. д. Все это давало эффектную картину, которой мы могли любоваться на памятникѣ Николая I на Исааковской площади в Петербургѣ, но не для полевой ѣзды. Как мы ни спорили с ним, он не мог отрѣшиться от укоренившагося у него стараго взгляда. В 1901 году, прослужив 30 лѣтъ, также тепло провожаемый в офицерском собраніи, он уѣзжал принимать должность командира Кіевских гусар.

Скажу нѣсколько слов о командирах эскадронов:

Ком. эскадрона Ея Величества — Э. А. Фельдман, сохранившій за 30 лѣтъ службы в полку стройность и легкость, подавал нам примѣръ на вольтижировкѣ, принял в командованіе Мариупольских гусар, а затѣм Улан Его Величества и пожалован в Свиту.

Ком. 2 эск. П. И. Трусевич вышел в отставку с чином полковника и мундиром полка, поѣхал на юг в имѣніе из-за здоровья жены.

Ком. 3 эск. барон Н. Ю. Таубе. Этому добрейшему и корректнейшему офицеру судьба послала на своей службѣ в полку дожидаться производства своего сына Федора в наш же полк корнетом. Бар. Таубе получил в командованіе Украинских гусар.

Ком. 4 эск. М. Я. Авенариус, у котораго я прослужил до поступленія в академію, старшій холостяк, рано лишился родителей, он признавал своей семьей лишь полк и на долгій срок его не покидал. Сдав эскадрон, коим командовал болѣе десяти лѣтъ, он, наконец, взял отпуск. Шесть мѣсяцев прозел в путешествіи по Европѣ, Африкѣ и Азіи, посылая интересныя письма в собраніе. Но нѣсколько отяжелѣвъ, ему трудно было продолжать строевую службу. По ходатайству нашего заботливаго Шефа-Императрицы был назначен Начальником Семеновскаго военнаго госпиталя в Петербургѣ. Отечески заботясь о больных воинах, он прилагал присущія ему хозяйственныя способности.

Спорт.

Описываемая эпоха девяностых годов минувшаго столѣтія — ушла в Лету, а потому слѣд ея жизни есть достояніе исторіи, кото-

Е. И. В. Вел. Князь Михаил Александрович — на полковых конских состязаніях

рой может заинтересоваться кто-нибудь из моих однополчан, для которых нѣсколько лѣтъ назад, как бывший командир и служившій в нем, выпустил воспоминанія о полкѣ, отбитых на пищущей машинкѣ.

Поэтому, отбрасывая не представляющее общаго интереса, я кратко остановлюсь на развитіи спорта. Конечно, исключительно конскаго спорта. Послѣдній у нас, в районѣ Петербурга, происходил в состязаніях в преодоленіи препятствій (Concours-hiprique) в Михайловском манежѣ, во время великаго поста, и скачек, сперва на Царскосельском, а затѣм на Коломяжском ипподромах.

На первых (в Михайловском манежѣ) почти исключительно принимали участіе офицеры, а на ипподромах, кромѣ жокейских скачек, на т. н. джентльменских — принимали участіе офицеры.

В кавалерійских частях также из года в год развивались полковыя конскія состязанія, котсыря подготовляли выдающихся спортсменов конскаго спорта, которые с большим успѣхом подвизались не только на Отечественных ипподромах, но и на заграничных.

Мой сверстник по полку Мордвинов 2-й (Паля) принимал большое участіе, — как на скачках, так и на конкурсах, по характеру живой, лихой спортсмен. В свое время он был душой развивавшагося в полку спорта, я лично многому обязан ему в этом отно-

шеніи. Вмѣстѣ с Э. Н. фон Шведером (Эдя) они были инициаторами образованія полкового спортивного комитета, для полковых состязаній, как в манежѣ, так и на Гатчинском полѣ и в Тяглево, для пробѣгов, куда приглашались офицеры других полков.

На эти спортивные упражненія часто оказывала нам честь своим посѣщеніем наша Императрица-Шеф со своими Дочерьми, а в. кн. Михаил Александрович лично принимал участіе в состязаніях.

Постепенно конскій спорт принялъ широкое развитіе и из полковых спортсменов послѣ японской войны не могу не отмѣтить получивших извѣстность: М. Соколова, М. Плѣшкова и Д. Эксе.

Мой однопольчанин Глѣб Одинцов, года три назад взялъ на себя труд собрать оставшіяся послѣ смерти М. Плѣшкова его замѣтки воспоминаній, включая просмотр старых газет и все это издал.

Особенно интересным является описаніе, по записям Плѣшкова и из Лондонских газет, о побѣдѣ Плѣшкова и Эксе и кавалергарда П. Родзянко, выигравших на международных конкурсах в Лондонѣ извѣстнаго, почетнаго приза «Кубок короля Эдуарда VII».

Состязаніе происходило в зданіи «Олимпіа», вмѣщающаго до 30 тыс. зрителей. При обязательном личном присутствіи Короля и Королевы; присутствовали также всѣ царственныя особы находившіяся в это время в Лондонѣ. Все зданіе заполнялось до отказа. По условіям приза, требовалось от каждой націи по три ѣздока и, лишь послѣ выигрыша три года подряд, одной какой либо націей, Кубок считался выигранным и переходил к ней. Много лѣтъ уже націи соревновались, но больше двухъ раз подряд не достигали успѣха. (Практичные англичане так составили правила, что трудностью его выигрыша был обезпечен уход Кубка из Англіи). Наши были побѣдителями в 1912 и 1913 годах, явились весной 1914 года и побѣдили в третій раз. Кубок навсегда переходил в Россію. Триумф побѣды, по описанію Лондонских газет, был из ряда вон. В королевской ложѣ: Георг V со своей семьей, наша Императрица Шеф, наш Августѣйшій однопольчанин в. кн. Михаил Александрович, президент Пуанкаре. Наши триумфаторы, под гром аплодисментов, приглашены подняться в королевскую ложу. Оркестръ заиграл «Боже Царя Храни», всѣ встали. Король, передавая Кубок, поздравил Плѣшкова, Эксе и Родзянко и подарил каждому из них настольные часы изображавшіе фасад Олимпіи. Наш Шеф, поздравляя своих офицеров, выразила радость, что Ея пріѣзд в Лондон, навѣститъ Ея сестру вдовствующую англійскую королеву, совпалъ с таким торжеством.

Попытка англійскихъ офицеров, удрученныхъ потерей почетнаго и такъ долго оспариваемаго приза ихъ короля, откупить за большую

цѣну Кубок и еще взамѣн дать точную копію его, понятно, не имѣла успѣха.

Охоты.

Большим развлеченіем, для многих офицеров-любителей — была охота. Должен сознаться, я лично не имѣл особой страсти к этому, хотя с кадетских лѣтъ, лѣтніе каникулы проводил в Полтавской губ. имѣніи матери, гдѣ баловался с ружьем за пернатой дичью, а у моего дяди М. М. Савенко, в Екатеринославской губерніи, большого любителя псовой охоты, участвовал с борзыми и гончими в облавах на лисиц и зайцев. Приглашали нас на охоты наши однополчане братья бароны Розенберги (по прозванію — черный и рыжій пуделя) в их Новгородское имѣніе, а также родственная нашему Арапову — семья Апухтиных. Не будучи страстным охотником, я принимал участіе из-за веселой компаніи и пріятных развлеченій с аксессуарами, сопровождавшими охоты.

Особенно охотничье дѣло в полку развелось, когда зачисленный в полк в. кн. Михаил Александрович стал с 1901 года проходить службу у нас в полку.

Как Государь, так и в. кн. Михаил Александрович, были страстные любители охоты, спокойные и мѣткіе стрѣлки. На охотах, даже при очень опасных медвѣжьих облавах, сохраняли полное хладнокровіе.

При императорском дворѣ, еще издавна, существовало цѣлое учрежденіе для охот. На окраинѣ нашей Гатчины содержалась особая слобода, для охотничьих егерей. Здѣсь, для сотни всяческих специалистов по охотѣ, были выстроены отдѣльные домики с огородами, для каждого. Имѣлись спеціальныя мѣста, гдѣ содержались всякаго рода охотничьи собаки, тут онѣ натаскивались. Здѣсь же имѣл свое пребываніе и начальник Царской охоты — свѣтл. князь Голицын (молва говорила, что он послужил Льву Толстому типом, для созданія Вронскаго). Тут же жил, носившій званіе «Ловчаго Его Величества» нѣкто Диц, бывшій офицер одного из гв. пѣх. полков, большой знаток охоты. На нем лежала обязанность по организаціи всевозможных охот по дичи и звѣрю. В окрестностях Гатчины были устроены спеціальныя заповѣдники. Одним словом — все для царских охот.

В. кн. Михаил Александрович приглашал и наших офицеров, любителей охоты, для принятія участія, в том числѣ и в облавах на медвѣдей. Однажды и я принялъ участіе в таковой облавѣ, но весьма неудачно. На мой номер вышел небольшой медвѣдь, я выстрѣлил и промазал, звѣрь испугавшись выстрѣла бросился вдоль линій охотников и был убит моим сосѣдом, что послужило не

малой темой, для дружеских насмѣшек, моих однополчан, о моей мѣткой стрѣльбѣ.

Трофеи охоты, в видѣ чучел звѣрей, рогов ланей и пр. скоро украсили входной вестибюль нашего собранія. Здѣсь был и подарок вел. князя Михаила Александровича убитого им огромнаго медвѣдя, чучело которого стояло у большаго зеркала этаго вестибюля.

ИХ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА
Великій Князь Михаил Александрович и
Великая Княгиня Ольга Александровна

ОТНОШЕНИЕ ШЕФА К ПОЛКУ И СВЯЗАННЫЯ С ЭТИМ СОБЫТІЯ.

Приглашенія на Царственныя досуги и игры.

Наш Августѣйшій Шеф полка, Императрица Марія Федоровна, со своим Державным Супругом Императором Александром III и Семейей проживали большую часть года в Гатчинѣ.

В своих прогулках, Царская Семья бывало невзначай и без предупрежденія, заходила в казарменныя помѣщенія и, особенно, в полковой лазарет и школу т. наз. солдатских дѣтей. В послѣднюю принимались дѣти от 10-12 лѣтъ, которые обучались — музыкѣ, пѣнію, грамотѣ, из них вырабатывались -- трубачи-музыканты, церковныя пѣвчіе, писаря. Это дало возможность организовать в полку, не только штатный хор трубачей, но и прекрасный струнный оркестр.

Как рассказывали нам «старики», однажды Александр III с Супругой нашим Шефом и Дѣтьми, зайдя в казармы, попали в полковую швальню, гдѣ строилось (казенное выраженіе вмѣсто слова -шилось) обмундированіе кирасир. А вот кстати, обратился Император к закройщику-кирасиру с вопросом: — «Можешь ли сшить Сыновьям — Георгію и Михаилу матроскіе костюмы? А матерьял будет прислан». Закройщик отвѣтил утвердительно и тут же была снята мѣрка. Уходя, Государь добавил: — что-бы с тебя не взыскали за частную работу, доложи командиру полка, что она заказана Мною». Всѣм извѣстно, что Александр III был глубоко русским Царем, любил русское-народное и бережно относился к расходам.

Наши молодые офицеры часто приглашались на устраиваемыя для царских Дѣтей — игры, забавы, пикники.

В хорошіе дни, Александр III любил выѣзжать с Семейей, куда либо в Звѣринец, прилегавшій к дворцовому парку, или дальше в лѣсъ, гдѣ пили чай и устраивались игры. Впослѣдствіи наш Шеф овдовѣвъ, также устраивала, так называемые пикники. Болѣе молодые офицеры приглашались на игры в дворцовом паркѣ, гдѣ катались на лодках на озерах лѣтом, а зимой на коньках.

В. кн. Михаилу, в юные годы, были проложены в паркѣ рельсы, по которым ходил что то вродѣ паровичка. Послѣдній тянул двѣ-три вагонетки. Вел. кн. уже с молодых лѣтъ проявлял спортивный наклонности, управлял паровичком, а Сестер — вел. княжен Ксенію и Ольгу и приглашенных — сажал в вагонетки, пускал паровик на полный ход, не уменьшая хода на частых зигзагах проложеннаго пути между деревьями парка; зачастую, при общем радостном смѣхѣ, поѣзд сходил с рельс, но были, на крутых виражах, и паденіе всѣх с поѣздом на землю. Все, Слава Богу, сходило благополучно, благо теперешних бѣшеннхъ скоростей не существовало. Подбѣгали матросы, приставленные для обслуживанія озернаго, лодочнаго флота, поднимали и ставили поѣзд на свое мѣсто, чинили поврежденія от «катастрофы».

Зимой было катанье с гор. Для этого в паркѣ устраивались ледяныя горы с глубоким жолобом во льду вдоль дорожки, в который входили особо устроенныя санки. Скатившись с горы, санки неслись по инерціи дальше тоже по такому же жолобу сдѣланному в снѣгу и замороженному поливкой воды. Санки, идя по жолобу, не могли уклониться, а должны были слѣдовать по нем, как по рельсам, а путь жолоба все извивался между деревьями парка. Что-бы получилась большая скорость при спускѣ, нѣсколько санок сцѣплялись между собой; чѣм длиннѣе был, образованный таким способом поѣзд, тѣм инерція получалась больше и санки летѣли с захватывающей дух скоростью.

То была пора молодости и никто не заглядывал в будущее...

Заботы Шефа о полкѣ.

Императрица-Шеф, посѣщая помѣщенія полка, нашла что расположеніе больных кирасир в полковом лазаретѣ было тѣсноватое и рѣшила отвести дворцовый участок земли, прилегающій к так наз. Пріоратскому парку, через улицу от расположенія полка, под постройку отдѣльнаго зданія, для полк. лазарета. Через нѣсколько лѣтъ это и было выполнено. Прекрасно оборудованное новое помѣщеніе лазарета, на краю соснового парка, конечно, представляло много удобств и давало возможность, для прогулок выздаравливающим кирасирам в части отведеннаго парка.

Для постройки особняка офицерскаго собранія, вмѣсто стараго собранія помѣщавшагося в зданіи казарм, Государыня предоставила рощу, находившуюся против царскаго парка.

Два года длилась постройка и мы с интересом наблюдали работы. К полковому празднику 1897 года работа была закончена, но стоила офицерам не дешево. Кромѣ стоимости самого зданія, кото-

рое обошлось в два раза больше отпущенного кредита, приходилось заново меблировать нижний этаж.

В нашем старом собраніи была гостинная, носившая названіе — «комнаты Императрицы Маріи Александровны», нашего покойного Шефа, Супруги Александра II. В ней находилась пожертвованная этим шефом библіотека и Ея портрет кисти знаменитаго Нефа. Меблировка этой комнаты переносилась в новое зданіе в такую же комнату рядом с залом. Впослѣдствіи с другой стороны зала была сдѣлана пристройка для устройства комнаты имени здравствующаго Шефа, куда была помѣщена прекрасная картина в красках — конная атака полка на шведов под Лѣсной, (в 1709 г. незадолго до Полтавскаго сраженія), подарок быв. офицеров полка к 200-лѣтнему юбилею основанія полка Петром Великим.

В связи с комнатой императрицы Маріи Александровны, среди офицеров сложилось такое положеніе, что нашалившій молодой офицер вызывался явиться к старшему полковнику. Послѣдній лично, а иногда со старшими офицерами, уводил его в комнату имп. Маріи Александровны, для соотвѣтствующих внушеній. Это в полку получило названія — «вызов под портрет», т. к. происходило у портрета императрицы. Понятно, непріятная перспектива попасть «под портрет» заставляла задуматься молодых, темпераментных офицеров.

Завѣдывал постройкой собранія, наш долготѣтній хозяин собранія Конст. Ник. Акимов. (Послѣ юбилея полка он вышел в отставку и был пожалован званіем камергера.) Он приложил много труда на постройку и приобрѣтеніе обстановки. Что им дѣлалось с большим вкусом и у лучших мастеров. При этом наш милый Костя, с великим терпѣніем переносил наши шуточные издѣвательства и со своим кавказским произношеніем говорил: «пусть будет дорого, не пропадешь, а за то будет хорошо и навсегда останется в памяти о родном полкѣ». И тот же Костя, всегдашній участник в «загулах господ» в собраніи, болѣл душой, когда молодежь не очень стѣснялась и небрежно обращалась с мебелью.

Заботы Шефа распространялись и на огражденіе полка от могущих быть каких либо непріятностей. Так, в іюнѣ 1896 году был назначен генерал-инспектором кавалеріи в. кн. Николаем Николаевичем смотр полку, которым, в то время, командовал, ранѣе описанный ген. Транзе, мало знакомый с кавалерійской службой.

Государыня зная всю горячность вел. князя, гнѣвъ котораго мог обратиться против командира полка назначеннаго по Ея указанію, рѣшила принять мѣры к его огражденію. И, как увидите, с какой деликатностью это выполнила:

Развернутый фронт полка стал на Гатчинском полѣ против переѣзда через Балтійскую дорогу. Мы наблюдали за нашим командиром, которому предстояло выдержать нелегкое испытаніе. Принявъ рапорт командира, Вел. Кн. объѣхал здороваясь съ эскадронами и дал распоряженіе о порядкѣ смотра.

Как раз, в это время, мы увидѣли переѣзжавшую через жел. дорогу коляску с кучером грудь котораго была украшена, как полагалось, медалями. Оказалось, что Императрица-Шеф с Дочерьми Ксеніей и Ольгой в коляскѣ подѣхала к полку, объѣхала эскадроны, под звуки трубачей нашего полкового марша. Как всегда, привѣтствуя наклоненіем головы, по знаку котораго, кирасиры отлочно были научены отвѣчать. Затѣм обратилась к Вел. Кн.: «Мнѣ хочется посмотрѣть — как будут учиться Мои кирасиры, а для объясненія эволюцій ученія я прошу командира полка остаться при Мнѣ». Ученье прошло под командой нашего старшаго полковника Мандрыки и прошло блестяще. Передав через ком. полка благодарность полку за ученье, Ея Величество, попрощавшись с Вел. Кн., изволила отбыть во дворец.

За завтраком в собраніи, Вел. Кн. пил за полк, отличное ученье, а нашему Мандрыкѣ сказал, что приказал своему штабу зачислить кандидатом на должность освобождающагося полка, который он вскорѣ получил.

На слѣдующій день, послѣ смотра, офицеры удостоились чести быть приглашенными к Ея Величеству, в 5-ть часов на чашку чая, в скртуках. Во время приѣма Шеф милостиво бесѣдовала с офицерами и радовалась, что смотр так блестяще прошел.

Мы особенно оцѣнили ту находчивость, к которой прибѣгла Государыня, с одной стороны, что-бы оберечь ген. Транзе от могущей быть, для него непріятности, а с другой стороны не обидѣть и не затронуть самолюбія вел. князя в его служебной работѣ.

Освященіе собранія и зачисленіе вел. князя

Михаила Александровича в полк.

К веснѣ 1897 года была закончена постройка особняка офицерскаго собранія и его меблировка. Освященіе его, по желанію Государыни Шефа, было приурочено к полковому празднику 9 Мая.

К этому дню обыкновенно съѣзжались в Гатчину, гдѣ проживала наш Шеф, Государь, молодая Государыня, великіе князья и начальствующія лица.

Послѣ парада, обычно происходившаго на плацу перед дворцом, Их Величества посѣтили в полковом лазаретѣ больных

*Их Императорскія Величества Государь Император Николай
Александрович и Шеф полка Государыня Императрица
Марія Федоровна у входа в Офицерское Собрание*

кирасир, а затѣм с вел. князьями и свитой направились для торжественнаго освященія и открытія собранія.

Их Величества обойдя с духовенством, которое окропило святой водой помѣщенія, выразили ком. полка полное удовольствіе видѣть прекрасно отстроенное собраніе и поздравили с его открытіем. А наш Шеф прибавила к этому, как говорил Акимов, стоящій подлѣ ком. полка, показывая помѣщеніе собранія: — «Я знаю обычай многих полков, что полковыя дамы не имѣют доступа в офицерское собраніе, но это такое прекрасное, жаль

не полюбоваться им. Быть может сдѣлают для Меня исключеніе и когда Я буду посѣщать собраніе, то будут приглашаться и полк. дамы». Впослѣдствіи мы много раз разыгрывали Костю Акимова, что он немного приврал и Шеф этого не говорил. Но Костя огрызнулся: — «Как ты смѣешь не вѣрить мнѣ, моему Государю штабс-ротмистру?» Но, правдивость этих слов Шефа подтвердилась.

Вспоминается мнѣ также слѣдующее. В старом собраніи у нас было портрета в красках, давно числящагося в полку, вел. кн. Сергѣя Александровича. Кѣм-то было доведено до свѣдѣнія Его Высочества, что офицеры озабочены пріобрѣтеніем — Его портрета. И вот из конторы вел. князя прибыл прекрасный портрет Сергѣя Александровича. Но, видимо, вышла оплошность — не была послана благодарность за подарок. Эта небрежность прошла бы незамѣченной, если бы вел. кн., в то время генерал-губернатор Москвы, лично не прибыл на открытіе собранія, гдѣ увидѣвъ свой портрет, вспомнил о сдѣланном подаркѣ и задал одному из наших полковников вопрос: — «Откуда у вас мой портрет?» Не знаю, как потом пришлось выкручиваться командиру.

Открыв собраніе, Их Величества вышли на террасу, гдѣ на столикѣ был графинчик водки, чарки и хлѣб. В роцѣ, между деревьями, стояли столы с праздничными яствами для кирасир. Послѣдніе стояли тут-же у столов, а впереди находились офицеры. Полковныя дамы стояли группой у террасы. Тут же находились и бывшіе офицеры полка во главѣ с нашими быв. командирами полка: Араповым, гр. Протасовым-Бахметьевым, Лермантовым и Хрулевым.

Государь подошел к столику, налил чарку и выпил за славу и процвѣтаніе полка, послѣдовало громкое ура кирасир и полковой марш трубачей. Затѣм, ком. полка, с разрѣшенія Его Величества, поднял чарку за здравіе Государя Императора, покрытое гимном и ура, а другую за Шефа с полк. маршем.

Затѣм совершенно неожиданно, для нас, офицеров полка, произошло событіе, имѣвшее большое значеніе в жизни полка.

Государь подозвал к Себѣ Своего Брата вел. кн. Михаила Александровича и положив руку Ему на плечо, произнес слѣдующія милостивыя слова: — «По просьбѣ Шефа полка, просьбу которую Я выполняю, в ознаменованіе сегодняшняго праздника, Я зачисляю в полк вел. кн. Михаила». Конечно, последовало громкое ура и полковой марш.

Какъ всегда, застѣнчивый и скромный великій князь, которому едва исполнилось 19 лѣтъ, пытался замѣшаться среди стоящей сзади свиты, но вел. кн. Сергѣй Александрович, наш Августѣйшій

однополчанин, подхватил Его и заставил, при улыбкѣ Шефа и полном восторгѣ офицеров, поднять и выпить чарку за полк. Полагаю, что эта была единственная чарка водки, которую наш новый Августѣйшій однополчанин выпил в своей жизни. Ибо никогда не пил чего-либо спиртного. Впослѣдствіи, когда Ему приходилось бывать в собраніи, пил лишь минеральныя воды. А в случаях, когда подавалось шампанское, то перед Его прибором, ставилась бутылка из под шампанскаго, куда была перелита ланинская вода.

Из собранія Их Величества отбыли во дворец, гдѣ в Высочайшем присутствіи, как обычно бывало на полковых праздниках, состоялся завтрак. Послѣ котораго Их Величества, в сосѣдних гостиницах, обходили офицеров и бесѣдовали с нами.

Вечером, в новом собраніи, состоялся обѣд, на который пожаловала наш Шеф — Государыня с Дочерьми и вел. кн. Михаил Александрович, уже в нашем полковом сюртукѣ, как всѣ офицеры. Полковыя дамы, согласно выраженному Ея Величеством желанію, также были приглашены. По окончаніи обѣда была музыкальная программа, во время которой офицерами с пѣніем была поднесена Ея Величеству заздравная кирасирская чара.

Дворцовый караул в Гатчинѣ.

Император Александр III с Супругой и Семейей любили Гатчину, как тихій уголок с огромными, прекрасными парками, звѣринцем, гдѣ на свободѣ водились лоси, лани, а в окрестностях — чудныя мѣста для всякой охоты.

Охрану Гатчинскаго дворца нес наш полк, выставляя посты вокруг дворца. Этот отвѣтственный и тяжелый наряд не легко ложился на молодых офицерах и на кирасирах. Дежурными по караулу назначались болѣе старшіе — штабс-ротмистра, служба коих заключалась лишь в повѣркѣ. Вся отвѣтственность ложилась на караульнаго начальника, коим наряжались — поручики и корнеты, всѣ 24 часа находившіеся, при полной аммуниціи, на чеку в караулѣ. Для отданія почести лицам, коим это полагалось по гарнизонному Уставу, по звонку часового у фронта, караул выбѣгал из помѣщенія на площадку, что называлось — вызов в ружье и по командѣ караульнаго начальника отдавал честь, а трубач трубил гвардейскій поход. В обыкновенных караулах это бывало очень рѣдко. Но при нашем дворцовом караулѣ было особенно частым. Приходилось дѣлать этот вызов не только державному Хозяину и Его Супругѣ, но и всѣм ежедневно пріѣзжавшим и отъѣзжающим лицам, как императорской фамилии, так и началь-

ствующим, а также особам иностранных коронованных домов. А гдѣ часовому-кирасиру, стоящему на посту у караула, знать всѣх этих лиц? Приходилось быть наготовѣ караульному офицеру, который тоже не всѣх мог знать, да еще разглядѣть в быстро ѣдущих экипажах. А прозѣвать — это не только получить разнос, но и самому стыдно за нерасторопность. Для этого был «трюк»: входили в сношеніе с дворцовой конюшней, которая давала знать — когда подавались экипажи или ко дворцу, или для пріѣзжавших на вокзал. (Автомобилей еще не было). Но и тут нужно было все же разобраться, т. к. в экипажах мог ѣхать кто либо, кому вызов караула не полагался, как напимѣр фрейлинѣ и т. д. Ошибавшихся обыкновенно потом «разыгрывали», заставляя «ставить» флаконы, что не рѣдко давало повод к «загулам.»

Императрица, видя как тяжело кирасирам нести службу особенно зимой на постах, когда морозы бывали свыше 20-25 градусов по Реомюру, давала деньги на теплые сапоги, для караула, при этом наш заботливый Шеф, наблюдала за градусником и, как только температура опускалась ниже 5 градусов, посылала сказать, что-бы каски были замѣнены безкозырьками с башлыками.

Сверх церемоніи вечерней зари у нас установился обычай в Гатчинском дворцовом караулѣ, по субботам к этой церемоніи присоединить хор наших трубачей, который, послѣ того как трубач караула сыграл «зарю» и до прочтенія молитвы, трубачи играли кусок прекрасной мелодіи, которую мы называли датской зарей, но этим она вовсе не была. Этот порядок, как гооворили старшіе, установил Александр III. И всякую субботу, в 9 час, время вечерней зари, Сам с Супругой и Семейю подходил к окну дворца, выходящаго над гауптвахтой, выслушивал всю церемонію. Овдовѣв, наш Шеф продолжала по прежнему, по субботам, подходить к окну. Картина, которая получалась сверху из окна, дѣйствительно должна была быть фееричной: — караул в касках, освѣщаемый мерцающими электрическими фонарями и чудная мелодія трубачей — переносила воображеніе на театральную сцену оперы.

Описывая службу дворцоваго караула, мнѣ вспоминается одно караульное событіе, о котором можно было подумать, что это выдуманный анекдот, между тѣм это дѣйствительный факт, показывающій всю патріархальность нашего Царя-Миротворца, богатыря Александра III.

Гауптвахта (караульное помѣщеніе), в то время, помѣщалась в зданіи дворца и выходила на его площадь, в углу между центральным фасом и стороной параднаго карэ. Довольствіе каралу отпущалось от Двора. Караульному офицеру полагалось к завтраку и обѣду и перед ним сервировались: 1 бут. водки, 1 бут. мaderas, 1 бут. красного или бѣлого вина, а в табельные дни бутылка шам-

панскаго; кромѣ того, на стол ставилась большая ваза с фруктами. Понятно, всего этого ни съѣсть, ни выпить караульный офицер не мог. Остальное забирали дворцовые лакеи, подававшие завтрак и обѣд.

И вот, однажды, Александр III, во время своей прогулки, подходит к площадкѣ гауптвахты. По звонку часового-кирасира, стоящаго у фронта, караул выбѣгает и строится. Молодой корнет Вишняков (Вася), вѣроятно, в волненіи от подобной неожиданности, командует «слушай накраул» и с трепетом, салютуя шашкой, подходит к Императору с рапортом, который мы знали на зубок:

«Ваше Императорское Величество! На дворцовой гауптвахтѣ состоит — 1 обер-офицер, 1 унт.-оф., 1 трубач, 2 ефрейтора-разводящих и 33 кирасира, в караулѣ и на постах Вашего Императорскаго Величества все обстоит благополучно!»*)

Государь милостиво поздоровался с караулом, приказал его отпустить, а к Вишнякову обращается со слѣдующими вопросами:

— Сколько вы можете съѣсть яблок?

— Яблока три, Ваше Императорское Величество. Отвѣчает, вѣроятно, в полном смущеніи от этого вопроса, Вишняков.

— Ну, а 4-5 можете? Вновь задает вопрос Государь.

Можете себѣ представить состояніе молодого офицера, который в ту минуту, вѣроятно, не соображал к чему все клонится.

— Может быть смогу, Ваше Императорское Величество, но не пробовал.

Как знайте, что вы у меня и за завтраком и за обѣдом съѣдаете по пол-десятка — яблок, груш, апельсинов, не считая винограда, заявляет Император. И поблагодарив за отвѣты, Государь пошел продолжать свою прогулку.

Исторія не указывает — удалось ли Его Величеству навести экономію в расходах по дворцу. Но это очень характеризует образ нашего могучаго Царя-Миротворца и Его бережливость.

*) Старая при рапортах фраза «все обстоит благополучно», в царствованіе Николая II, была замѣнена — происшествій не случилось.

АКАДЕМІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Вступительныя испытанія.

Согласно желанію моего отца и своего лично, я постарался пройти высшее военное образованіе в Военной Академіи.

Мнѣ было извѣстно, что поступленіе в Академію и прохожденіе в ней курса требует большого усилія воли, усидчивости и прилежанія, т. к. курс был обширным, а требованія очень строги.

Поступленіе в Академію разрѣшалось не ранѣе 3-х лѣтней службы в строевых частях. Три года, службы в полку, так быстро промелькнули, что я и опомниться не успѣл, что-бы подготовиться к экзаменам. Лишь на 4-й год приступил к серьезной подготовкѣ.

Для поступленія в Академію требовалось вновь выдержать экзамены по программѣ средне-учебных заведеній и военным предметам проходимых в военных училищах, а также французскій и нѣмецкій языки.

Первоначальныя испытанія производились весной при штабах военных округов, для провѣрки — дѣйствительно ли офицер начал подготовку, а не просто хочет съѣздить в Петербург на казенный счет. Выдержавшим эти испытанія давался 3-х мѣсячный отпуск перед экзаменами в Академію.

20 Августа начинались экзамены в Академіи, которые были весьма строги. Требовалось не только выдержать всѣ испытанія, но и по среднему баллу попасть в конкурс. Так из тысячи державших экзамены, выдерживавших было не болѣе 600, а принятых оказалось лишь 153. Но этим не заканчивались испытанія, а и в дальнѣйшем мы подвергались конкурсу: на старшій курс, по баллам, было переведено лишь 100, а на дополнительный курс только 40, остальные 60 считались окончившими по 2-му разряду, получали лишь академическіе значки и отчислялись обратно в свои части. В дальнѣйшем они имѣли небольшія преимущества по службѣ. Кончившіе дополнительный курс, считались окончившими по 1-му разряду и почти всѣ причислялись к Генеральному Штабу.

Наши профессора.

Мнѣ пришлось поступить в Академію в 1899 году, на рубежѣ оставляющаго должность Начальника Академіи генерала-профессора Леера, который руководил ею болѣе десятилѣтія и вновь

назначеннаго Начальником Академіи генерала-профессора Сухотина.

Первый — большой военный ученый, читал Стратегію, записки и руководства коего, как и его военные труды были широко извѣстны заграничным военным академіям. Сам обладая широкими научно-военными познаніями, развил и дополнил труды извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Кляузевица, начала 19 столѣтія. Леер поставил в нашей Академіи кафедру Стратегіи на большую высоту. Лекціи, читаемыя им, слушались с особым вниманіем. Послѣдующіе по его уходѣ наши профессора, по этой кафедрѣ, начиная с Михневича могли лишь продолжать его работу, базируясь на его труды. Кромѣ того, Леер лично вникал в общее направленіе преподаванія всѣми профессорами, был доступен и слушателям академіи.

Второй — тоже быв. профессор нашей Академіи, по кафедрѣ тактики, ген. Сухотин был строгій и сухой человекъ. В мое время он не читал у нас никакого курса. Мы ни разу не видѣли его присутствія на какой либо лекціи, ни на практических занятіях. Года два он стоял во главѣ академіи, когда строилось новое, обширное помѣщеніе академіи на Суворовском проспектѣ, взамѣн нашего стараго зданія на Николаевской набережной. Послѣднее уже не могло принимать, в своих аудиторіях и помѣщеніях большаго количества слушателей, которое, с увеличеніем вооруженных сил, требовало пріема большаго числа слушателей, а также желая пропустить и в строй офицеров с высшим военным образованіем.

Сухотин посвятил себя, главным образом, наблюденію за постройкой новаго зданія — с обширными аудиторіями, для лекцій и помѣщеніем для практических работ, для огромной академической библіотеки и помѣстительной столовой, гдѣ офицеры-слушатели могли недорого столоваться, т. к. занятія в академіи шли непрерывно до 4-х час. дня, лишь с получасовым перерывом на завтрак.

От профессуры Сухотин потребовал лишь большей строгости при оцѣнкѣ баллами на экзаменах и практических работах. Лекціями профессоров он не интересовался, оставив всѣ кафедры без своего наблюденія и руководства. Послѣднее повлекло за собой много нежелательных самоупрямств со стороны нѣкоторых профессоров, правда, как единичные факты. Надо имѣть в виду, что мы, как военные, соблюдали дисциплину, не позволяли себѣ никаких обструкцій, выраженій неудовольствій и пр., что широко примѣнялось в гражданских институтах студентами по отношенію нежелательных профессоров.

Затѣм, мы не только были обязаны посѣщать лекціи, но и не было случаев манкированія их, без уважительных причин. Мы приходили в академію в 9^{1/4} утра, согласно распisanію, расходи-

лись по своим аудиторіям, для слуханія лекцій или для практических работ. Наши штатскіе профессора, читавшіе нам второстепенные, для нас, предметы — (как геологія, общая исторія, международное право) — Иноземцев, Форстен, Платонов и др., выражали нам особую признательность за вниманіе на лекціях и интерес с которым мы относились даже к их не военным наукам.

К сожалѣнію не могу умолчать об одном, мягко выражаясь, не уравниовѣшанном профессорѣ полковникѣ Баскаковѣ, читавшем часть исторіи военного искусства. Баскаков женился на богатѣйшей старовѣркѣ и, видимо, это вскружило ему голову. Лекціи его были сплошной кошмар. Торжественно войдя на кафедру, он не садился, а приняв героическую позу стоя, держа в руках указку, для указанія пунктов на картах и схемах, повѣшанных библіотечарским служителем перед его лекціей. Сразу же начинал с невѣроятной быстротой, монотонно говорить. Слѣдить за ним не было никакой возможности. Временами он тыкал указкой, куда попало на висящія схемы. Вся лекція была сплошной сумбур, не только записать, но и уловить его мысль — было невозможно. Два часа предоставленных ему для чтенія он говорил без перерыва и зачастую захватывал еще добрых пол, а то и часа, от лекцій другого профессора.

Начальник Академіи Сухотин не мог не знать — как читаются лекціи Баскаковым, но мѣр никаких не предпринимал. Бѣда была слушателю попасть в партію руководимой Баскаковым по практическим работам — замучает ненужными приложеніями и рѣдко оцѣнит хорошим баллом. Но новый начальник Академіи, ген. Глазов, послѣ одного раза слуханія его лекцій, прекратил это безобразіе и отчислил Баскакова от Академіи.

Вспоминая об этом уродливом явленіи, я должен сказать, что отношеніе с профессорским составом у нас было вполне нормальное. Мы были проникнуты интересом к научным военным познаніям, кои мы получали в стѣнах академіи, увлекались своими занятіями и добросовѣстно относились к их изученію. Вообще высокск цѣнили наш храм военной науки.

Среди профессуры были талантливые лекторы, широко обнимавшіе свой предмет, но, хотя рѣдко, бывали и схоластики, которые, в упоеніи своего профессорскаго званія, забывали, что имѣют дѣло с живыми военными науками — прогрессирующими в зависимости от многи данных и техники.

Говоря о профессорах академіи, я должен отмѣтить и генерала М. В. Алексѣева будущаго начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго в войну 1914-17 г. г. С этим, безусловно незаурядном большим работником на нивѣ военного дѣла, мнѣ посчастливилось по службѣ неоднократно встрѣчаться.

Знакомство с Михаилом Васильевичем у меня восходит еще к концу прошлаго вѣка, когда я юнкером проходил курс в Никол. кавал. Училищѣ, а он, в то время, Капитан Генер. Штаба, читал нам тактику, а лѣтом, в лагерѣ, руководил съемками и рѣшеніем тактических задач в полѣ. Участник Русско-Турецкой войны 1877-78 г. г., а затѣм окончив академію ген. штаба, он любил и знал военное дѣло. По натурѣ весьма скромный, но пунктуален и настойчив в своих требованіях, он допекал нас в выполненіи задач в полѣ.

Не обладая средствами, он, помимо своей основной службы в ген. штабѣ, принужден был набирать лекціи в военных училищах, кои оплачивались отдѣльно. Затѣм, защитив диссертацию, получил званіе профессора и читал часть курса по «исторіи военного искусства в Россіи».

Поступив в Академію, мнѣ вновь пришлось встрѣтиться с Михаилом Васильевичем и особенно близко узнать его по практическим работам т. к. я попал в группу, которой он руководил.

Сдѣлавшись профессором, Мих. Вас. не оставил своей основной работы в Генер. Штабѣ, а совмѣщал с профессорской дѣятельностью. Как ни добросовѣстно относился он к своим должностям, но перегруженность работы не давала ему возможности двигать профессорское дѣло, а потому лекціи его не представляли особаго интереса. Еидимо сознавал он это и сам и потому, при первой возможности, покинул профессуру. В дальнѣйшем мнѣ пришлось еще не раз встрѣчаться с Мих. Васильевичем о чем повѣдую на своем мѣстѣ.

При академіи имѣлся небольшой отдѣл для геодезистов, с прохожденіем высшей математики необходимой для астрономіи. Послѣ прохожденія академическаго курса, они отправлялись на два года в Пулковскую обсерваторію, для окончанія своего образованія. Это под их руководством были произведены всѣ топографическія съемки по всей Россіи. Астрономически точно опредѣлены на географических картах мѣста населенных пунктов и установлены тригонометрическія точки.

Прохожденіе курса академіи.

Кромѣ лекцій у нас было не мало практических занятій, гдѣ на картах мы рѣшали, по заданіям, тактическія задачи с письменными к ним объясненіями; практически подготавливались к умѣнію кратко и ясно отдавать приказы, распоряженія, диспозиціи и прочее. Лѣтом, вакацій нам не полагалось, мы на мѣстности дѣлали

инструментальныя и глазомѣрныя съемки. Вторую половину лѣта мы заняты были рѣшеніемъ тактическихъ задачъ на мѣстности, в дополненіе работъ, кои дѣлали зимой на картахъ. Всѣ наши работы оцѣнивались баллами.

По окончаніи двухъ курсовъ, мы получали академическіе значки и разставались со своими товарищами, которые по балламъ не попадали на дополнительный курсъ.

Этотъ послѣдній представлялъ — три самостоятельныя работы, какъ у насъ ихъ называли — «темы».

Первая — военно-историческая. Она представляла — изученіе, описаніе и оцѣнку какого нибудь, заданнаго профессорами, военно-историческаго эпизода изъ военной исторіи. На эту работу давалось около 2-хъ мѣсяцевъ, послѣ чего в письменной формѣ мы ее сдавали; ознакомившись с ней, профессора назначали день, для личнаго доклада и, наканунѣ назначеннаго для доклада дня, возвращали письменную работу с отмѣткой, что изъ нея требуется доложить; на доклад давалось 45 минут. Оппонентами являлись два профессора отъ которыхъ зависѣла данная тема, но на докладѣ могли присутствовать слушатели академіи и желающіе посторонніе офицеры.

Сдѣлавъ свой докладъ, профессора высказывали свои замѣчанія и возраженія, на что докладчикъ могъ давать свои объясненія. Затѣмъ профессора удалялись на совѣщаніе и, вернувшись, высказывали свое мнѣніе о произведенной работѣ и оцѣнку балломъ.

Вторая — касалась тактическихъ и военно-техническихъ вопросовъ и должна была быть законченной къ Рождеству.

Третья — самая обширная носила названіе стратегической и состояла, в свою очередь, изъ трехъ частей:

1. Статистической, 2. Военно-административной и 3. Тактической.

Всѣ, успѣшно закончившіе испытанія дополнительнаго курса, в началѣ мая, награждались не в очередь слѣдующимъ чиномъ, причислялись къ Генеральному Штабу и должны были отбыть лагерьный сборъ на младшихъ должностяхъ ген. штаба.

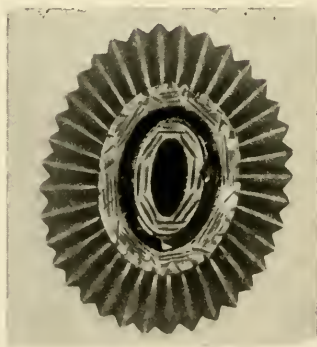
По окончаніи полныхъ курсовъ какъ нашей академіи, такъ и артиллерійской и инженерной, мы имѣли счастье быть представленными Государю. Для этого в началѣ Іюня, всѣ окончившіе эти академіи, приглашались в Петергофскій дворецъ, т. к. Императорская Семья, в это время, пребывала в лѣтнемъ дворцѣ — Александрія близъ Петергофа.

Мы вытянулись по заламъ дворца, начиная с насъ генштабистовъ, какъ наиболѣе многочисленной группы, затѣмъ артиллерійская и инженеры. Его Величество не торопясь обходилъ интересуюсь нашимъ прохожденіемъ академическаго курса и особенно продолжи-

тельно останавливался перед тѣми офицерами, которые по формѣ принадлежали к частям расположенным на окраинах нашего Отечества, спрашивая их об их глухих стоянках. Обходя всѣх, Государь прощаясь пожелал нам успѣшно примѣнить полученныя знанія на службѣ, выразив надежду — что этим принесем пользу Родинѣ.

По отъѣздѣ Государя, нам был предложен во дворцѣ завтрак. Мнѣ припоминается, что когда было розлито шампанское, окончившій с моим выпуском (1902 г) нашу академію, Кавалерградскаго полка граф Алексѣй Игнатьев, встал и провозгласил тост за здравіе Государя, подхваченный общим Ура!

Кто из нас, в то время, мог подумать, что этот граф, выросшій и воспитанный в своей патріархальной семьѣ, бывшій во время войны 1914-17 годов нашим военным агентом во Франціи, послѣ Октябрьской революціи — присоединится к большевизму, вернется в Москву, гдѣ выпустит в 4-х томах свои воспоминанія, в которых не удержался, что-бы гадко, неприлично и ложно оклеветать своего Государя.

ПО ОКОНЧАНИИ АКАДЕМИИ

Офицерская Кавалерійская Школа.

К нашему окончанію академіи, военным министерством были изданы новыя правила, для нашего прохожденія службы, по которым мы причислялись в свои части, для двухгодичнаго командованія ротами и эскадронами. Лишь по окончаніи этого ценза мы получали назначеніе в войсковые штабы и, с переводом по ген. штабу, снимали свои полковые мундиры. Для кавалеристов требовалось, до принятія эскадрона, пройти одногодичный курс Офицерской кав. Школы.

Меня эта реформа порадовала. Я мог еще три года не смѣнять мундир родного полка и командовать в нем эскадроном. А прохожденіе Кав. Школы давало хорошую подготовку по выѣздкѣ лошадей и другим спеціальностям кавалерійской службы. Мы изучили входящую в обиход выѣздку лошадей по системѣ Филиса, что очень пригodiлось при ком. эскадроном. Ежедневно работали 4-х лошадей, упражнялись в вольтижировкѣ и т. д. Наконец прошли мѣсяц на парфорсных охотах.

Наши занятія начинались в 9 час. утра и продолжались до 4-х, с часовым перерывом на завтрак. Всѣ занятія проходили под руководством больших спеціалистов своего дѣла.

В первое время эти физическія упражненія, послѣ трехлѣтней сидячей академической работы, были чувствительны, пока мы не втянулись.

Для нѣкоторых из нас, немного отяжелѣвших, были трудноваты упражненія по вольтижировкѣ. Наш руководитель, по этому упражненію, был большой виртуоз и сам продѣлывал их так, что во многом превосходил цирковых вольтижеров. Выслужившій из нижних чинов до военного чиновника, он был проникнут большим почтеніем к нам. А мы, что-бы его поощрить, обращались к нему называя «профессор», что его смущало, но мы объясняли своей привычкой так называть своих руководителей. Дабы возможно дольше оттянуть его урок, занимали его разговорами и просьбами: сначала теоретически объяснить нам, как нужно дѣлать прыжки, затѣм самому показать примѣр. Выполнив все это, он просил нас приступить к упражненіям. Я и еще нѣкоторые, сохранившіе

живость, немного поупражнялись, остальным оставалось времени лишь на один-два прыжка.

Особенно трудно было продѣлать, по своей комплекціи, нашему товарищу, Ахтырскому гусару, Сережѣ Одинцову, к тому-же он на первых порах растянул жилу. Сочиняя друг на друга юмористическіе стишки, мы, куплеты в его честь, кончали:

В Школѣ так старался,
Что сразу броки получил;
А, потом, как ни пытался —
На вольтижѣ не вскочил! . .

К сожалѣнію, однажды мы своего «профессора» невольно подвели. Дѣло было на масляницѣ; пригласил нас тот-же Сережа Одинцов к себѣ ѣсть блины. Полагавшагося на завтрак часа, конечно не хватило, мы прихватили еще час, который приходился на вольтижировку. Как на грѣх, в манеж зашел Начальник Школы, ген. Брусилов, будущій герой прорыва германо-австрійскаго фронта в 1916 году. Досталось нам, но и подѣлом, но пострадал и наш «профессор», почему не доложил начальству — что мы не пришли.

В мѣѣ мѣсяцѣ, Школа переходила в лагерь под Красным Селом. Здѣсь ѣзда и прочія занятія происходили на воздухѣ и на мѣстности.

Парфорсныя охоты.

Курс Школы заканчивался так называемыми парфорсными охотами, которыя способствовали лихости и находчивости в скачкѣ по незнакомой мѣстности в погонѣ за звѣрем. Охота происходила в районѣ м. Поставы, Виленской губерніи, были специально, для этого, построены помѣщенія для офицеров, команды нижних чинов, вѣстовых для ухода за лошадьми и конюшен.

Для охот Школа раздѣлялась на двѣ смѣны: на Август мѣсяц сюда пріѣзжали офицеры младшаго курса, сюда вошли мы генштабисты, на Сентябрь — старшій курс и приглашенные штаб-офицеры кавал. полков, кандидаты на получение полка.

Охота заключалась в том, что выпускался из клѣтки звѣрь (обыкновенно рогатая даніель). Эти животные отличались особо рѣзвым бѣгом. Выскочив из клѣтки и почувствовав свободу звѣрь полным ходом уносился, прыгая через всѣ препятствія, какія только могут встрѣтиться — канавы, заборы, горы, кручи, болота и пр., несясь полным ходом по лѣсам. Когда звѣрь исчезал из виду, выпускались собаки, которыя по запаху слѣда, неслись в догонку.

За стаей собак неслись и офицеры во главѣ с начальником охоты, коего по положенію не полагалось обгонять. Погоня продолжалась не менѣ десяти верст, но иногда доходила до 15-20 верст.

Понятно, для такого пробѣга, лошади должны были быть хорошо тренированы и напрыганы, чѣм и занимались лѣтом. Скачка полным ходом по мѣстности — куда поведет звѣрь — была, конечно, не безопасна, было немало паденій с лошади и вмѣстѣ с ней. Бывали и раненія. Были комическія эпизоды с паденіем или попаданіем в болото из коего трудно было выбраться.

Эти охоты развивали смѣлость и лихость, нужныя кавалеристу. Увы, современная техника, другіе приемы веденія войны: пулеметы, тяжелая и дальнобойная артиллерія, а особенно танки, авіація и, наконец, атомное оружіе, совершенно измѣнили приемы и тактику веденіе войны и почти исключили примѣненіе лихих, кавалерійских атак. Поэтому, современному военному покажутся странными и даже дикими старые приемы.

Парфорсными охотами мы заканчивали прохожденіе годичнаго, для нас, курса Школы.

Через Киргизскія степи к Аральскому морю.

С окончаніем школы, мы получили двухмѣсячный отпуск, который я рѣшил провести у матери, которая, в это время, жила со своим мужем А. И. Урсати в гор. Оренбургѣ, гдѣ находилось управленіе строящейся Оренбург-Ташкентской жел. дороги, во главѣ работ которой стоял инженер А. И. Урсати.

Мой отпуск прошел весьма интересно, т. к. дал мнѣ возможность ознакомиться с новым обширным краем, пустынных Киргизских степей, который с прокладкой пути начинал оживать.

Как раз к этому времени заканчивалась укладка рельс в сѣверной части пути: начиная от Оренбурга, гдѣ был сооружен большой мост через широкую здѣсь рѣку Урал, доведенная почти до Аральскаго моря. Начальник работ рѣшил произвести осмотр работ, для чего был составлен поѣзд, а меня пригласил в свой вагон. Дней десять продолжалась наша поѣздка с постоянными остановками, для осмотра происходящих работ пути, мостов, станціонных построек, разных депо, водокачек и пр. Особенно были затрудненія в водоснабженіи в безводной степи; мѣстами приходилось прокладывать трубы на большія разстоянія, для снабженія станціонных водокачек водою, гдѣ таковой не было.

Впослѣдствіи этот вопрос облегчился, т. к. в нѣкоторых мѣстах — при буреніи — удалось достигъ воды и ряд станціонных водокачек могли быть снабжены водой из артезіанских колодцев.

Рѣдкое киргизское населеніе вело кочующій образ жизни, а потому до Аральскаго моря мы не встрѣтили, ни одного селенія. Станціи строились в предположеніях на будущее время, но нужныя теперь для обслуживанія самой дороги. Обойдя Аральское море в полуверстѣ от него, гдѣ пока укладка рельс кончалась, мы в заготовленных для нас экипажах проѣхали еще около 30 верст вдоль прокладываемого пути до перваго, в нашей поѣздкѣ, города Казалинска.

В общем мнѣ удалось свой отпуск провести на ознакомленіе с новым для меня краем нашего обширнаго Отечества.

Командованіе эскадроном.

К Октябрю 1903 года, я явился в свой родной полк, для 2-х годичнаго командованія эскадроном. Я принялъ 2-й эскадрон Кирасир Ея Величества от ротм. Клевезаль, который уже давно командовал и рад был отдохнуть от этой не легкой и отвѣтственной работы. Мнѣ же, молодому 26 лѣтъ, послѣ занятій в академіи и Кав. Школѣ, было пріятно окунуться в строевую службу, к тому же отвѣтственную. На мнѣ лежала самостоятельная забота по подготовкѣ своей части в составѣ полутора ста людей и лошадей. Сюда, ежегодно вливалось до 30 новобранцев и 20 лошадей, коих в теченіи 4-5 мѣсяцев нужно было обучить и подготовить. Кроме того, на ком. эскадрона лежала и большая хозяйственная забота — по довольствію людей и лошадей и пр.

Особенно трудным был вопрос ковки, отпуск на которую был недостаточен и приходилось изворачиваться из других сумм, т. к. на покупку угля, желѣза, кожаных фартуков кузнецам — далеко не хватало казеннаго отпуска.

При принятіи моем 2-го эскадрона в нем состояло 5-ть офицеров: двое старше меня по службѣ — князь Кольцов-Мосальскій и Мордвинов 2-й (Паля); трое моложе меня — Брюммер, Куликовскій и Вульферт.

Строевая работа была мною распредѣлена между офицерами эскадрона, которые, как старшіе меня, так и младшіе, на занятіях и в строю, несмотря на наши чисто товарищескія отношенія, гдѣ всѣ мы были на «ты», выполняли мои распоряженія и замѣчанія, как требовала наша дисциплина ко мнѣ их ближайшему прямому начальнику. Посѣщая всѣ отрасли обученія, кои велись моими офицерами, я оставил за собой непосредственную работу по доѣздкѣ молодых лошадей, которая была мнѣ хорошо извѣстна послѣ прохожденія Школы, гдѣ мы обучились новой, так называемой Филисовской системѣ. Т. к. работа по выѣздкѣ лошадей требовала от всякаго всадника самому быть твердым на сѣдлѣ, то сюда

привлекались всѣ унтер-офицеры и лучшіе ѣздоки из старослужащих. Предварительно я их собирал и лично указывал всѣ приемы, а затѣм обучал их цѣлой смѣной в манежѣ.

Много времени отнимала хозяйственная часть, т. к. младшіе офицеры к этому не привлекались, а эту, менѣе всего мнѣ извѣстную работу приходилось дѣлать с помощью вахмистра, сверхсрочнаго служаки, дока этого дѣла, прекрасно знавшаго — гдѣ, что и как лучше и дешевле купить. Вообще вахмистра, единственные того времени сверх срока служащіе, сроднившіеся со своими частями, знавшими всю солдатскую службу, были незамѣнимыми помощниками. Оставаясь десятки лѣтъ при своем эскадронѣ, знали до послѣдняго трынчика все в нем находящееся. Можно лишь пожалѣть, что, вѣроятно, недостаток Государственной казны не позволил, как было во всѣх европейских арміях, имѣть хотя бы по два-три сверхсрочных унтер-офицеров — на роту и эскадрон. Заграницей весь унтер-офицерскій состав состоялъ из чинов, служащих сверх срока, что сильно облегчало офицерскую работу, тогда как у нас вся работа по обученію, показу и пр. ложилась на офицеров.

Лишь перед самой войной 1914 года были отпущены средства, для оплаты двух сверхсрочных унтер-офицеров на роту и эскадрон. Однако не всѣ вакансіи были заполнены, как вслѣдствіе мизернаго жалованья, так и не были приняты мѣры, для предотвращения, какой либо должности служакам послѣ пяти или десяти лѣтъ сверхсрочной службы в войсках.

На мнѣ, как командирѣ эскадрона, лежала забота не только знать всѣх людей и лошадей эскадрона, но самое близкое ознакомленіе с ними. Для меня эта задача осложнялась тѣм, что приходилось ознакомливаться не только с вновь поступающими новобранцами и молодыми лошадьми, но сразу со всѣми 150-ю.

Для этого я старался, почти ежедневно, присутствовать на так называемых словесных занятіях, гдѣ люди обучались всей словесной премудрости — для солдата. На этих занятіях, видя как бывало трудно кому нибудь понять и запомнить, да еще от повторных вопросов совершенно ошалѣвать, я начиналъ разспрашивать о его семьѣ, бытѣ, из какой губерніи, чѣм занимался дома. Это его успокаивало, а мнѣ становился извѣстен его домашній бытъ. Лично выдавая, каждыя два мѣсяца небольшое солдатское жалованье, я лично вписывал сумму в полагающуюся каждому солдату книжку, которая находилась у него на руках, и попутно разспрашивал о его домашних дѣлах.

Прошло уже много, болѣе полустолѣтія, как я вношу эти записи, но в умѣ стоит воспоминаніе о том, как я увлекался своей работой и вмѣстѣ с тѣм в разспросах этих простых русских и

многочисленных наших инородцев — узнавал об их нуждах и домашнем бытѣ.

К Рождѣству успѣхи достигнутые, как по подготовкѣ молодых солдат, так и лошадей меня вполне удовлетворили; я надѣялся, что к Марту, когда будут смотровыя повѣрки моим начальством, подготовка моего 2-го эскадрона не будет хуже других. Но судьба не дала мнѣ закончить свое командованіе эскадроном в родном полку, я был призван на боевыя поля Маньчжуріи, гдѣ грянул мало ожидаемый нами гром!

С полком мнѣ вновь пришлось встрѣтиться в 1910 году для цензоваго командованія дивизіоном, а в 1915 г. я имѣл счастье получить в командованіе и весь родной полк.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА 7-я

ПОЛОЖЕНИЕ В МІРѢ К XX-МУ ВѢКУ.

Період длительного мира.

К XX вѣку Европа переживала время длительного мира. Дѣйствительно, послѣ франко-прусской войны 1870-71 годов и русско-турецкой 1877-78 годов, протекло четверть столѣтія. Создавалось впечатлѣніе, что уже большія войны отошли и болѣе невозможны. Нѣкоторые писатели даже считали, что народы доросли до такого «прогресса», когда всѣ международныя недоразумѣнія могут быть разрѣшены за столом дипломатов! К сожалѣнію, эти пріятныя иллюзіи, оказались мифами и XX-й вѣк ясно показал, что до подобнаго «прогресса» нам, живущим на нашей грѣшной землѣ, еще очень и очень далеко.

Но, все же, конец XIX-го вѣка прошел спокойно. Жизнь государств протекала без военных бурь. Границы для путешествующих были почти всюду открыты, большинство стран не требовало виз и при переѣздах из государства в государство повѣрки паспортов не происходило.

Царившее спокойствіе, давало европейским странам возможность развивать свои колоніальныя дѣла. Из-за океанских стран приходило сырье, расширялся сбыт фабричных товаров. Да и особыя остроты в соревнованіи между государствами и в торговых сношеніях не было. Изобиліе сырья и продовольственных продуктов давало возможность получать их по низким цѣнам; а открывшіеся в колоніях рынки давали безперебойный спрос фабрикатов. Вопрос о колоніях еще не подымался, а лозунг Вильсона президента сѣверной Америки, о свободной волѣ народов к суверенной жизни еще не раздавался. Дипломатія была корректная, оружіем не бряцала, к международным сѣздам прибѣгали лишь в исключительных случаях. Даже когда Император Николай 2-й, в 1896 г. обратился ко всему міру с предложеніем всеобщаго мира, то с трудом русской дипломатіи «удалось собрать конференцію мира в Гаагѣ. Понятно о конференціи «на высоком уровнѣ» вряд ли

имѣли представленіе. Вообще предпочитали работать в тишинѣ своих кабинетов. Одним словом патріархальность политики того времени была далека от той нервности, которую нам приходится переживать теперь.

К началу девяностых годов XIX вѣка имп. Александром III-им было создано «Франко-русское соглашеніе», которое противопоставилось «Тройственному Союзу» — Германія, Австро-Венгерія и Италія. Эти два вооруженные блоки, как бы создавали европейское равновѣсіе. Англія не примыкала ни к какой сторонѣ, вѣроятно, считала свое свободное положеніе болѣе выгодным. Сѣверная Америка, в то время, жила своей жизнью, могла почти не имѣть вооруженной силы, пользуясь своим расположеніем за океаном; послѣдній, при тогдашней technikѣ, давал Америкѣ полную гарантію безопасности. Пользуясь своим положеніем Сѣв. Америка могла свободно развиваться и достигъ такого процвѣтанія какое мы видим теперь.

Европейскіе же два блока — двойственное согласіе и тройственный союз — несмотря на царившее спокойствіе, принуждены были — соревнуясь — все время увеличивать свои вооруженныя сухопутныя и морскія силы. На что уходили огромныя денежныя суммы, достигавшія четверти государственных бюджетов. Кромѣ того, отбываніе воинской повинности отнимало работников от производительной, для государства и населяющих их народов, дѣятельности.

Движеніе Россіи на Дальній Восток.

Россія, не имѣя никаких заокеанских колоній, обладала огромными пространствами Сибири и Среднеазиатских владѣній, нуждалась в незамерзающих, открытых портах. Это обратило вниманіе нашего Отечества в сторону Дальняго Востока, гдѣ уже давно мы достигли берегов Тихаго океана и владѣли портом Владивосток. К сожалѣнію, послѣдній на 4-5-ть мѣсяцев был недоступен, так как порт его замерзал. Хотѣлось продвинуться южнѣе и, через мало населенную, в то время, Китайскую провинцію Маньчжурію, достигъ берегов незамерзающаго моря. Европейскія государства — Англія, Франція и Германія уже давно, не считаясь с Китаем, устраивали там свои колоніи, не столько дипломатическим путем, как по просту захватом.

Как все положеніе теперь измѣнилось! Гдѣ всѣ эти колоніи?

О будущем в то время не задумывались. Для нас представился случай. В серединѣ девяностых годов прошлаго столѣтія в Петербург прибылъ большой китайскій дѣятель Ли-хун-чанг. Послѣдній, вѣроятно не безкорыстно, заключил с Россіей договор о передачѣ

нам сроком на 25-ть лѣтъ Порт-Артура с участком Ляодунскаго полуострова и контракт, на выработанных условіях, постройки желѣзной дороги, по территоріи Китая, от Забайкалья до близъ гор. Владивостока. От гор. Харбина на юг отходила вѣтка жел. дороги к незамерзающему порту Артур.

К постройкѣ этой дороги было приступлено в 1898 году; дорога получила названіе Восточно-Китайской жел. дороги. Ея постройка была выдѣлена из Министерства Путей Сообщеній, какъ того, казалось бы, требовалось и передана в вѣдѣніе Министерства Финансов, во главѣ котораго стоял властный С. Ю. Витте, инициатор этого предпріятія. Но, какъ говорилось, для замаскировки (?) отъ заграницы, что постройка желѣзной дороги, якобы дѣло не государства, а предпріятія созданнаго особаго Русско-Китайскаго банка.

Для охраны построенныхъ работъ была сформирована особая «Охранная Стража». (Переформированная впослѣдствіи в Заамурскій округ пограничной стражи).

Если означенная Охранная Стража была достаточна, для обезпеченія отъ хунзуховъ (китайскихъ разбойниковъ), то она оказалась далеко недостаточной отъ возставшихъ китайцевъ, возмущившихся противъ иностранцевъ, хозяйничающихъ на ихъ территоріи.

Возстаніе получило названіе — «Боксерское движеніе».

Боксерское движеніе в Китаѣ.

Боксерское движеніе, возставшихъ китайцевъ в 1899 году, распространилось во многихъ мѣстахъ этой страны. У насъ на строящейся Китайской-Восточной жел. дорогѣ оно произвело большія разрушенія в начавшихся работахъ. Наша Охранная Стража понесла большой урон. Главный центръ работъ и управленіе ими, находившійся в желѣзнодорожномъ узлѣ и строящемся городѣ Харбинѣ, былъ окруженъ и осажденъ возставшими. По распоряженію Пріамурскаго военнаго округа были двинуты три отряда русскихъ войскъ: изъ Владивостока, Благовѣщенска и Забайкалья. Энергичное наступленіе русскихъ, несмотря на огромныя пространства, которыя пришлось имъ одолѣть, быстро возстановило порядокъ и освободило Харбинъ.

В столицѣ Китая Пекинѣ, возставшими были осаждены всѣ иностранныя Посольства. Царствовавшей, в то время в Китаѣ — императрицѣ пришлось, скрытно отъ своихъ же подданныхъ, помогать нѣкоторымъ посольствамъ продуктами, в которыхъ осажденные начинали нуждаться.

Для освобожденія пришлось формировать цѣлую международную армію, в которой приняли участіе — Германія, Англія, Фран-

ція, Россія и Японія. Общее начальство над которой принял нѣмецкій генерал Вальдерзее. Эта международная армія, окружила Пекин, взяла его штурмом и освободила посольства.

Увы, просвѣщенные и культурные европейцы в компаніи с желающими тоже стать таковыми японцами, оказались не только освободителями, но и просто грабителями: — полностью были разграблены не только склады и магазины города, но дворцы Богдыхана и государственный банк.

Особенно постарались высокопросвѣщенные «бритты».

Всѣ эти событія принадлежат к уже давно минувшим дням, но все же сохранились в живых старики, помнящія дѣла, совершенныя культурными народами. Поэтому, не стоит удивляться, что среди спящего, в то время, Китая, нашлись патріоты, которые возмущившись отношеніем к их странѣ иностранцев, подняли возстаніе, которое без серьезной подготовки, наспѣх произведенное, не могло имѣть результата.

Хотя вчужѣ, но нельзя не видѣть и в дальнѣйшем страданіе этой густо населенной страны. На их собственной территоріи, среди своего же населенія, велись чуждыя Китаю войны других государств, разоряя и опустошая их страну. Среди них нельзя забыть и нашу русско-японскую войну 1904-5 годов, начатую по инициативѣ японцев.

Всѣ культурныя государства старались урвать себѣ, не принадлежащій им кусок чужой земли и чужого добра. А для обогащенія своей коммерціи отравляли несчастных китайцев продажей им опиума. Как далеки были эти снабжатели от морали, не говоря уже о христіанском долгѣ, который проповѣдует Евангеліе — в любви к ближнему.

Теперь, когда мы видим, что в концѣ концов, обезсилившій от захватов и непрошенных услуг Китай сдѣлался добычей коммунизма, то в этом нельзя не усмотрѣть — что превращеніе патріархально вѣками жившаго Китая в большевистское государство — есть не малая доля тѣх, кто довел его до этого положенія

А как и чѣм все кончится — страшно подумать!

Не так ли и наше страдающее Отечество, ослабленное огромными потерями в войну 1914-17 годов, принесенными на общее дѣло, получило вмѣсто поддержки полное забвеніе и пренебреженіе к его положенію, предоставив излѣчиваться самому, дав право кому угодно (полякам, чехам, румынам и пр.) терзать большую страну. А сами, упоенные своими успѣхами и личными дѣлами, дали время укрѣпиться власти, от которой теперь страдает весь культурный мір! . .

**Мѣры Россіи, для обезпеченія своихъ дальнихъ владѣній:
Дипломатія, Сибирская жел. дорога, войска и флот.**

Россіи, перейдя на активную политику на Дальнемъ Востокѣ, необходимо было принять мѣры къ ихъ закрѣпленію, какъ дипломатическимъ путемъ, такъ и надежной связью центра съ далекой окраиной и, наконецъ, воинскою силою — сухопутною и особенно морскою.

Ни того, ни другого, ни третьяго принято не было. Всѣ эти мѣропріятія зависѣли не отъ одного, а отъ совокупности многихъ вѣдомствъ. А у насъ въ Россіи, въ то время, не было объединеннаго правительства, на которомъ министры могли сговориться, для принятія рѣшенія всѣхъ междувѣдомственныхъ вопросовъ. Каждый министръ велъ политику своего министерства, имѣлъ свой докладъ у Государя, гдѣ проводилъ интересующія его министерство дѣла. Понятно, эта необъединенность вредила общему дѣлу. Лишь въ 1906 году былъ созданъ Совѣтъ министровъ.

Дипломатическому вѣдомству, при нашей политикѣ на Дальнемъ Востокѣ, необходимо было упрочить наши взаимоотношенія съ Японіей. Послѣдняя смотрѣла на насъ недоувѣрчиво, за обиду нанесенную ей урѣзками ея требованій предъявленныхъ Китаю, послѣ побѣды надъ послѣднимъ въ 1895 году. При заключеніи Симоносекскаго мирнаго договора Японіи съ Китаемъ. Японія, подъ вліяніемъ европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и Россіи, лишилась почти всѣхъ своихъ побѣдныхъ достиженій. Но другія государства были далеко, а Россія рядомъ. Кромѣ того, стремленіе Японіи утвердиться на материкѣ, занятіемъ Порт-Артура, не было удовлетворено. А черезъ нѣсколько лѣтъ Россія сама заняла этотъ портъ.

Все это оставляло у японцевъ непріязненное чувство къ намъ. Мы же не только не стремились сгладить эту горечь, но еще болѣе раздражали японцевъ своими концессіями на пограничной полосѣ съ Кореей у р. Ялу. Пріѣзжавшій въ 1902 году въ Петербургъ японскій дипломатъ принцъ Ито, не былъ сторонникомъ японскихъ руссофобовъ, видимо хотѣлъ идти на сближеніе съ Россіей, но былъ пренебрежительно принятъ и ему было отказано вести переговоры. Въмѣсто дружбы — получилась обида. Изъ Петербурга онъ проѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ заручился съ Англіей договоромъ о поддержкѣ, которая и помогла Японіи въ предстоящей войнѣ ея съ Россіей.

Ведя подобную политику, наша дипломатія во главѣ съ министромъ Ламздорфомъ должна была быть увѣренной, что мы стали крѣпко на новыхъ мѣстахъ, чего не оказалось. А между тѣмъ у энергичной дипломатіи есть много путей, которые могли бы своею подготовкой облегчить наше положеніе передъ войною.

Не будучи дипломатомъ, но какъ современникъ описываемыхъ событій, позволю себѣ указать на слѣдующее:

Мы могли бы договориться с нашей союзницей Франціей, что в случаѣ войны одной из сторон, другая сторона предоставляет пользоваться ея портами, для кораблей союзника — продовольствіем, углем и доками. Отсутствіе подобнаго договора сильно усложнило положеніе нашего флота. Вѣдь Японія, через принца Ито, смогла договориться о поддержкѣ с Англіей, которая и содѣйствовала ей во время войны без союза с ней и как всѣ державы (о чем я упомянул выше) в 1895 году препятствовала Японіи в ея требованіях к Китаю. Мы же были с Франціей в союзных и военно-договорных отношеніях.

Затѣм нужно было попытаться условиться даже с Германіей, что в случаѣ нашего конфликта на востокѣ и на время его, получить согласіе на нейтралитет. Вопрос, конечно, щекотливый, но при носившемся, в то время у Вильгельма представленіи о «желтой опасности» и его заигрываніи дружбой с русским Монархом, умѣлая дипломатія могла достичь успѣха, даже без экономических уступок. В концѣ концов, нам пришлось сперва обогнуть с западнаго фронта запасы боевых и интендатских складов, а потом и часть войск с этого важнаго фронта. За это мы были принуждены пойти на очень нам невыгодный торговый договор в концѣ войны с Германіей. Вот цѣна нашей недоговоренности в свое время.

Конечно, главная вина за неудачу кампаніи ложится на командованіе, но стратегія нас учитъ, что главный успѣх зависит от подготовки. А какую подготовку и какую помощь в достиженіи успѣха оказала дипломатія? Приходится признаться, что никакой!

Вся наша связь с далекой восточной окраиной висѣла на тонкой ниткѣ Сиби́рской жел. дороги, которая с трудом удовлетворяла нужныя потребности огромнаго края и не могла обслуживать, в случаѣ конфликта, переброску войск и их снабженіе.

Военный министр Куропаткин обращался к министру Путей Сообщенія кн. Хилкову с просьбой об усиленіи провозоспособности Сибирской магистрали, пропускавшей не болѣе трех-четырех пар поѣздов в сутки. Для этого необходимы были деньги, но на всѣ просьбы об отпускѣ кредитов Хилков получал отказ от министерства финансов. Во главѣ послѣдняго стоял извѣстный государственный дѣятель С. Ю. Витте, выдающійся, но и властный.

Наши финансы, под талантливим руководством Витте, были блестящи: золотой запас к началу XX вѣка достиг 1.100 милл., вдвойнѣ покрывая банковскіе билеты, выпущенные на 580 милл. Государственный бюджет, барометр благополучія, рѣзко повышался, почти без увеличенія налогов. Блестящее положеніе государственной казны давало возможность поднимать расходы на надобности страны. К сожалѣнію, Витте не всегда становился на высоту всѣх государственных нужд и не нашел у себя сил подавить узко

вѣдомственныя потребности, в ущерб другим государственным необходимым расходам. Не давая кредитов на улучшение важной Сибирской магистрали, он отпускал их для находившейся в его вѣдомствѣ Восточной-Китайской дороги. Кто проѣзжал этот путь мог сразу видѣть убогія зданія станцій на Сибирской дорогѣ и роскошныя — на Китайско-Восточной. Витте отказывал в кредитах на увеличеніе войск на Дальнем Востокѣ и скупо отпускал кредиты на постройку крѣпости Артур и, как укажу ниже, на оборудование его порта, а наряду с этим, не жалѣл средств, своему дѣтищу коммерческому порту Дальній (Дайрен), с прекрасно оборудованными пристанями, что сильно облегчило японцам веденіе осады крѣпости.

Недостаточность сил, для защиты наших огромных владѣній на Дальнем Востокѣ с занятой нами Маньчжуріей и Артуром, явно бросались в глаза. К 1900 году мы имѣли — на всю огромную площадь от Байкала до берегов океана, 60 тыс., включая сюда и казачьи части. Понятно, этого было недостаточно, не только в случаѣ конфликта с Японіей, но и просто для обслуживания этой окраины с двумя крѣпостями — Владивосток и Артур, а также для поддержанія нашего престижа.

В первую голову рѣшено было развернуть Сибирскія стр. бригады в дивизіи, придачей по одному (третьему) батальону в полки и одной батареей в их арт. дивизіоны. Но формировать их, за отсутствіем запасных в малой населенности края, приходилось в европейской Россіи. Что опять ложилось на жел. дорогу, для доставки этих формированій на мѣсто, загруженную огромными перевозками, для Флота, Артура и интенданства.

Еще к осени 1903 года, когда переговоры с японцами дошли до большого напряженія, военное министерство рѣшило отправить на Дальній Восток наши корпуса: 10-й из Харькова и 17-й из Московского округа. Но Мин. Иностр. Дѣл возстало, что это раздражит японцев! Удивительно, всѣ дипломатическіе наши переговоры в вызывающих тонах, бьющіе по престижу японцев и веденіи их не непосредственно, а через Намѣстника, что унижало достоинство суверенной державы не считалось за раздраженіе; а наше право передвигать свои войска по своей территоріи, являлось вызывающим! Забывалось также, что нахождение этих корпусов на Востокѣ уже само по себѣ являлось силой, которая, больше чѣм дипломатическія ноты, могли повліять на уступчивость японцев.

Куропаткин, как всегда нерѣшительный, уступил и остановился на полумѣрѣ: отправить от каждого корпуса лишь по бригадѣ! При этом было опубликовано пренаивное правительственное

сообщение, что эти бригады перевозятся «для испытанія пропускной способности Сибирской жел. дороги»!!!

Кого хотѣли этой наивностью обмануть?

Наше военное вѣдомство не сумѣло настоять в свое время на увеличеніи наших сил на востокѣ, для защиты своего края, коему угрожала опасность; тоже вѣдомство не сумѣло убѣдить министра финансов, что кредиты крайне необходимы. Увы, также мало сознавало это и тогдашнее русское общество!

Не посѣтуют на меня сухопутного, но не нужно быть моряком, чтобы понять — что защита от непріятеля находящагося на островах лежит, главным образом, на силѣ флота, могущаго недопустить производство десанта на материк. Другими словами: «владѣть морем».

В этом отношеніи морское вѣдомство напрягало свои возможности по постройкѣ современных кораблей в зависимости от получаемых кредитов и работы отечественных заводов.

Но этого недостаточно. Что-бы флот мог дѣйствовать ему необходима хорошо оборудованная база.

А что представлял для этого Артур — как порт того времени?

Без необходимѣйших доков для починок, с тѣсным внутренним рейдом (ковш), одним и то крайне узким и мелким выходом из него лишь в часы прилива, для крупных кораблей, по одиночкѣ с цѣлой системой маневров при помощи мелких судов.

Вѣроятно морское вѣдомство сознавало, что подобная база для флота скорѣй является западней, легко заблокированной в своем убѣжищѣ. Нужно еще удивляться каких сил и жертвенности должны были моряки приложить в своей работѣ при таких условиях.

Увы, как Куропаткину не удалось добиться нужных кредитов на сухопутныя силы и на улучшение провозоспособности Сибирской желѣзной дороги, так и морскому командованію — средств, для оборудованія порта-базы флота. Как я уже упомянул, министр финансов С. Ю. Витте не осознал необходимости в выдачѣ средств на эти вопіющія нужды, а широко их отпускал на свое увлечение в постройкѣ и оборудованіе, рядом с крѣпостью и базой флота — порта Дальній. А послѣдній как раз сильно облегчил японцам добиться гибели крѣпости и флота.

И что всего досаднѣй, если бы эти недостатки организаціи базы хоть немного были устранены, задача нашего флота была бы облегчена и результат кампаніи мог быть иной. Вѣдь не нужно забывать, что наши неудачи в войнѣ 1904-5 годов сильно повліяли и на дальнѣйшія судьбы нашей Родины.

Исторія Россіи отмѣчает положительную дѣятельность большого Государственного работника на высших ступенях С. Ю. Вит-

те, но не слѣдует забывать и о его крупных ошибках, кои нельзя вычеркнуть из той же исторіи.

С другой стороны, сознавая необходимость подготовки народа, к предстоящей войнѣ, японцы не жалѣли сил и средств, для внѣдренія сознанія у населенія в неизбѣжности предстоящей борьбы. И, как хорошіе ученики нѣмцев, обратили вниманіе на преподаваніе в школах, помятуя, что во франко-прусской войнѣ 1870-71 годов побѣдил «школьный учитель». В учебных заведеніях у населенія развивался энтузіазм, для защиты отечества. Семейным праздником у японцев была отправка члена семьи в армію. Невыполнившій свой долг японец не нашел бы мѣста у своих. Высоко почиталось мужество и культ павших в бою.

Что же дѣлалось у нас?

Печать, даже правая, была в большинствѣ пацифическая. Армія была скорѣе пасынком, а не защитником Отечества. Эпитеты: «военщина, солдафоны, дармоѣды и пр.» — были обычными. А Армія пасынок-«великій молчальник» — безропотно несла свою службу. И, кромѣ своих прямых обязанностей, обслуживала и окарауливала: государственные склады, государственные и частные банки, тюрьмы и пр. Что в других государствах лежало не на арміи. Не говоря о постоянных вызовов на помощь полиціи. А предпринималось ли что-нибудь в школах, или для подготовки в семинаріях учителей, по внѣдренію любви к Отечеству?

Вот с какой дипломатической подготовкой, хрупкой, слабой связью Сибирской магистрали, ничтожными воинскими силами и недоустройства базы для флота — мы должны были стоять на стражѣ своих владѣній на Дальнем Востокѣ.

Успѣх войны в громадной степени зависит от ея подготовки. Недочеты ея тяжело ложатся на войсках в бою, за что платится кровью. И великіе мастера военного дѣла говорили «Армія разбитая на полях сраженія была разбита до боя».

Г Л А В А 8-я

ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ В 1904-05 г.

(В этих записках я не описываю самую войну, для этого имѣется обширная литература. Здѣсь, я отмѣчаю лишь нѣкоторые факты бывшіе в связи с войной и, как участник войны, даю оцѣнку нѣкоторым лицам).

Объявленіе войны на Высочайшем выходѣ в Зимнем Дворцѣ. Манифестаціи. Назначеніе Куропаткина.

В ночь на 27 января 1904 года ст. ст., японскіе миноносцы атаковали нашу эскадру, стоявшую на внѣшнем рейдѣ Артура и серьезно повредили три наших карабля. Этим Японіей были открыты военныя дѣйствія.

На слѣдующій день, офицеры Петербургскаго гарнизона и окрестностей, получили распоряженіе прибыть в Зимній Дворец.

Император Николай II-й со своей Семейей, в сопровожденіи Особ императорской фамиліи и свитой, согласно церемоніалу Высочайших выходов, предшествуемый церемонимейстерами графами Гендриковым и Бенкендорфом, прослѣдовали по залам дворца мимо стоящих офицеров, в дворцовую церковь, гдѣ митрополит Исидор служил молебен. По окончаніи котораго тѣм же церемоніалом, возвращаясь по залам дворца, Государь остановился в Николаевском залѣ и обращаясь к офицерам сказал, что Им подписан Манифест к народу, согласно которому повелѣвается вооруженной силой отвѣтить на японскій вызов. Слова Государя были покрыты громким ура!

Покидая дворец, можно было видѣть, что вся огромная площадь перед дворцом запружена народом. Мнѣ припоминается, что при подобной-же обстановкѣ, при объявленіи войны в 1914 году, Государь выходил на балкон дворца и лично прочитал Манифест перед усѣянной на площади толпой, которая опустилась на колѣни. Теперь же этого чтенія Манифеста не было, полагаю, что причиною тому, вѣроятно, была зима и стоял сильный мороз.

Однако, я отлично помню, что энтузіазм в населеніи столицы, при объявленіи Японіи войны, — был. Так что позднѣйшія писанія и разговоры о непопулярности этой войны, нужно отнести к послѣдующему періоду, когда пошли наши неудачи на войнѣ, повлекшія за собой революціонное движеніе 1905 года.

Командующим Маньчжурской Арміей был назначен военный министр Куропаткин. Сподвижник Скобелева, коего народная молва назвала «бѣлым Генералом»; Куропаткин был овѣян славой своего начальника Скобелева — героя Турецкой и Средне-азиатской войны, поэтому назначеніе его было встрѣчено восторженно. Но большой военный авторитет, ген. М. Драгомиров, был, видимо, болѣе предусмотрителен, своим острым пером писал в военном журналѣ «Развѣдчик»: — «Конечно Куропаткин при Скобелевѣ был хорош, но здѣсь не вижу при нем Скобелева». Этими словами он подчеркивал, что Куропаткин годен лишь на вторыя роли. В другой своей статьѣ, послѣ назначенія начальником штаба арміи — ген. Сахарова, он ядовито намекнул что комбинація куропатки с сахаром не особенно удачна. Во всяком случаѣ о характеристикѣ Куропаткина, как полководца, моя запись в будущем будет отмѣчена.

Многіе мои товарищи, по выпуску из академіи, получили назначенія, в том числѣ и я, на должности Генеральнаго Штаба в дѣйствующую армію.

Трогательно было мое прощаніе с родным полком и кирасирами командуемым мною эскадроном. За прощальным обѣдом мнѣ была поднесена шашка со старинным прекрасным клинком и образок. Провожать меня однополчане пріѣхали на Николаевскій вокзал, при моем отѣздѣ из Петербурга.

Наш Шеф полка Императрица Марія Федоровна, узнав о моем отѣздѣ, пожелала меня благословить. Явившись к Ея Величеству, Государыня, разспросив о моем назначеніи, пожелала мнѣ успѣха и благословила образом св. Серафима Саровскаго. Через 11-ть лѣтъ, послѣ этого моего представленія Вдовствующей Императрицѣ, мнѣ досталась честь получить в командованіе свой родной Кирасирскій Ея Величества полк, при этом представленіи своему Шефу, Государыня вспомнила и сказала, что помнит — как в Гатчинѣ Она благословляла меня на Японскую войну.

Отѣзд и прибытіе на театр военных дѣйствій.

Участіе в отрядѣ ген. Мищенко в Корей.

Я выѣхал из Петербурга на войну в компаніи со своим товарищами по академіи — графом А. Игнатьевым и С. Одинцовым.

Чтобы не терять времени в далеком пути, мы запаслись в Главном Штабѣ имѣвшимися картами и описаніями театра предстоящих военных дѣйствій, которыя прилежно изучали в дорогѣ, которая до Иркутска представляла нам полныя удобства прекрас-

наго Сибирскаго экспресса, доставившаго нас через семь суток до этого города.

Дальнѣйшій путь уже не представлялъ подобныхъ удобствъ. Круго-Байкальская жел. дорога была в постройкѣ, озеро Байкалъ крѣпко замерзло и имѣвшійся ледаколъ не справлялся; приходилось переѣзжать на санихъ по льду озера. А затѣмъ слѣдовать случайными поѣздами по Забайкальской и Восточно-Китайской жел. дорогамъ. На озерѣ, энергичный министр Путей Сообщеній кн. Хилковъ, здѣсь, на мѣстѣ, распоряжался прокладкой рельсоваго пути на длинныхъ шпалахъ, для перегонки вагоновъ по льду.

Садясь в сани, для 60-ти верстового переѣзда по льду, выходя из теплыхъ вагоновъ при морозѣ свѣше 40 градусовъ по Реомюру, мы надѣли на себя все что могли и имѣли и, закутавшись, усѣлись в санихъ наполненныхъ сѣномъ. Спускаясь на ледъ, при совершенно прозрачномъ воздухѣ и при полномъ безвѣтрїи, противоположный берегъ казался отчетливо виднымъ, а холода никакого не ощущали; мѣстные жители объясняли это полной тишиной в воздухѣ, т. к. при столь сильномъ морозѣ вѣтра почти не бываетъ. В дорогѣ, мы постепенно начали освобождаться от излишне надѣтыхъ на себя вещей.

На срединѣ озера, на льду, была устроена временная станція, гдѣ можно было поѣсть, отдохнуть и отогрѣться. Ъда была обильная, дешевая и превкусная; свободно могущая конкурировать, если не в смыслѣ сервировки и красивой подачи, то во вкусовыхъ ощущенїяхъ с лучшими столичными ресторанами, правда, не в тонкостяхъ ихъ блюдъ, а в аппетитѣ разыгравшемся в столь необычной обстановкѣ, пробывъ часа три в санихъ на 40 градусномъ морозѣ.

Здѣсь же на льду были устроены бараки, для переходящихъ по льду озера воинскимъ пополненїямъ, гдѣ они могли отдохнуть и получить горячую пищу. Эти пополненїя шли налегкѣ, всѣ ихъ вещевые и продуктовые мѣшки, аммуниція и пр. перевозилось рядомъ на санихъ. Для всего указаннаго пришлось согнать в этотъ дикій уголъ нашего Отечества многія тысячи лошадей, коихъ нужно было кормить и содержать. А это опять таки ложилось на ту-же мало-пропускную жел. дорогу, на которую в свое время пожалѣли кредитовъ.

По прибытіи в Ляоянъ, я с Игнатьевымъ, какъ назначенные в Штабъ формирующей здѣсь Маньчжурской Арміи, выгрузились из вагона, а нашъ спутникъ С. Одинцовъ отправился дальше, какъ назначенный в штабъ Порт-Артурской крѣпости.

Куропаткинъ еще не прибылъ и мы явились къ ген. Линевичу (Командующему Приамурскимъ военнымъ округомъ), который с небольшимъ штабомъ, временно распоряжался. Да и войскъ было всего пять восточно-сибирскихъ бригадъ, нѣсколько казачьихъ полковъ и двѣ бригады X и XVII корпусовъ, которыя, къ счастью, все же пробрались

сюда. Японцы произвели высадку лишь в южной Корее и продвигались по ней к Маньчжурii.

Линевич, старый служака в Сибирских войсках, носивший у них ласкательное название «Папаша», выдвинул к границе Кореи — рѣки Ялу — две стрѣлковые бригады, а в Корею, навстрѣчу японцам, выслал бригаду казаков, под начальством ген. П. И. Миценко. К послѣднему, временно, до сформирования штаба армии, был послан и я. Описание этого интереснаго похода, гдѣ я получил свое боевое крещение, мною было описано, как и других боев, по окончаніи войны и вышло в печати.

Послѣ моего знакомства с Миценкой в Закаспii, я его вновь увидѣл на боевых полях и проникся к нему большим уваженіем, как безстрашному, спокойному и толковому начальнику, выполняющему самостоятельныя задачи. Впослѣдствii судьба свела меня во многих боях с этим выдающимся, боевым генералом, популярным и любимым подчиненными до послѣдняго казака. Обладая такими данными он мог потребовать большаго боевого напряженія от подчиненных ему частей. Будучи раненым в бою под Сандепу ружейной пулей в колѣнную чашку, он не смог принять участіе в Мукденских боях, а наша конница праваго фланга, который обходился японцами, осталась без мудраго начальника, разбилась на мелкіе отряды и не принесла той пользы, которую принесла бы если бы любимый командир был во главѣ этой конницы. Так жестоко преслѣдовал нас злой рок в этой несчастной для нас войнѣ.

По окончаніи Корейскаго похода, я, к началу Апрѣля, вернулся в Ляоян. Штаб армии заканчивал свое формированіе. Прибыли Куропаткин со своей свитой в отдѣльном поѣздѣ, который поставили на проложенные рельсы у расположенія штаба. Командующему Арміей мы всѣ были представлены.

Куропаткин — как полководец.

Имя ген. Куропаткина по окончаніи войны стало одiозным. Его жестоко поносили всѣ и вся. Одна из главных причин проигрыша нами кампанii, конечно, безспорно лежит на Куропаткинѣ. Я не берусь его защищать. Но долг справедливости заставляет меня, близко знавшаго его работу, отмѣтить и многія положительныя его качества, т. к. считать его, как многіе писатели его характеризуют, совершенно бездарным, кабинетным работником — нельзя.

Высокообразованный, знающій военное дѣло, трудоспособный и храбрый (лично повел колонну на штурм Геок-Тепе в Закаспii, не есть кабинетное дѣло), он имѣл большой боевой опыт, как один

из ближайших сотрудников Скобелева. Не только вопросы оперативной части, но и все что касалось — продовольствія, снабженія огнестрѣльными припасами, одеждой, постройкой полевых укрѣплений, устройство госпиталей, для раненых и прочее — составляли его постоянную заботу. Во все это он вникал и фактически руководил. Этим он даже злоупотреблял, не оставляя ничего своему начальнику штаба, которому оставалось лишь быть передатчиком его распоряженій в штаб. Это положеніе не только перегружало его работу, но и создавало ненормальное отношеніе с нач. штаба с которым он не дѣлился своими планами. Между тѣм, в сложных вопросах войны, когда обстановка зачастую гадательна, полезно выслушать доклад ближайшаго помощника — начальника штаба.

Ему была присуща гуманность — не допускать ради отличія и славы, чѣм грѣшили нѣкоторые начальники и не только у нас, — бросать в бой войска, не считаясь с потерями, не оправдывающими себя.

Несмотря на то что мы были связаны лишь одной слабой колеей с центром, для снабженія, его заботливостью войска не голодали, были одѣты и обуты. Санитарная часть была на высотѣ; во всѣх больших войнах потери от болѣзней в 2-3 раза превышали потери в боях, а в эту же войну смертность от болѣзней была меньше, чѣм на полях сраженій.

Ему нельзя отказать и в правильных оперативных распоряженіях, но полководцу необходима и «ВОЛЯ», для приведенія своих оперативных планов в исполненіе. В этом и состоял главный недостаток Куропаткина: — он принимал правильное рѣшеніе своим «УМОМ», но не хватало силы воли (рѣшимости), провести их в боях в исполненіе. Лишь в полном сочетаніи и гармоніи, двух необходимых качеств — «УМА и ВОЛИ» — как учит нас военная исторія — зависит успѣх полководца. У Куропаткина первого было достаточно, а вторая отсутствовала. В этом и заключались всѣ его неудачи.

Драгомиров не ошибся, а был прав, отмѣчая в печати свое мнѣніе о назначеніи командующим арміей Куропаткина, который при волевом Скобелевѣ был бы хорош как начальник штаба.

По окончаніи войны, когда я служил в Петербургѣ, ген. Куропаткин нѣсколько раз приглашал к себѣ на завтрак человѣкъ 8-10 молодых офицеров ген. штаба, активных участников японской кампаніи. Видимо его наболѣвшая душа, в разговорах с нами, искала себѣ облегченіе. Хотя многіе не останавливались в высказываніи горьких истин. Нашего же выпуска из академіи напористый и храбрый А. Крымов (который впослѣдствіи вел, по приказу Корнилова, конный корпус против Керенскаго и застрѣлился в его кабинетѣ), не стѣснялся в своих мнѣніях. Сам Куропаткин, за

завтраком, розказывал нам, что по возвращеніи с войны, он все же был осчастливлен разрѣшеніем явиться к Его Величеству; войдя в кабинет, гдѣ Государь принимал, он ничего не помня, но в избытокъ радости, что удостоился приѣма, опустился перед Государем на колѣни с желаніем выразить свои сожалѣнія, что не смог выполнить возложенную на него миссію. Наш любвеобильный Монарх помог ему подняться и сказал: «Такова воля Господня».

Организація высшаго командованія.

Для организаціи и формированія штатов в войнѣ с японцами, за неимѣніем другого положенія, было принято существовавшее, но устарѣвшее положеніе о полевом управленіи, составленнаго еще под руководством Начальника Главнаго Штаба, времен царствованія Александра III-го, ген. Обручева, большого военного дѣятеля. Это положеніе приурочивалось к плану войны на Западном фронтѣ, против создавшагося тройственнаго союза. Там предполагалось развернуть три арміи с их командующими и штабами и объединяющим их общим Главнокомандующим со своим штабом. Здѣсь же фактически дѣйствовала лишь одна армія и, потому, в назначеніи над ней Главнокомандующаго с его штабом как будто не было необходимости. Фактически же Намѣстник Его Величества на Дальнем Востокѣ адмирал Алексѣев, сдав командованіе эскадрой адмиралу Макарову, покидал Порт-Артур, но сохраняя званіе Намѣстника обличался правами Главнокомандующаго имѣя в своем подчиненіи — одну армію и один флот.

Не входя в обсужденіе необходимости имѣть над эскадрой еще высшую инстанцію (которая невольно может послужить треніям), я не могу пройти не отмѣтив в записках несуразность имѣть над одной арміей, кромѣ ея командующаго со штабом, еще главнокомандующаго со своим штабом.

Намѣстник-главнокомандующій установил свою штаб-квартиру в гор. Мукденѣ в 60-ти верстах за Ляояном, гдѣ был штаб арміи.

На пост начальника штаба главнокомандующаго адмирала Алексѣева был назначен ген. Жилинский. Какая волшебная палочка выдвигала ничѣм неизвѣстнаго этого генерала? А между тѣм он быстро продвигался: занимал должность Нач. Ген. Штаба во время переговоров с французским штабом, для дѣйствій во время войны (об этом я еще упомяну); затѣм судьба призвала его на пост большой важности, Варшавскаго ген-губернатора и командующаго войсками округа, а с началом войны 1914 г. принял пост Главнокомандующаго Сѣверо-Западнаго фронта. Но тут неизбежный рок сразу указал его непригодность: неумѣніе объединить дѣйствія подчиненных ему армій Ренненкампа и Самсонова, что

повлекло первую крупную неудачу с гибелью армии Самсонова, и тяжело легло на дальнѣйшій ход войны. (Молва дала ему прозвище «живой труп»).

Адмиралу Алексѣеву, конечно, ближе и понятнѣе было отношеніе ко флоту, в отношеніи к армии у него стояло желаніе, что бы она не допустила перерыва связи с Артуром, как базу флота. В развитіе этого Жилинскій от имени адмирала письменно и в переговорах требовал движеніе армии на юг к Артуру, а Куропаткина была забота удерживать армию Куроки наступавшую с востока и могущую отрѣзать всю армию от ея тыла. На этой почвѣ происходили тренія.

Сосредоточеніе к Ляояну, от боя у котораго зависѣл для нас перелом кампаніи.

В день 17-й августа
Начался и Ляоян,
Гдѣ под башней было пусто,
А порыв у всѣх был рван!

Нас долбили Нодзу, Оку,
А Куроки обходил!
От сраженія ждали проку —
И никто не отходил!

(Из пѣсни старых маньчжурцев).

Куропаткин поставил себѣ цѣлью, которую нельзя не признать правильной: лишь задерживать, не ввязываясь в упорные бои, дабы не рисковать своими частями, до прибытія подвозимых сил, пока мы не усилимся до перевѣса в них.

Поэтому, наши войска, сдерживая арріегардными боями наступленіе японцев, как с востока из Кореи, так и с юга, постепенно отходили, сосредоточиваясь к Ляону. К послѣднему начали подходить подкрѣпленія, а к серединѣ Августа мы получили небольшой перевѣс в силах.

Куропаткин рѣшил, на позиціях проходящих по горам в 4-5 верстах от предмостных полевых укрѣпленій, у гор. Ляоян, дать рѣшительный отпор наступленію японцев. Успѣх сулил нам, не только подъем духа в войсках, послѣ долгого отступленія с боями, но и разгром японских армій, немогущих получить в ближайшее время подкрѣпленій, в то время как нам подвозились войска.

Первые два дня боя (17 и 18 августа ст. ст.) представляли неуспѣшную фронтальную атаку японцев, подкрѣпленную мощным артиллерійским огнем. Всѣ яростныя атаки японцев, понесшія большія потери, были отбиты. Подъем духа в наших частях был

припечнятъ, к тому же получилось извѣстіе из Порт-Артура, что предпринятый японцами страшный штурм крѣпости, отбитъ с большими потерями для врага; это свѣдѣніе переданное на позиціи, встрѣчалось всюду громким «ура», полковые хоры музыкантов заиграли народный гимн. Наши части, побѣдно отбившія, наступательный порывъ японцев, ожидали приказа о переходѣ в наступленіе. Одним словом назрѣлъ тот психологическій момент, который командованіе должно было использовать наступленіем на истощеннаго и обезкровленнаго противника.

Вот гдѣ должна была проявиться ВОЛЯ полководца!

Увы, у Куропаткина она отсутствовала, а нервы от напряженія управленіем боем сдавали. Достаточно ему было получить свѣдѣніе о неустойкѣ на лѣвом флангѣ, гдѣ нѣкоторым частям арміи Куроки удалось перейти р. Тайдзыхэ, как он отдает приказ об отходѣ за эту рѣку, оставляя в полевых предмостных укрѣпленіях — одну дивизію II-го Сиб. корпуса и IV-й Сиб. корпус ген. Зарубаева, под его общим командованіем, для их обороны, а I-й и III-й Сиб. корпуса перейдя рѣку должны, длинным фланговым маршем, слѣдовать для парированія обхода Куроки. А через два дня приказывает всѣм частям выходить из боев и отходить к Мукдену.

Бои под Ляояном довели японцев до предѣла их физических и моральных сил, а боевое снабженіе почти полностью израсходовано. Выход русской арміи из боев был, для японцев — неожиданным подарком.

Но что-бы быть справедливым, нельзя не отмѣтить, что Куропаткин не встрѣтил поддержки со стороны нѣкоторых командиров корпусов, как напримѣр ген. Зарубаев, оборонявшій предмостныя укрѣпленія, настойчиво просил помощи, когда лишь только средніе полевые редуты (гдѣ волчьи ямы были заполнены трупами японцев) были атакованы, но ни один не взят. Поэтому, отвѣтственность за отступленіе ложится и на них. И у них не хватало нужной настойчивости — воли — необходимой каждому начальнику в бою.

Обезсиленным японцам было не до преслѣдованія и, отойдя совершенно спокойно от Ляояна, мы расположились к югу от Мукдена, выставив авангарды по р. Шахэ, на пол дорогѣ между Ляояном и Мукденом.

Дальнѣйшій ход событій вплоть до отступленія послѣ сраженія под Мукденом.

В дальнѣйшем обстоятельства складывались не в нашу пользу. С паденіем крѣпости Артура, у японцев освобождалась круп-

ная осадная армія ген. Ноги. Отходя в глубь Маньчжуріи, японцы все больше и больше захватывали территоріи, удаляя и нас от берегов океана.

В концѣ Сентября, Куропаткин предпринял наступленіе, которое привело к боям на р. Шахэ. Это кровопролитное сраженіе закончилось в ничью; послѣ чего, на зиму, оба противника начали закапываться друг против друга. Получилась позиціонная война.

Мищенко со своей казачьей бригадой проявил большое упорство, он притянул под свое командованіе ближайшія пѣхотныя части. Мнѣ посчастливилось провести под его начальством ряд очень тяжелых положеній, но судьба меня оберегла, и я был лишь ранен осколком шрапнельной трубки в локоть правой руки в бою 30 сентября.

Послѣ этих боев, в октябрѣ, Намѣстник был отозван в Петербург и Куропаткин был назначен Главнокомандующим; его разросшаяся армія с пополненіем подвозящихся корпусов была развернута в три арміи.

В концѣ декабря, был выслан крупный конный отряд, под начальством Мищенко, в рейд в тыл японцев, в направленіе на Инкоу, для уничтоженія там японских складов и порчи жел.-дорожной линіи, по которой шло снабженіе врага. Этот рейд особенно успѣха не имѣл; на Мищенко посыпалось не мало упреков. Послѣ войны я выпустил книгу с описаніем этого рейда, гдѣ указывал, как участник его, в неправильно поставленной Мищенкѣ задачѣ и выбора времени. Рейд в тыл, для дѣйствій на сообщенія, мог бы быть дѣйствительным лишь совмѣстно с общим наступленіем.

Послѣднее же Куропаткин произвел через двѣ недѣли, когда всѣ порчи, сдѣланныя рейдом, были японцами поправлены. Сраженіе получило названіе «под Сандепу»; при 10 градусном морозѣ и сильнов встрѣчном вѣтрѣ, правофланговые корпуса (особенно 1-й Сибирскій) арміи Гриппенберга, энергично атаковали дер. Сандепу. По плану Куропаткина всѣ арміи должны были начиная с правого фланга переходить в наступленіе, а взамѣн этого на третій день боя Куропаткин приказал доблестно атаковавшіе корпуса отвести. Взбѣшенный этим распоряженіем Командующій 2-й арміи ген. Гриппенберг, самовольно отбыл в Петербург.

Распоряженіе Куропаткина об отводѣ доблестных корпусов, дух которых оставался бодрым, и прекращеніе всей задуманной и начатой операціи, было многими осуждено за нерѣшительность Куропаткина, но все же командующему арміей показывать примѣр непослушанія и уѣзжать, бросив свой пост, едва ли может быть оправданным.

Наконец, к февралю 1905 года, японцы подвезли осаждавшую Артур армію Ноги и скрытно направили ее для охвата нашего пра-

ваго фланга. К сожалѣнію, стерегущая этот фланг наша многочисленная конница лишилась своего вождя ген. Мищенко, который лежал с прострѣленной ногой в бою под Сандепу, разбилась на мелкія группы поздно обнаружила обход. А тѣм временем, японскій главнокомандующій Ояма направил энергичную демонстрацію по горам на наш лѣвый фланг, заставил Куропаткина бросить туда резервы. Поздно спохватившійся Куропаткин, для парирования обхода нашего праваго фланга, принужден был выхватывать войска частями из центра, ослабив его настолько, что, кромѣ обхода, японцам удалось прорвать наш фронт у Кіузаня, что повлекло разобщеніе наших 2-й и 3-й армій, находившихся в тягелом положеніи, с 1-й арміей Линевица.

В подобном положеніи наше отступленіе протекало для 2-й и 3-й армій, атакованными с двух сторон — от обхода фланга и, с другой стороны, от прорыва центра, в трагических условіях и без помощи находившейся в лучших условіях нашей лѣвофланговой 1-й арміи, получившей значительныя подкрѣпленія.

Установленіе связи с 1-й Арміей.

Значительныя силы японцев, влившіяся в образовавшійся прорыв у Кіузаня, ставили в тяжелое положеніе отступавшія 2-ю и 3-ю арміи и мы потеряли полностью связь с 1-й арміей. Положеніе совершенно невозможное. Необходимо было как можно скорѣе его возстановить, отдать распоряженія Линевицу и ориентировать его в обстановкѣ.

Посланный для этого мой товарищ по выпуску из академіи ген. штаба капитан граф Игнатьев, со взводом казаков, когда мы подходили к Телину, вернулся обратно в штаб заявив, что пройти нельзя, ибо вся полоса, между нашим отступленіем и предполагавшимся отступленіем 1-й арміи, наполнена японцами.

Но всетаки, несмотря на неудачу Игнатьева, необходимо было принимать мѣры для установленія связи. Поэтому, прійдя на ночь в Телин, начальник штаба ген. Сахаров и наш генерал-квартирмейстер обратились ко мнѣ с предложеніем выполнить эту задачу, для чего предлагали мнѣ взять любой конвой казаков.

Хотя эта запись касается лично меня, я надѣюсь что на меня не посѣтуют — как на желаніе похвастаться. Мнѣ хотѣлось отмѣтить мои переживанія при выполненіи такого не легкаго порученія, которыя оставили слѣд в моей памяти.

Пока заготовляли ориентировку, для передачи Линевицу, я занялся изученіем карты. К сожалѣнію, наша подробная 2-х верстка имѣлась лишь до линіи Ляояна. Приходилось пользоваться картой, на которой отмѣчены лишь сдѣланныя маршруты

съемки с пустыми мѣстами между ними. На имѣвшейся подобной картѣ отмѣчены лишь дороги идущія с сѣвера на юг, отдѣленные друг от друга горными хребтами. В нужном мнѣ направленіи — на восток совершенно ничего не было. Поэтому, мнѣ придется пересѣкать ряд обозначенных хребтов, по каким либо тропинкам, если только найду их в наступающей темнотѣ и не заплутаюсь.

Обдумывая, я рѣшил отказаться от какого либо конвоя; вѣдь ясно — в случаѣ встрѣчи с японцами — ни взвод, ни сотня казаков мнѣ не помогут, лишь скорѣе в этой массѣ я буду обнаружен. Только в полной скрытности я мог надѣяться проскочить через район, в котором были уже японцы.

С этим рѣшеніем я явился к нач. штаба Сахарову, который вмѣстѣ с ген.-квартирмейстером ген. Эвертом, передав мнѣ письменныя распоряженія, которыя в случаѣ чего должен был уничтожить, на словах оріентировали меня. Благожелательный Сахаров понимал трудность задачи, отпуская перекрестил меня, а Эверт подбадривал, сказав, что это не раз было, как я его выручал.

Затѣм, я со своим вѣрным конным вѣстовым, Амурским казакъ Портнягиным, водрузились на своих Забайкальских коней, двинулись в полной ночной темнотѣ. Тучи скрывали даже звѣзды; было не холодно, вѣроятно температура стояла около нуля. Портнягин, который в течение всей войны был при мнѣ — как конный вѣстовой, представлял из себя «дитя природы»; родившійся на просторах нашей далекой окраины, обладал поразительными чувствами зрѣнія и слуха. Простым глазом он видѣл не хуже, чѣм я в цейссовскій бинокль; ночью, когда в нѣскольких шагах я не мог разобрать куда ступает мой конь, он различал удаленные предметы; также обладал поразительным слухом. А т. к. я в темнотѣ плохо вижу, дороги на картѣ не имѣется, есть у меня лишь свѣтящійся компас, то приказываю ему не стѣсняясь, что я офицер, а он простой казак, мнѣ помогать. Взглянув на компас, мы зарысили на восток.

В пути я рассказал ему куда и зачѣм мы ѣдем, задача наша трудна, но главное не заблудиться и не напороться на японцев, если что подозрительное услышишь, молча бери моего коня за повод и старайся укрыться; если не дай Бог напоримся хватай мою сумку, гдѣ важный пакет, дѣлай что хочешь, дабы не досталась им.

Портнягин подумав сказал, «однако» ночью без «дороги» худо, но приходилось ѣздить и без дороги и в непогоду, «однако» куда нужно приѣзжали, должно — коли нужно — и теперь доберемся».

Чѣм дальше мы удалялись от большака Мандаринской дороги, тѣм мѣстность становилась болѣе гористой, а в ущельях становилось темно, как говорится — «хоть глаз выколи». Попадались не-

большіе хутора, китайцы видимо попрятались, казалось полное безлюдіе, стояла зловѣщая тишина при полном безвѣтріи, прерываемая изрѣдка каким то отдаленными звуками, от которых становилось жутко; я останавливал коня, прислушаться, но мой вѣрный вѣстовой шептал — не у нас. Нѣсколько раз я ловил себя на желаніи вернуться. Дорожки, вѣрнѣе тропинки, по которым приходилось перебираться через хребты, отдѣлявшія одну долину от другой, мѣстами терялись, приходилось просто карабкаться как попало. Спускаясь в долинки надо было прислушиваться дабы не наткнуться на японцев. Иногда, мнѣ чудилось, что навстрѣчу появляются тѣни в видѣ колонны войск, при этой галлюцинаціи еще как будто слышится топот, брала жуть! Приходилось крѣпко себя сдерживать, что бы продолжать путь и не повернуть назад. Несмотря на компас, при безконечных поворотах, в темнотѣ дѣлали петлю — полагаю, что сбились бы с направленія, если бы не мой Портнягин. Был 11-й час, не менѣе двух часов, как мы выѣхали, по моему расчету, мы должны были продѣлать не менѣе 15 верст и должны были быть близко к дорогѣ по которой, по соображенію нашего штаба, должна была отходить 1-я армія. Прошло еще около получаса и мы спускались в какую то долину, болѣе широкую и судя по компасу — она шла с юга на сѣвер. Мы выбрались на дорогу — полная тишина; слѣзли с лошадей, что-бы дать им вздохнуть, а нам прислушаться. Ни звука, только тяжелое дыханіе наших забайкалок. Я впадал в полное отчаяніе — гдѣ же мы? Видимо сбились и вмѣсто того чтобы выйти куда нужно, попали нивѣсть куда и каждую минуту можем попасться или натолкнуться на японскую часть.

Взглянул на Портнягина, как будто он прислушивается. Наконец говорит: там за хребтом слышится шум, должно «однако», будто кто то движется. Как я ни напрягаюсь — ничего не слышу. Но если кто то и двигается, надо знать кто? Наши или японцы? Ничего не подѣлаешь, нужно выяснить; садимся на коней, карабаемся на хребет, оказавшійся не очень высоким. Начинаем спускаться и я уже ясно разбираю — топот от движенія и шум артиллерійских запряжек и обозов. Продолжаем спускаться, в полном недоумѣнии чья это колонна? Смотрю на Портнягина, который снял папаху, чешет себя за ухом и вдруг радостно закричал: «однако» наши, то «пари» и голдят же! Я с Портнягиным истово перекрестился. Судьба нас охранила! Послѣ долгих и мучительных волнений вывела к своим и оберегла от встрѣчи с японцами. Я попал как раз на слѣдовавшую лѣвую колонну 1-й арміи, при которой слѣдовал Линевиц со своим штабом.

Обгоняя идущую колонну, я нагнал штаб Арміи, меня, как выходца с того свѣта, подвели к Линевицу, ѣхавшему верхом. «Папаша» начал спрашивать о печальных событіях у наших 2-й и

3-й Арміях. Скоро подошли к мѣсту, гдѣ остановился штаб на ночлег. Во время небольшой закуски у Командующаго 1-й Арміи, за которой я доложил ему все что было мнѣ указано и передал ген. Линевицу пакет с распоряженіями. В штабной фанзѣ с сильно натянутыми нервами, я уже не мог, от усталости и пережитых волненій, отвѣчать на многочисленные, посыпавшіеся от моих пріятелей и товарищей по ген. штабу, вопросы, лег на кан фанзы, положил под голову мою сумку, заснул тревожным сном. Утром сосѣди сказали, что во снѣ я временами выкрикивал.

Когда я вернулся обратно, Сахаров обнялъ меня и сказал, что как только я отѣхал, он хотѣлъ меня вернуть, но не успѣлъ распорядиться. Еще ночью, до разсвѣта, послѣ моего отѣзда, были высланы ряд казачьих разъѣздов в район через который я проѣхал. Район оказался наполненным японскими частями. Нужна была дѣйствительно большая удача проскочить незамѣченным между ними.

Сахаров представил меня к наградѣ Куропаткину, который наградил меня Георгіевским оружіем (в то время называлось «Золотое оружіе», большая награда в ту эпоху, для молодых офицеров). Портнягин, по моему представленію, был награжден Георгіевским крестом 4 ст. (В то время назывался — Знак отличія Военнаго Ордена).

Радость большой награды, конечно льстила мнѣ, но я еще долго не мог отрѣшиться от душивших меня, во время сна, событій кошмарной ночи.

Смѣна командованія. Отход на Сипингайскія позиціи.

Вскорѣ, на походѣ продолжавшагося нашего отхода послѣ Телина, было получено из Петербурга распоряженіе об отозваніи Куропаткина и назначеніи Линевица Главнокомандующим.

Куропаткин, отѣзжая, просил по телеграфу Государя, как милость, оставить его в арміи на любой должности. Его просьба была поддержана Линевицем. Государь уважил просьбу Куропаткина и послѣдній получил в командованіе 1-ю Армію.

Получилась замѣна: Линевиц стал Главнокомандующим вмѣсто Куропаткина, а послѣдній снизился на мѣсто Линевица.

Получилось ли лучше?

Отвѣтить трудно и я не берусь. К сожалѣнію, видимо и у Линевица не проявилось «воли» для активности.

На пути нашего отхода, перерѣзая желѣзно-дорожную линію и большак Мандринской дороги пролегала гряда, представлявшая большія удобства для обороны. На этой линіи и пал выбор дать отпор врагу, который остался далеко за нами.

На этих позиціях, получивших названіе «Сипингайских», наши арміи отойдя, быстро возстановили порядок, пополнились, приступили к укрѣпленію.

Из Россіи начали прибывать свѣжіе корпуса и к Маю мы были вполне годны для наступленія.

Длительный період затишья при устройствѣ на Сипингайских позиціях, дал нам, молодым офицерам Генеральнаго Штабу возможность на досугах собираться и в бесѣдах разбирать минувшіе бои и военныя событія; относясь критически к своим дѣйствіям и работам, дабы впредь их не повторить. Эти дружескія, товарищескія собесѣдованія, любителями и мастерами поэзіи, иногда выливались в стихотворную, юмористическую форму.

Привожу здѣсь, застрявшій в моей памяти, — приказ главнокомандующаго Оямы перед Мукденским сраженіем:

«Но только ослабли морозы,
Ояма проснулся, зѣвнул —
Велѣл приготовить обозы
И Ноги, из Аргура, к себѣ притянул.
Сказал он: ну друг мой Куроки —
Попробуй — возьми Гаутулин!
Не вижу от этого проку,
А выйдет — так рѣжь на Телин.

Ты Оку и доблестный Нодзу —
На фронтѣ, задача конечно трудна,
Понятно пріятнѣе сбоку,
Да что тут попишешь — война.

Ты Ноги, в обход собирайся,
Хоть тресни а схапай Мукден.
Ходи, маневрируй, сражайся;
Назад — не за тысячу іен...

КОНЕЦ ВОЙНЫ. ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЫЛЫ МАНЬЧЖУРСКИХ АРМІЙ.

Портсмутскій мир.

Пополнившіяся и отдохнувшія, на Сипингайских позиціях, наши арміи представляли собой грозную силу, тогда как японскія арміи большаго усиленія получить не могли.

Но на сторонѣ японцев было моральное преимущество побѣдителей.

Для подъема духа арміи, необходимо было получить хотя бы небольшой успѣх. Достичь послѣдняго мы могли бы, послѣ Мая мѣсяца, когда наши силы значительно превзошли японскія. Необходимо требовалось произвести небольшое наступленіе. Но, Главнокомандующій, ген. Линевиц, не нашел в себѣ рѣшимости рискнуть на это.

Всѣ три командующіе арміями убѣждали его наступать. В телеграммѣ Государя Линевицу по посылкѣ Витте для переговоров о мирѣ намекалась желательность произвести давленіе на японцев, дабы облегчить наши дипломатическіе переговоры, но Линевиц не рискнул даже на малѣйшій нажим на японскія передовыя части. Это безусловно облегчило бы задачу Витте, и, быть может, удалось бы сохранить отданную половину Сахалина.

Но, хитрый «Папаша» боялся лишиться успѣха, которым молва наградила его армію в боях Мукденскаго сраженія. Но успѣх Линевица был достигнут тѣм, что Куропаткин ошибочно полагая, что Ояма наносит главный удар на его 1-ю Армію передал сюда значительныя силы из резерва, чѣм ослабил 2-ю и 3-ю Арміи, которым пришлось принять главный удар с подвезенной еще из Артура арміей Ноги.

Между тѣм на нашей Родинѣ, при неустойчивом положеніи нашей влутренней политики, наши военныя неудачи в Маньчжуріи еще больше осложняли работу правительства и подрывали престиж власти. В странѣ начали подыматься волненія и аграрныя беспорядки.

Получилось положеніе, когда обѣим сторонам, хотя и по разным причинам, продолженіе войны было нежелательным: япон-

цам из-за недостаточности сил, а нам начавшагося революціоннаго броженія внутри страны.

Это привело к тому, что обѣ воюющія стороны, должны были принять предложеніе Президента Сѣверо-Американских Штатов о началѣ мирных переговоров. В концѣ. концов, послѣ долгой торговли, эти переговоры привели к заключенію, так называемому Портсмутскому миру.

По этому миру, японцы получили: южную часть острова Сахалин, отрѣзок южной вѣтки Китайской-Восточной жел. дороги от станціи Куанчензы до Порт-Артура, вмѣстѣ с послѣдним и городом Дальній.

Для нас этот мир был горек неудачами, откинувшими нас от незамерзающаго порта. Но еще болѣе он не удовлетворил японцев, побѣдные успѣхи коих были сведены почти на нѣт.

Пропаганда в тылу дѣйствующих армій по окончаніи войны.

Наши войска, до отправки в Россію, отводились за демаркаціонную линію, проходившую на широтѣ станціи Куанчензы, гдѣ устраивались на предстоящую зиму, т. к. эвакуація по Сибирской жел. дорогѣ была медленной, а революціонное движеніе развивавшееся на Родинѣ перекинулось на эту жел. дорогу и еще болѣе затормозило движеніе. В Сибири образовались самочинныя республики — «Красноярская», «Читинская» и пр., которыя закуривали эвакуацію.

Штаб главнокомандующаго, во главѣ с быв. Генерал-Квартирмейстером ген. Орановским перешел в гор. Харбин. Сам же Линевиц остался с ближайшей свитой в своем поѣздѣ, который поставил у моста через р. Сунгари (второе). Мнѣ было приказано остаться гдѣ Линевицѣ; моя роль была несложной и заключалась в передачѣ собранных за день распоряженій Главнокомандующаго, пересылкѣ их, посредством полевого жандарма, в штаб, в гор. Харбин, а получаемыя оттуда бумаги докладывать Линевицу; кромѣ того, вся шифрованная переписка с Государем и Петербургскими властями шла через меня. Мнѣ невольно пришлось быть свидѣтелем личной работы Линевица. Между тѣм обстановка становилась серьезной; безпорядки уже затронули тыловую жел.-дорожную связь, могли перекинуться в самую армію, ставили главнокомандующаго Линевица («Папашу») в тяжелое положеніе — одному принимать рѣшенія, т. к. оставшійся за Начальника Штаба ген. В. Орановскій (зять Линевица), который вмѣсто помощи своему тестю, уклонился, устроившись со штабом в Харбинѣ. Связь с Россіей, как желѣзнодорожная, так и телеграфная, одно время, совершенно прекратилась. Мы оказались совершенно

отрѣзанными, не получая оріентировки и не зная, что происходит на Родинѣ.

Пришлось налаживать телеграфную связь через Шанхай, куда Линеви́ч отправил моряка лейтенанта Веселкина, которому зашифрованные депеши пересылались миноносцами из Владивостока.

Сам Линеви́ч, старый Сибирский служака, никакой политической не занимался (и думаю мало что в ней понимал). А теперь оказывалось, что весь огромный край — простиравшийся на восток от озера Байкал — был под его единственным управленіем, с ожидающей возвращенія на Родину арміей. Понятно, Линеви́ч совершенно растерялся. Да и есть старику отчего! Ранѣе как будто для него все было просто, а теперь с изданіем манифеста 17 Октября — как быть?

Между тѣм обстановка все болѣе и болѣе осложнялась.

В Харбинѣ, главный центр желѣзно-дорожных мастерских, низшіе служащіе самочинно образовали свой комитет, который начал предъявлять свои требованія, идущія в разрѣз с необходимостью отправлять на Родину возможно большого количества поѣздов, для эвакуаціи войск. Там же нѣкій Ровинскій начал явочным порядком издавать будирующую газетку с самыми крайними революціонными лозунгами и пропагандными статьями. За отсутствіем в Харбинѣ бумаги, самочинный редактор, гдѣ то раздобыл бумагу краснаго цвѣта на которой и издавал свою газету.

В вагонѣ-столовой поѣзда главнокомандующаго, куда мы, живуще в этом поѣздѣ, приглашались на завтраки и обѣды и гдѣ обязательно присутствовал Линеви́ч, мы ранѣе видѣли, что разговорчивый и любившій шутить «Папаша», теперь молчаливо сидѣл. Нѣкоторые близкіе ему лица свиты и личные адъютанты пытались своими разговорами и обращеніями развеселить, но это не достигало цѣли. Как то, особо приближенный Линеви́чу адъютант А. Н. Коліев, сказал мнѣ что в разговорѣ с ним «Папаша» высказал что теперь, при «свободах», он будет пытаться уговорами умѣрить революціонный пыл и, потому, рѣшил принять прибывшую из Харбина делегацію жел.-дорожнаго комитета рабочих. И Коліеву приказано привести этих делегатов к 10 час. в вагон ресторан. Мнѣ, для веденія протокола, Коліеву, и еще двум лицам свиты приказано быть там-же.

Несмотря на все свое старческое добродушіе, которое Линеви́ч видимо хотѣл проявить, из разговоров ничего не вышло: делегаты вели себя крайне вызывающе, предъявляя совершенно неслухазныя требованія. Линеви́чу оставалось вернуться к себѣ в вагон и передать через Коліева, что делегація может возвращаться назад.

Между тѣм в Харбинѣ безпорядки все больше разрастались. Забайкальская жел.-дорога с «Читинской республикой» окончательно вышла из повиновенія. Во Владивостокѣ портовые рабочіе подняли бунт и энергичнаго коменданта крѣпости ген. Селиванова, который верхом вѣхал на площадь у вокзала, гдѣ был митинг, ранили пятью пулями в грудь.

Положеніе стало грозным, а старый Линевиц оставался один: его начальник штаба, послѣ мира получил назначеніе в Россіи, куда давно отбыл; временно оставшійся за нач. штаба ген. Орановскій, женатый на его дочери, словчился устроиться с остатками штаба главнокомандующаго в гор. Харбинѣ, а меня молодого капитана генеральнаго штаба оставил при Линевицѣ, несмотря на мое желаніе отбыть в Петербург, куда я уже получил назначеніе.

Все-же, хотя и с опозданіем «Папаша» убѣдился, что уговорами и полумѣрами не остановишь безпорядков, которые разрастааясь грозили затронуть и полумилліонную армію, жаждущую скорѣйшей отправки домой. Это же докладывали и пріѣзжавшіе к нему за распоряженіями командиры корпусов, особенно к-р 1-го Сиб. корпуса ген. Гернгрос. С которым я познакомился пріѣхав, послѣ производства в офицеры в отпуск к отцу в Закаспій; этот боевой генерал, за завтраком у Линевица, не стѣняясь рассказал, что в части его корпуса пріѣхали какіе то «милостивые государи», как он выразился, из Харбина; узнав об этом он немедленно приказал их выпроводить обратно. «Мнѣ ясно зачѣм они пожаловали, а терпѣть их у себя не желаю», прибавил он.

Общій смѣх за столом, послѣ слов популярнаго генерала, как бы выразил одобреніе, улыбнулся и «Папаша», хотя вѣроятно, в душѣ сѣтовал на допущенную им самим слабость!

Хотя связь у нас с центром отсутствовала, но, иногда, на войнѣ молва бѣжит скорѣе телеграфа и что то дошло до Петербурга и мнѣ пришлось расшифровывать очень непріятную, телеграмму для Линевица пришедшую кружным путем через Шанхай, от военнаго министра ген. Сахарова (брата быв. нач. штаба у Куропаткина) из Петербурга. Эта грозная депеша требовала принять самыя энергичныя мѣры, дабы возстановить порядок на жел.-дорогах, для эвакуаціи войск в Россію. Телеграмма отмѣчала недовольство слабостью главнокомандующаго, который имѣя у себя массу войск не пытался водворить спокойствіе на нашей Дальневосточной окраинѣ. Для свѣдѣнія и облегченія ему, телеграмма добавляла, что высылается ген. Меллер-Закомельскій с карательным отрядом на Сибирскую жел.-дорогу, для водворенія на ней порядка.

Отдавая себѣ отчет какой неожиданный и непріятный удар депеша наносит старику, я долго не рѣшался идти докладывать, пока Линевиц сам не вызвал меня, сказав, что слышал о какой то

телеграммъ из Шанхая. Пришлось мнѣ передать расшифрованную депешу.

«Папаша» любил и требовал от проводника его салон-вагона поддерживать температуру не менѣе 23 градусов по Реомюру и, потому, был красный от жары; прочитав телеграмму, он весь побѣлѣл и раздраженно сказал: — «Так вѣдь они виноваты, только теперь принялись за порядок на Сибирской дорогѣ, которая в их вѣдѣніи. Садитесь и пишите:

1. На Забайкальскую жел-дорогу — для приведенія в порядок и для ареста возглавителей «Читинской» банды, спѣшно выслать ген. Ренненкампа с вооруженным поѣздом.

2. Во Владивосток, для водворенія порядка в крѣпости, направить ген. Миценко с бригадой казаков.

3. Для возстановленія порядка в Харбинѣ — вызвать 24 Сибирскій стр. полк с его командиром полк. Лечицким.

Перепишите все это и позовите мнѣ Коліева, я ему прикажу, пока вы будете переписывать, приготовить паровоз, для отвоза с одним из моихъ адъютантовъ спѣшнаго распоряженія ген. Орановскому.

Эти мѣры, с назначеніемъ дѣйствительно выдающихся по энергіи начальников, быстро водворили спокойствіе и порядок. С порядкомъ на жел-дорогѣ наладилась и эвакуація, а с арестом и отдачей под суд руководителей рабочаго комитета и редактора Ровинскаго установился порядок в тыловомъ городѣ Харбинѣ.

Но поздно спохватившемуся Линевичу его первоначальная слабость не прошла даром. Из Петербурга получилось извѣстіе об отозваніи Линевица. Для руководства краем и эвакуаціи арміи был назначен ген. Гродеков.

Линевиц, как долго прослужившій в Сибирѣ, был не чуждъ нуждамъ «переселенцевъ» и в связи с облегченіемъ эвакуаціи войскъ рѣшился на очень разумную мѣру: при арміи находились огромные, по штатамъ военнаго времени, обозы и транспорты с десятками тысячъ лошадей, перевозка ихъ лишь загружала жел. дорогу и дорого обходилось ихъ довольствіе; поэтому, по распоряженію Линевица, было рѣшено раздать или за ничтожную цѣну продать ихъ населенію Забайкалья и Приамурья. Что обогатило край и даже получилась экономія для государственной казны.

Возвращеніе в Петербург.

Еще осенью 1905 года, послѣ заключенія мира, я был назначенъ старшимъ адъютантомъ в штабъ 1-й гвард. пѣхотной дивизіи, но ген. Орановскій (нашъ ген.-квартирмейстеръ) задерживалъ многих,

т. к., для ликвидаціи в штабѣ дѣл, по окончаніи войны, было не мало работы. Не отпускал и меня к моему новому мѣсту назначенія.

Теперь, был февраль 1906 г. и пріѣхавшій ген. Гродсков принялъ от Линевича должность. Поэтому, «Папаша» отъѣзжал.

Я считал себя вправѣ, как состоящему, послѣдніе мѣсяцы, при Линевичѣ, воспользоваться его отъѣздом, что-бы также выѣхать к своему новому мѣсту служенія в Петербург. Но очень опасался, что Орановскій не отпустит, заставив еще какой либо не оконченный отчет заканчивать. Пришлось хитрить. Я обратился к Линевичу, что мнѣ давно пора возвращаться в Петербург, а потому — быть может — сопровождая его — буду ему полезным. «Папаша», который любил большое окруженіе, сразу же мнѣ приказал ѣхать с ним. Это сулило мнѣ не только радость быстрого возвращенія, но с большим комфортом, т. к. Линевич ѣхал в своем поѣздѣ, со всѣми удобствами, как мы жили в нем послѣ заключенія мира, у моста через р. Сунгари.

С большими удобствами мы доѣхали до Иркутска, гдѣ случилось распоряженіе из Петербурга, дабы не загружать жел-до-рогу, прицѣпить, к начавшему ходить экспрессу лишь один салон вагон Линевича. Но, к нашему счастью, прицѣпили и наш со свитой. В экспрессѣ шел и вагон ресторан так, что мы почти не пострадали. Но самолюбіе старика «Папаши», было ущемлено упраздненіем его поѣзда.

НА СЛУЖБѢ В ПЕТЕРБУРГѢ.

Отклики революціоннаго движенія 1906 г. в войсках.

Прибыв в Мартѣ 1906 года в Петербург, я нес службу офицера Генеральнаго штаба, сперва в штабѣ 1-й гвард. пѣх. дивизіи, а затѣм в штабѣ войск Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Лѣтом 1906 года, как в Петербургѣ, так и во всей Россіи, послѣ подавленнаго революціоннаго движенія 1905 г., было еще не совсѣм спокойно, но нормальная жизнь, хоть медленно, но налаживалась. Все-же, то в Кронштадтѣ, то в Севастополѣ, то там, то здѣсь, бывали беспорядки. Войска, несмотря на злостную пропаганду, крайних элементов ушедших в подполье, сохраняли дисциплину и подчиненность. Лишь в рѣдких, единичных случаях удавалось, темным личностям, возбудить небольшія вспышки — быстро ликвидированныя. Проникнуть в казармы пропагандистам было трудно, но лѣтом в лагерях — было легче.

Мои записи отмѣчают, что однажды в блестящем лейб-гусарском полку, 4-й эскадрон не отвѣтил на привѣтствіе своему эскадронному командиру ротм. Молоствову. Возможно, что тут играла роль его придирчивость и строгость, но очевидно и не без подстрѣкательства. Затѣм, на трех небольших маневрах, в сторону гдѣ находился вел. князь Николай Николаевич со свитой, были услышаны пролетѣвшія пули. Вопрос остался невыясненным — отчего это произошло? Тут могла быть чистая случайность — оставшійся от практических стрѣльб или караула боевой патрон, замѣшавшійся в сумкѣ с выдаваемыми для маневров холостыми патронами, а может быть и злой умысел — утаить от сдачи, послѣ практических стрѣльб, оставшагося боевого патрона. Точно утверждать нельзя, но сомнѣніе вызывает, что пули пролетѣли в сторону вел. князя и повторились на трех маневрах.

С 1-м батал. Преображенскаго полка произошел болѣе прискорбный случай, когда полк находился в Петергофѣ. Конечно, на этот первый полк російской гвардіи пропагандисты направляли особыя усилія, тѣм болѣе, что в лагерном расположеніи он был крайним на правом флангѣ и доступ к нему со свободной стороны облегчался устройством мѣстности.

В это лето, все гвардейские пехотные полки, по очереди, на одну неделю, командировались в Петергоф, где близ него в Александрии, имели свое пребывание Государь с Семей. Приходившие полки располагались в казармах Уланского полка, как бы на отдыхе среди лагерных занятий. За это время Государь несколько раз посещал пришедший полк, беседовал с офицерами, благодарил солдат за службу. Во время пребывания здесь Преображенцев, в один из вечеров, дежурный по полку капитан Михайлов получил сведения, что во дворе казармы, где располагался 1-й батальон, происходит митинг с проникшими туда 2-3 «вольными» (выражение солдат о штатских). Кап. Михайлов, открыв ворота и войдя во двор, увидел солдатскую массу и скрывшимися между ними вольными; в толпе слышались, при его входе, угрозы. Михайлов, вместо того, что-бы принять сразу энергичные меры — приказать разойтись и арестовать без разрешения проникнувших в казарму лиц — растерялся от неожиданности. Вышел из ворот обдумывая — какие принять меры? Опешил и действовал не по военному. То есть нерешительно. Ему, как дежурному по полку, надлежало, в случае неисполнения его приказаний, действовать револьвером. С потерей времени меры были приняты, спокойствие водворено, но агитаторы успели скрыться.

Тяжелые переживания пришлось пережить этому старшему Петровскому полку. Строгая кара легла на него. Весь 1-й батл. Преображенцев со своими офицерами был исключен из полка, переименован в дисциплинарный (штрафной), с переводом в село Медведь Новгородской губернии. Командир полка. ген. Гадон, начальник дивизии ген. Озеров и ком. Гвардейского корпуса князь Васильчиков были уволены со службы и первые два с лишением даже отставного мундира. Главнокомандующий округом вел. кн. Николай Николаевич получил Высочайший выговор. Лишь бригадный командир ген. Сирелиус, как бывший в командировке — не пострадал.

К этому можно добавить, как тяжело было Государю принять столь строгие меры, т. к. Он, будучи Наследником, командовал 1-м батальоном Преображенцев и на этом посту Его застала смерть Александра III, потому должность командира 1-го батл. так и оставалась в полку незамещенной.

Освободившаяся от увольнения вакансии начальствующих лиц были замещены начальниками, особо отличившимися во время японской войны.

В это же лето произошел бунт в Свеаборгской крепости, который благодаря энергичным, сразу принятым, мерам был быстро ликвидирован и не получил широкого осведомления, но причинил вел. кн. Ник. Николаевичу несколько часов тяжелых испытаний.

Этот эпизод мною описан в журналѣ «Часовой» (Майскій номер 1950 года). Здѣсь укажу лишь кратко.

Из Гельсингфорса (теперешній «Гельсинки»), от командира 22 арм. корпуса, была получена шифрованная депеша, что крѣпость Свеаборг вышла из повиновенія, арестовала коменданта и подняла красный флаг. Свеаборг расположен на островѣ, прикрывая бухту Гельсингфорса, в 2-3 верстах от города; для приведенія его в повиновеніе не оставалось другого способа, как дѣйствовать флотом. Наши корабли эскадры находились на противоположной сторонѣ Финскаго залива в Ревелѣ, под флагом адмирала Эссена. Докладывал полученную телеграмму вел. князю — ген. Раух (генквартирмейстер штаба округа, пользовавшійся у вел. князя большим авторитетом) выразил свою мысль, что остается лишь послать адмиралу Эссену по радіо приказаніе выйти с кораблями из Ревеля и артиллерійским огнем привести в повиновеніе крѣпость. Извѣстіе это произвело на вел. князя ошеломляющее впечатлѣніе и он никак не мог рѣшиться на предложеніе Рауха, т. к. не был увѣрен во Флотѣ. Пришлось долго уговаривать, но всѣ доводы не дѣйствовали и вел. князь заявил, что не рѣшается лично принять мѣры и поѣдет к Государю с докладом. Тогда Раух, пользуясь своей близостью к вел. князю, рѣшительно заявил: — в какое тяжелое положеніе он поставит Государя, не рѣшаясь сам, а перекладывая свое рѣшеніе, в то время как у него, как главнокомандующаго Петербургским военным округом, находящимся в то время на военном положеніи, сосредоточена вся власть с подчиненіем ему Флота? Кромѣ того, напомнил вел. князю, что в его разборах маневров он всегда требовал рѣшенія от начальника, не ища указанія свыше. Это, в концѣ концов, послѣ безконечных колебаній — подѣйствовало. Приказаніе по радіо адмиралу Эссену было послано. Но и отправленное приказаніе продолжало волновать вел. князя и он собирался его отмѣнить, лишь настойчивость Рауха, что от отмѣны может произойти лишь безпорядок, удержало вел. князя.

В ожиданіи извѣстій, Николай Николаевич, в теченіе не менѣе двух часов, в волненіи, шагал по передней линейкѣ лагеря. Наконец, радіо Эссена сообщило, что подойдя с кораблями к Свеаборгу, послѣ перваго выстрѣла, крѣпость спустила красный флаг и сдалась.

Надо отдать должное доблестному адмиралу Эссену, у котораго и мысли не было выдумывать предлоги, для отказа. Сразу получив радіо, он приказал поднять пары кораблям и повел их!

Вел. князь Ник. Ник-ч, всегда строгій и требовательный к подчиненным, не останавливался в выраженіях своего гнѣва, производил впечатлѣніе волевого и рѣшительнаго, теперь, в тяжелую минуту, когда от его рѣшенія, вся отвѣтственность падала на него,

пасовал и понадобилась настойчивость Рауха, что-бы настоять на единственном рѣшеніи, которое можно было принять; в противном случаѣ, нерѣшительность могла бы послужить к развитію бунта, что давало не малыя и политическія осложненія.

Приходится задумываться, правильна ли была молва, создавшая в русском обществѣ мнѣніе о вел. князѣ, как о волевом начальникѣ? Его рѣшительная осанка, приказы и распоряженія, строгіе разnosы подчиненных, не связанные с какой либо ЛИЧНОЙ отвѣтственностью — это одно, но совершенно иное принимать рѣшенія, за кои на него ложится вся тяжесть отвѣтственности. Ярким примѣром этому — приведенный случай с бунтом в Свеаборгѣ.

Государственныя Думы.

Я не могу останавливаться на важном Государственном рѣшеніи о введеніи Россійскаго, парламента; это всецѣло дѣло политики и я лишь кратко отмѣчу то, что, находясь в эти годы в Петербургѣ, на переломѣ в исторіи нашей Родины, мнѣ глубоко запало в душу.

Созданный, послѣ нѣскольких проектов, Указ об учрежденіи Государственной Думы был обнародован, произведены выборы и депутаты прибыли в Петербург.

Государь принял рѣшеніе — обставить открытіе Государственной Думы, столь важнаго Акта в жизни нашего Отечества, — с особой торжественностью. Для этого, в Зимній Дворец, в присутствіи высших государственных сановников, были приглашены депутаты Думы и всѣ члены Государственнаго Совѣта, который был обновлен тѣм, что большая его половина была из выборных членов.

Император Николай II, в тронном залѣ Дворца, поднявшись на нѣсколько ступеней огласил Высочайшій Указ об открытіи работ Государственных Совѣта и Думы с увѣренностью, что избранники народа приложить свои силы к процвѣтанію Отечества.

К сожалѣнію, желаніе Государя отмѣтить этот Историческій Акт в блистательной обстановкѣ Дворца в присутствіи высших сановников почему то оказался не одобрен частью печати и лѣвым политическим теченіем.

1-я Дума, состоящая в большинствѣ из членов конституціонной партіи (т. н. «кадетской»), сравнительно умѣренной, к сожалѣнію, не нашла контакта с правительством, сразу стала в яркую оппозицію власти и была распущена. Широко извѣстно также ее неповиновеніе акту роспуска. Часть членов партіи «ка-де» собралась в Финляндіи, в гор. Выборгѣ, гдѣ избранный 1-й Государственной Думой ея Предсѣдателем Муромцев объявил — что «засѣ-

даніе Думы продолжается». В результатѣ было выпущено так называемое Выборгское воззваніе, заканчивавшееся обращеніем к народу — не платить податей и не давать новобранцев.

Все это, помято, сильно взволновало общество. Лѣвая пресса метала молніи гнѣва. Умѣренная указывала, как могли выпустить подобное воззваніе члены Думы, состоящіе, главным образом, из кадетской партіи — гдѣ большинство были юристы? Последніе, хотя и возмущенные роспуском Думы, не могли не понимать, что роспуск был сдѣлан согласно закону и отвѣчать на это незаконным требованіем — не платить налогов и не давать солдат — есть нарушеніе закона, на стражѣ коего они должны быть.

В общем страна не откликнулась на это воззваніе — подати уплачивались и новобранцы поступали.

Собралась 2-я Государственная Дума, в которую вошли многіе социалистическіе элементы, которые бойкотировали выборы в 1-ю Думу, но, видя свою ошибку, пожелали боллотироваться во 2-ю. Это уменьшило кандидатов конст-демократов бывших в огромном большинствѣ в 1-й Думѣ. Эта, еще болѣе лѣвѣе настроенная, Дума, тѣм болѣе не смогла работать с правительством и понесла участь 1-й — быть распушенной.

Назначенный новый Предсѣдатель Правительства П. А. Столыпин, нѣсколько измѣнил закон о выборах в Думу, что дало возможность избрать большую часть из умѣренных элементов, большинством партій Октябристов и 3-я Дума начала работу.

Преобразованія в Военном Министерствѣ.

Неудачная наша война с японцами дала толчек к нѣкоторым измѣненіям в военном министерствѣ. У нас почти отсутствовал орган, вѣдавшій подготовкой к войнѣ, именуемый Управленіем Генеральнаго штаба. Во всѣх больших государствах, забота о научной подготовкѣ к войнѣ, изученіе противника, составленіе планов войны, мобилизации, подготовки военных сообщеній с важным фактором работы жел. дорог и пр. — лежала на этом Управленіи.

В Германіи, гдѣ на подготовку к войнѣ обратили особое вниманіе, этот орган под названіем «Большой Генеральный Штаб» был вовсе выдѣлен из военного министерства с подчиненіем его непосредственно Германскому императору. Во Франціи начальник генеральнаго штаба находился в подчиненіи военного министра, но особо избирался и с мобилизаціей становился автоматически Верховным главнокомандующим. (В 1914 г. Жоффр, в 1939 г. Гамелен).

У нас же этот орган представлял из себя лишь небольшой отдѣл, входившій в общій состав Главнаго штаба, под названіем «Военно-ученаго комитета», с подчиненіем Начальнику Главнаго Штаба. Начальник послѣдняго был перегружен работой с массой управленій входивших в него, для обслуживанія дѣлами нашей милліонной арміи и не мог удѣлять время и вниманіе на подготовку, составляющую работу Генеральнаго штаба. Поэтому, по окончаніи войны, из Главнаго штаба были выдѣлены: военно-ученный комитет с отдѣлами — мобилизаціонным, военных сообщеній и топографическим. Всѣ эти части были расширены и образовали — Главное Управление Генеральнаго штаба, начальником коего, очень удачно, был назначен ген. Палицын. Послѣдній выдѣлялся из подчиненія Военному министру, имѣя свой отдѣльный доклад у Государя.

К сожалѣнію, такое положеніе оставалось недолго, ген. Палицын был назначен членом Государственнаго Совѣта, а послѣдующіе его замѣстители вновь вошли в подчиненіе военному министру.

На Начальникѣ Главнаго Управленія Генер. Штаба и его Управленіи лежала отвѣтственная работа по всѣм отраслям подготовки к войнѣ и было необходимым что-бы лицо стоящее во главѣ его, по предшествующей службѣ, было хорошо подготовлено к ея занятію и по возможности оставалось продолжительное время. Увы, ни того, ни другого, мы достигнуть не смогли: за время с 1907 года и до войны 1914 года у нас смѣнилось четыре генерала его возглавлявших, и я не ошибусь если скажу, что по уходѣ ген. Палицына всѣ они были предшествующей службой к занятію этого поста не подготовлены.

Большая военная программа.

Наша прекрасная 3-х дюймовая пушка с панорамным прицѣлом, для стрѣльбы с закрытых позицій, обладала слабой ударной силой (из-за своего малаго калибра) и требовала придачу болѣе мощных орудій.

Послѣ японской войны мы успѣли ввести, для каждаго корпуса по одному мортирному дивизиону в 12-ть 42 линейных гаубиц. Конечно, это было далеко недостаточно. Тѣм болѣе, что увеличеніе Германіей своих сил, особенно тяжелой крупно-калиберной артиллеріей, представляло не малую угрозу.

Для выясненія необходимаго с нашей стороны усиленія обороны, при военном министерствѣ, была организована комиссія в которую приглашались высшіе начальники и специалисты, для выработки программы увеличенія мощи нашей Арміи. В нее вхо-

дил наш Главнокомандующій округом, вел. кн. Николай Николаевич. Я, как офицер ген. штаба, служившій в его штабѣ, был назначен его сопровождать, для справок, записей и пр. на засѣданіях комиссіи.

Комиссія работала не регулярно, а периодически, т. к. все время находила нужным, по всяким поводам, запрашивать нужныя вѣдомства, учрежденія и особенно министерство финансов.

В концѣ концов, комиссія выработала — так называемую «Большую военную программу», прошедшую и через наши Законодательныя Палаты.

Главное вниманіе было удѣлено на вооруженіе тяжелой артиллеріей и было рѣшено изготовить нашими заводами, для каждого корпуса по тяжелому дивизиону включающаго: двѣ батареи 6-ти дюймовых гаубиц и двѣ батареи с 42линейными пушками. Затем, наши вооруженныя силы увеличивались формированіем новых пяти корпусов, в составѣ каждый двух пѣхотных дивизій с соотвѣтствующей артиллеріей и инженерными войсками, а также пяти кавалерійских дивизій с дивизионами конной артиллеріи. Нѣкоторое усиленіе было рѣшено сдѣлать в техническом и инженерном снабженіи и увеличеніем числа пулеметов.

Как ни дорого обошлось бы настоящее усиленіе, но оно было необходимо и минимально, что-бы противостоять усиленію нѣмцев и требовалось в быстром своем выполненіи.

К сожалѣнію, выполненіе этого заданія шло медленно. Военный министр Сухомлинов не смог или не умѣл устранить волокиту в полученіи кредитов от финансоваго вѣдомства, а артиллерійское управленіе не могло остановиться на лучших образцах, т. к. каждый день давал в изобрѣтеніях улучшенія. Мы не торопились и послѣдовали пословицѣ — «лучшее оказалось врагом хорошаго».

Большая программа так и осталась на бумагѣ. Нѣмцы не хотѣли ждать еще два года, для нашего изготовленія. Война была ими объявлена в 1914 году, когда они были готовы.

Событія в родном полку, гдѣ проходил службу вел. князь Михаил Александрович.

Служа в Петербургѣ по Генеральному Штабу, но связанный воспоминаніями о прежней моей службѣ в полку, — меня тянуло к однополчанам в Гатчину, куда я часто навѣдывался.

Офицерскій состав, за два года моего отсутствія на войнѣ, значительно измѣнился: поступили молодые офицеры, а многіе старшіе — покинули полк, получив разныя назначенія. С уходом наших «стариков», наш старшій офицерскій состав помолодѣл.

Вел. кн. Михаил Александрович, служа на должности младшего офицера, послѣ 200-лѣтняго юбилея, в 1904 года, вступил в командованіе эскадроном Ея Величества, а к 1910 году, когда я вернулся в полк, для отбытія цензоваго командованія дивизіоном, вел. князь был полковником, помощником ком. полка. Он постепенно вошел в знакомство с частной жизнью офицеров, посѣщал полковое собраніе, приглашал любителей охоты, для участія в ней. А постоянно устраиваемые нашим Шефом пикники, с приглашеніем офицерѣв, еще болѣе сближали — как Его, так и вел. кн. Ольгу Александровну, с жизнью полка.

Как вел. кн. Михаил, так и вел. кн. Ольга, оба необыкновенно скромные и привѣтливые, обладали рѣдким сердечным и мягким характером. При полном отсутствіи какого либо тщеславія и рисовки. Они всегда уклонялись от чествованія, которое их тяготило. Доброта их была исключительной. Отнюдь не прикрашивая их качеств доброжелательности, Они ни на какія просьбы не могли отвѣтить отказом и грустили при невозможности выполнить обѣщенное. Во время командованія вел. князем эскадроном, Он не рѣшался наложить взысканіе на провинившаго кирасира и лишь говорил, что надѣется, что виновный исправится.

Вал. князь любил спорт и сам был спортсменом, особенно в конских состязаніях, в которых принимал личное участіе, был смѣлый и отличный ѣздок. Когда появились автомобили, Он быстро научился управлять ими, сам садился за руль.

Хотя жизнь человѣческая, особенно в наш вѣкъ, быстро прогрессирует и зачастую ломает на своем пути привычные уклады нашего существованія, но все же никакія революціи, государственные перевороты, не могут нарушить вѣками сложившіеся нѣкоторые порядки, в том числѣ и жизнь лиц принадлежащих к царствующим династіям. Это мы теперь видим в Англіи и Бельгіи, гдѣ лица близкіе к Трону не могут располагать своей личной жизнью. Тѣм сложнѣе это должно было быть, с пол вѣка назад, у нас на Родинѣ.

Подобныя обстоятельства, против желанія Государя и Его Матери, привели к браку вел. кн. Михаила Александровича с женой офицера полка В. В. Вульфберта. Вел. кн. Ольга Александровна, послѣ просьб у Матери — Императрицы Маріи Федоровны, добилась благословенія на брак с Н. А. Куликовским. Брак, с разрѣшенія Государя, был скромно совершен в Кіевѣ 16 Ноября 1916 года, в присутствіи Императрицы-Матери и ближайшей свиты.

ПРОДОЛЖЕНИЕ — НА СЛУЖБѢ В ПЕТЕРБУРГѢ

Работа Генеральнаго Штаба по развѣдкѣ. Шпіонаж. Предатели.

В своих работах Главное Управление Ген.-Штаба обратило вниманіе на изученіе наших возможных противников. Японская война показала — как мы мало знали и оцѣнивали их военныя силы.

Японія ранѣе европейцев обратила вниманіе на подробное изученіе противника и театра предполагаемой войны. Они не постѣснялись отправить переодѣтыми офицеров ген-штаба и специалистов военного дѣла на службу в разныя предпріятія вплоть до парикмахерских и прачешных, гдѣ бы они могли наблюдать и выполнять полученныя заданія.

Изученіе противника у нас, ранѣе, ложилось почти исключительно на наших оффиціальных военных агентов, при наших посольствах. Работа их, конечно, была цѣнна, но далеко не могла объять все, тѣм болѣе, что их оффиціальное положеніе отнимало время на представительство и не допускало бывать там, гдѣ дипломату неудобно. Нужны были и другіе спосообы. Были приняты мѣры полуоффиціальных командировок офицеров — для изученія языка, для переговоров с дирекціями иностранных военных заводов и т. д. Необходимы были и тайныя посылки офицеров и специалистов; нужна была организованная сѣть тайной агентуры.

Для огражденія себя от непрошеннаго любопытства иностранных держав — нужна организація контр-развѣдки.

На обѣ эти работы были отпуцены небольшія средства. Впоследствии, когда смѣта проходила через Законодательныя Палаты, онѣ были увеличены. Но все-же отпускаемые деньги в то время были дѣтскими игрушками сравнительно с тѣми милліардами, что тратят теперь всѣ государства и особенно СССР.

Что-бы не ставить в неловкое положеніе военных агентов, как оффиціальных лиц, они были избавлены от каких либо тайных сношеній. Если-же нѣкоторые увлекались по своей инициативѣ то это был их личный риск.

Главную работу по военной развѣдкѣ вело Главное Управление Ген-штаба, но величина территоріи нашего Отечества и безконеч-

ная длина нашей пограничной линіи, требовала помощи. И на штабы пограничных военных округов была возложена часть работы по этой развѣдкѣ в пограничных полосах, а также, для огражденія себя от агентуры противника, организациі в видѣ мѣстной контр-развѣдки.

Штаб Петербургскаго военного округа, гдѣ я служил, граничил лишь со Скандинавскими государствами, не представляющих, с военной точки зрѣнія, особаго интереса и с которыми нельзя было ожидать конфликтов. Поэтому, никакія тайны их секретов нас интересовали не могли. Лишь наше сосѣдство требовало знать, что представляют их вооруженныя силы, без углубленія в то — что не дозволено.

Однако чуткость населенія небольшой страны, живущей рядом с большим государством, вѣроятно возбуждает опасеніе, в ставшей нынѣ модной «агрессіи». В записках у меня сохранились замѣтки характеризующія эти опасенія, с которыми я и хочу подѣлиться.

Мнѣ с моим помощником капит. ген-штаба П. Л. Ассановичем, не прибѣгая к тайнам, удалось составить описаніе Шведской и Норвежской армій, со многими иллюстраціями форм и пр. Книга о болѣе сильной Шведской арміи вышла полнѣе и в пошетку переплета мы вложили небольшой словарь шведо-русскій и русско-шведскій, гдѣ были помѣщены слова нужныя для военного похода, о командах, об оружіи и вообще военного обихода. Книга была изящно издана в нашей штабной типографіи, под названіем: «Что нужно знать о шведской арміи». Онѣ были разосланы во всѣ полки и части округа. Что-бы не дѣлать из этого какого либо секрета, один экземпляр я презентовал шведскому военному агенту при их легаціи в Петербургѣ, который очень благодарил меня. Кромѣ того, с разрѣшенія нач. Штаба округа, послал 100 экземпляров на продажу в военное издательство Березовскаго. Каково же было мое изумленіе, когда не болѣе как через двѣ недѣли, мнѣ из издательства Березовскаго телефонировали, что всѣ книги проданы и есть еще требованія. На мой вопрос: — да кто их покупает, когда онѣ даром широко розданы? Оказалось, что требованія поступают из Стокгольма. В то же время, бывшій у меня переводчиком Скандинавских языков Баранов, показывает мнѣ сдѣланныя им вырѣзки из шведских газет, гдѣ нѣкоторые слегка, а большинство с негодованіем отзываются о выпущенной нами книгѣ и о недопустимости подобных изданій.

Пришлось сообщить нашему военному агенту при нашей легаціи в Стокгольмѣ, а мнѣ лично обратиться — к здѣшнему шведскому военному агенту — с просьбой разъяснить шведскому обществу, что никакого злого умысла у издательства книги не было, как и желанія портить наши добрососѣдскія отношенія, а лишь в красивом видѣ описать армію нашего ближайшаго сосѣда с кото-

рым уже столѣтіе дружно живем. Всѣ свѣдѣнія в ней помѣщенные не представляют никакого секрета; фамиліи составителей (моя и Ассановича) отмѣчены на обложкѣ. Постепенно негодованіе прессы улеглось; как мнѣ сообщали пріѣзжавшіе из Швеціи их особенно смутил наш маленькій словарь.

В шведской періодической печати, за которой я слѣдил, через переводчика Баранова, часто упоминалось об их крѣпости Буден, они как бы гордились ею. Находилась она на сѣверѣ, близъ Финляндской границы, на узлѣ жел. дороги идущей вдоль Ботническаго залива и отходящей от узла: короткой жел.-дорожной вѣтки к заливу и 600-т километровою жел.-дороги на сѣв-запад в Норвежскій порт Нарвик. (Послѣдній получил извѣстность по высадкѣ англичан и французов во 2-ю міровую войну).

Для нас эта крѣпость не представляла интереса, да и не ясно — зачѣм она была построена и для защиты от кого?

Нужно полагать, что появленіе ея относится к концу 18-го вѣка, когда Финляндія была шведской провинціей (т. е. до Фридрихсгамскаго мира 1809 года).

Для практики, молодому офицеру ген-штаба из финляндских уроженцев, владѣвшим шведским языком, я предложил проѣхать (с оплатой дороги из сумм на развѣдку) и что дозволено осмотрѣть. Вернувшись он представил отлично им сдѣланное кроки окрестностей у Будена с помѣченными шестью крѣпостными фортами. Гуляя по этой мѣстности никто не интересовался — зачѣм он выбрал себѣ для прогулок столь скучный с бѣдной природой пейзаж. Подходя почти вплотную к фортам видно, что они представляют устарѣвшія крѣпостныя постройки.

Путешествуя с Барановым по Швеціи, мы проѣздом, сдѣлали прогулку по окрестностям «шведской твердыни» и тоже не нашли в ней ничего грознаго. Далѣе наш путь лежал по жел.-дорогѣ в норвежскій порт Нарвик (гдѣ лѣтом солнце три дня не заходит за горизонт), сдѣлав остановку на станціи Кируны для осмотра знаменитых рудников желѣза находящихся на поверхности, подобно нашим на Уралѣ, образующих гору Благодать.

Добравшись до Нарвика, мы хорошим пассажирским пароходом прошли по живописным фіордам. Путешествіе по ним представляет большой интерес, не даром импер. Вильгельм ежегодно дѣлал прогулку по ним на яхтѣ Гогенцоллерн.

Чисто случайно мнѣ удалось связаться перепиской с одним шведом, который предложил мнѣ, за денежное вознагражденіе, информировать меня о шведской арміи. Такія предложенія поступали в Управленіе Ген-штаба довольно часто, но к ним нужно было относиться осторожно; зачастую эти предложенія имѣли цѣль дезинформации. Мнѣ извѣстен факт, что развѣдыватель-

ный орган Управленія Ген-штаба приобрѣлъ очень важный документ из Германіи, за подписью Мольтке (быв. перед 1-й міровой войной, Нач. Ген-Штаба) с собственноручными помѣтками Вильгельма. Все оказалось сфабриковано для введенія нас в заблужденіе.

Но мой упомянутый швед, котораго я никогда не видал и он не знал кому посылал, (переписка в обѣ стороны шла на Почтамт до востребованія), в продолженіе 2-3 лѣтъ присылал мнѣ интересныя информаціи и фотографіи, характеризующія работу шведскаго военнаго министерства с инструкціями и распоряженіями Свѣдѣнія провѣрялись, но работа его всегда оказывалась добросовѣстной; видимо боялся лишиться добавочнаго заработка.

Отмѣчая изложенное, приходится с грустью сожалѣть, что находятся люди, даже в такой высоко патріотической странѣ, как Швеція, за деньги продающіе свое отечество.

Случай болѣе интересный оказался в Вѣнѣ, для информации нашего тамошняго органа русской развѣдки; информатором был сын Начальника Австрійскаго Ген. Штаба генерала Конрад фон Герцендорфа — австрійскій офицер, который для своей широкой жизни нуждался в средствах; он фотографировал и снимал копіи с секретных бумаг находившихся в кабинетѣ своего отца! . .

Все это в далеком прошлом, на зарѣ организациі военной развѣдки. Теперь, когда военная техника широко шагает и міровыя открытія слѣдуют одни за другими, а нравы — во всѣх странах и, особенно, в правительственных сферах нашего Отечества — далеки от морали, можно себѣ вообразить какой шпіонаж царит в нашем грѣшном мірѣ и отдать себѣ отчет, какое количество золота тратится в ущерб культурным потребностям . . .

Финляндія.

В тревожном революціонными волненіями 1905 году, широко распространилась в Финляндіи пропаганда полного отдѣленія от Россіи. В концѣ этого года, при входѣ в финскій Сенат, фином был убит Генерал-губернатор и Командующій войсками в Финляндіи ген. Н. И. Бобриков. Это послужило раздѣленіем гражданской и военной власти в Великом Княжествѣ Финляндском.

Военная власть была изъята от ген-губернатора и передана Петербургскому военному округу. Существовавшіе в Финляндіи, кромѣ резервных батальонов, комплектовавшіеся русскими, остальные части, всецѣло комплектовались солдатами и офицерами из финских уроженцев, были расформированы. А русскіе резервные батальоны, развернуты в 4-ре Финляндскія стрѣлковыя бригады и с гарнизонами крѣпостей Свеаборг и Выборг, обра-

зовали 22-й арм. корпус, подчиненный Главнокомандующему Петербургским в. округом.

В силу изложеннаго на Штаб этого округа легла забота о наших воинских частях в Финляндіи, находившихся в сложной политической обстановкѣ, царившей в ней.

Нач. Штаба Округа возложил на меня обязанность наблюденія и сношенія по вопросам связаннымъ с Финляндскими дѣлами. Это послужило мнѣ необходимою вникнуть и ознакомиться, какъ с исторіей, так и современнымъ положеніемъ в этой странѣ.

Присоединеніе Финляндіи къ Россіи произошло по заключенію со Швеціей Фридрихсгамскаго мира в 1809 году, послѣ побѣды русскихъ войскъ, под командованіемъ ген. Барклай-де-Толи, перешедшихъ по льду Ботнической залив. По этому миру шведская провинція Финляндія отошла къ Россіи. Императоръ Александр I, из этой малонаселенной в то время провинціи, великодушно образовал Великое Княжество Финляндское, даровавъ ему конституцію с широкой автономіей, законодательнымъ Сеймомъ изъ выбранныхъ по всеобщему голосованію, со своими финансами и монетою, своею почтою, таможенною, а впослѣдствіи и жел-дорожной сѣтью, начинавшейся отъ Петербурга.

Облагоденствіе Царя пошло и далѣе, къ этому княжеству были приданы: вся Выборгская губернія населенная карелами и бывшая уже болѣе ста лѣтъ в составѣ Имперіи и из Петербургской губ. выдѣлены три сѣверныхъ уѣзда и приданы Финляндіи. Отчего граница от столицы легла в двухъ десяткахъ верст, что заставило Петербургскихъ дачниковъ, облюбовавшихъ Теріоки и обширный ея районъ, ѣздить черезъ границу и ея таможенную, обогащать финовъ, на строившихъ домики-дачи.

Къ тому же финскіе граждане получили особыя права: окончившіе Гельсингфорскій Университетъ доктора и адвокаты могли практиковать по всей Имперіи, а русскіе — кончившіе Имперскіе Университеты не могли лѣчить и выступать в финскихъ судахъ. Финны, окончившіе Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ, могли выходить и служить в любыхъ русскихъ частяхъ, чего русскіе не имѣли права службы в финскихъ. Баронъ Маннергеймъ, будущій финскій маршалъ, плохо владѣлъ русскимъ языкомъ, служилъ в русской Гвардіи, достигъ большихъ постовъ, послѣ крушенія Россіи, вернулся на свою родину, а когда ген. Юденичъ подходилъ къ Петербургу, в борьбѣ с захватчиками власти, баронъ Маннергеймъ, всецѣло обязанный своею карьерою милости русскаго Монарха, не оказалъ намъ малѣйшей помощи и отказалъ формировать на территоріи Финляндіи какія либо организаціи противъ Совѣтовъ.

Широкія права, дарованныя бывшей шведской провинціи, казалось бы, могли вполне удовлетворить финовъ, изъ гражданъ шведскихъ подданныхъ сдѣлавшихся гражданами Великаго Княжества

Финляндскаго со своими финскими властями. Но революціонное движеніе 1905 г. и тяжелое положеніе, в котором оказалось русское правительство послѣ неудачной японской войны, дали толчек к новым требованіям. Против коих выступил Бобриков и за это был убит.

Расшатывая власть в Россіи, Финляндія подпиливала сук который ее поддерживал, и жестоко пострадала. Но не только маленькая Финляндія, но и весь мір оказался близоруким в своей политикѣ и глух к нашим указаніям на опасность большевизма. Нам не вѣрили, считали, что мы бары, пострадавшіе за отнятіе у нас имущества и всѣ государства вошли с ними в сношенія, государственные дѣятели и министры ѣздили к ним на поклон, а коронованныя особы устраивали им торжественные приемы. Теперь у всѣх на глазах гнусѣйшій вандализм произошел в несчастной Венгріи — результат послѣдователей англійскаго премьера Лойд-Джорджа, — что «можно торговать и с канибалами».

Но я отклонился. Финляндія, находясь под защитой Россіи, не несла ни расходов на содержаніе воинской силы и отбыванія воинской повиности, не тратила средства на посольскія и консульскія учрежденія и пр. быстро укрѣплялась, превратившись из захудалой шведской провинціи в богатую страну. Но всѣм бывает мало того — что имѣешь. . . Выборы в Сейм стали давать большой процент соц-демократов, большая умѣренная партія «старо-финны», наоборот, теряли голоса. Настроеніе в странѣ стало беспокойным, а требованія росли. Послѣднія шли к полному отдѣленію от Россіи с оставленіем у себя приданных территорій и с захватом на сѣверѣ вплоть до Ледовитаго океана. Эти требованія поддерживали, как в своей прессѣ, так и в Думѣ не только лѣвыя партіи, но и кадетская (конст.-дем.), не считаясь с интересами собственнаго отечества. Столыпин вел непосильную борьбу с ними.

Для дачи разъясненій в комиссіи Гос. Думы, по Финляндскому вопросу, по просьбѣ Столыпина, требовалось давать свѣдѣнія и от штаба округа, для чего, при вызовах, командировался я.

Мнѣ пришлось присутствовать в Думѣ на пленарном засѣданіи на «большом днѣ», когда Столыпин дѣлал свой доклад и защищал его. Главным оппонентом был Гегечкори, всецѣло стоявшій за интересы финляндцев, игнорируя интересы Россіи по оборонѣ, гдѣ граница проходила почти у ворот столицы.

Соціалистическій депутат Гегечкори, вредный, для нашего Отечества политическій дѣятель, сыграл не малую роль при Временном Правительствѣ; с приходом к власти Ленина, перебрался к себѣ в Грузію, гдѣ вел политику своей родной «колокольни», но по своей ненависти к Россіи, также оказался недалёковидным и не помог Добр-Арміи, что и повлекло по ея паденіи, быстрый захват

Грузіи большевиками. Наконец обосновался в Парижѣ держа самостійную позицію.

Меня интересовал вопрос о сѣверо-западной границѣ Россіи и я, собрав в 1910 году матеріал, составил историческую справку об этой границѣ, описаніе коей с чертежами было напечатано в военном журналѣ и было издано отдѣльной брошюрой. По собранным мною данным, в древнѣйшія времена російская земля простиралась до Норвегіи, гдѣ были обнаружены развалины на берегу Ледовитого океана православной церкви Бориса и Глѣба, а теперь граница опустилась к Петербургу.

Во время грозных событій 2-й міровой войны, когда сперва совѣты напали на Финляндію, а затѣм послѣдняя, воспользовавшись тяжелым положеніем красных, которые вели тяжелую борьбу с Хитлером, напала на них и вела борьбу под самым Петербургом, оказывая этим помощь нѣмцам в окруженіи быв. столицы, чѣм способствовала огромной смертности в Петербургѣ от голода, за отсутствіем возможности подвоза продовольствія; но, в концѣ концов, была наказана полным пораженіем.

Теперь, как будто Финляндскій вопрос закончился: Финляндія суверенная республика, в своих національных границах, а Россія, с возвращеніем Выборгской губерніи, упрочила свою границу в этом направленіи.

Но пусть народ сам отдает себѣ отчет, что было лучше: широкая автономія, под защитой великодушной національной Россіи или теперь самостоятельность под боком совѣтов...

Из моей семейной хроники.

Достиженіе мной преклоннаго возраста находится в связи с событіем, о котором мнѣ хотѣлось бы оставить небольшой слѣд в настоящих записках.

В 1910 году, я познакомился, в домѣ моего товарища по генеральному штабу В. В. Марушевскаго, с Ольгой Николаевной Клунниковой, окончившей в Петербургѣ одну гимназію с женой Марушевскаго. Ольга Николаевна дочь Донскаго генерала, члена Государственнаго Совѣта по выборам от Донских землевладѣльцев. Я сдѣлал предложеніе и на «Красной горкѣ» 1911 года мы повѣнчались в Петербургѣ в церкви Главнаго Управленія Удѣлов.

Промысел Божій послал мнѣ счастье и удачу найти в Ольгѣ Николаевнѣ — жену, друга и добраго совѣтника, сдерживавшую мою от природы живую и вспыльчивую натуру.

В 1912 году у нас родился сын, которому в дѣтском возрастѣ пришлось пережить первую великую войну, революцію, междоусобицу и, наконец, изгнаніе за границу. Теперь, пережив не мало невзгод, он — архитектор, женат на дочери французскаго полковника и имѣетъ четырехъ дѣтей. Несмотря на необходимость содержать свою большую семью, он матерьяльно поддерживает и нас, его старыхъ родителей.

П Р И К А З Ъ

А Р М І И И Ф Л О Т У.

23го августа 1915 года.

.....

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

*Съ твердою вѣрою въ милость
Божею и съ непоколебимую увѣренность
въ скорую побѣду будемъ исполнять
наше святое долгъ защитить Родину
до конца и не поспрашивать жизни
Русской.*

Николай

Г Л А В А 12-я

ВОЙНА 1914—1917 г.

Событія 1-й мірової війни столь грандіозны, что я могу затронуть и то лишь кратко нѣкоторые факты. Опускаю и свое личное участіе в боевых дѣйствіях и раненіе ноги. Кратко упоминаю лишь о прохожденіи мною службы на войнѣ: сперва как офицер ген. штаба, а затѣм на строевых должностях — от ком. полка до к-ра кавал. корпуса.

Визит маршала Жоффра за год до войны.

Мы должны были согласовать свои стратегическіе планы с нашей союзницей Франціей на случай выступленія центральных держав — Германіи и Австро-Венгріи против нас.

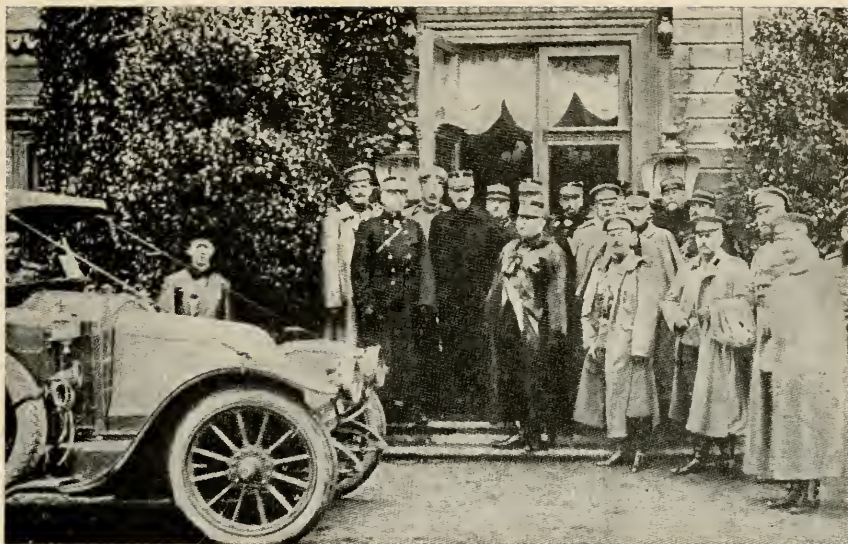
Генеральные штабы обоих государств уже давно вели, через своих военных представителей, соотвѣтствующіе переговоры.

Главное затрудненіе составляло согласовать сроки мобилизаціонной готовности, да-бы имѣть возможность одновременно дать отпор непріятелям. Разрѣшеніе этого вопроса было почти неразрѣшимой задачей: мы, с нашей обширной территоріей и сравнительно слабой сѣтью путей и близко не могли поспѣть за готовностью нѣмцев. А это ставило Францію в тяжелое положеніе — принять, на первых порах войны, на себя главную массу непріятельских сил. Необходимо было найти рѣшеніе, которое бы облегчило положеніе французской Арміи.

Вот этот и еще многіе другіе вопросы представляли предмет обмѣна мнѣній между генеральными штабами.

Лучшим способом, для согласованія являются личные переговоры. Для этого, в 1913 году, по приглашенію Государя, к нам прибыл Начальник Французскаго Генеральнаго Штаба генерал Жоффр (будущій главнокоманд. французскими вооруженными силами и маршал) в сопровожденіи большой делегаціи из выдающихся военных специалистов. В том числѣ — Вейган, Д'Амад начальник экспедиціи в Африканскую Фашоду, из-за которой чуть не разыгрался конфликт с Германіей за нѣсколько лѣтъ до 1-й міровой войны, Бертелло будущій нач. миссіи в Румыніи, а всего 20 генералов и офицеров.

На время пребыванія делегаціи к ней был прикомандированы три офицера Ген. Штаба, полковники — бар. Винекен, Стахович

Генерал Жоффри (будущий маршал) со свитой и русскими, состоящими при нем, у барака в Красном селье в 1913 г.

Государь Император в разговоръ с ген. Жоффри в 1913 г.

и я. Был составлен спеціальний поїзд, с которым мы выїхали на границу в Вержболово, для встречи.

Делегация провела у нас шесть недель. Была принята Императором Николаем II и послѣ торжественнаго обѣда в Петергофском дворцѣ Государь провел болѣе полутора часа в бесѣдах с Жоффром и лицами прибывшими с ним.

На все время пребыванія делегации она была занята выработанным расписаніем — как для переговоров в Управленіи Генеральнаго Штаба, так и в посѣщеніи полков, малых и больших маневров, практических стрѣльб артиллеріи. Всюду делегация встрѣчала сердечный пріем и в частных бесѣдах обмѣнивались мнѣніями.

С большим интересом наблюдали стрѣльбу дальнобойных батарей, оборонявших подступы к крѣпости Кронштадт и находившихся на материкѣ — одна близъ Теріок, а другая на противоположной сторонѣ Финскаго залива у «Красной горки» за Ораніенбаумом. Эти батареи стрѣляли на дистанцію свыше 20 кил. и перекрывали подход по морю к крѣпости.

Генерал-Инспектор артиллеріи в. кн. Сергѣй Михайлович показал им комбинированныя стрѣльбы полевой артиллеріи на обширнѣйшем полигонѣ за Лугой с управленіем сосредоточенія огня.

По окончаніи работ, ген. Жоффр с делегацией, в приготовленном для него поїздѣ с вагоном-рестораном, проїхали в Москву, гдѣ осматривали ея достопримѣчательности, затѣм через Варшаву прибыли на Германскую границу, гдѣ делегация переходила в нѣмецкій вагон. Прощаясь здѣсь с нами, ген. Жоффр, от имени Франціи, передал нам орденскія награды Почетнаго Легіона, розетку коего я теперь, живя во Франціи, имѣю честь носить.

Манифест об объявленіи войны, энтузіазм населенія.

Мобилизація.

Манифест Государя о началѣ войны, объявленной на вызов сдѣланный нам Германіей, был объявлен, как и в 1904 г., послѣ японской атаки, на Высочайшем выходѣ в Зимнем Дворцѣ. Площадь, перед которым оказалась заполненной народом. Император Николай II-й, вышел на балкон, гдѣ огромная толпа опустилась на колѣни, выслушивая слова своего Монарха, завѣрявшаго, что не подпишет мира пока хоть один непріятельскій воин не покинет наше Отечество.

Энтузіазм был полный. Населеніе с негодованіем приняло навязанную нам войну, которую нам приходится принять в защиту нападенія австрійцев на единовѣрную нам небольшую Сербію. Весь день в Петербургѣ происходили патріотическія манифеста-

ції. В том числѣ и перед окнами Сербскаго посольства, на Литейном проспектѣ.

Происходившія на нѣкоторых заводах забастовки, были тотчас рабочими прекращены и всѣ приступили к работѣ.

Мобилизація, приведеніе Арміи и Флота на военное положеніе, протекала в полной точности, согласно плану, составленному в мирное время, не только по военному вѣдомству, которое руководило, но и министерствами — Внутренних Дѣл и Путей Сообщенія. Но, конечно, вслѣдствіе обширности нашего Отечества и слабо развитых путей, мы значительно отставали в сроках готовности. Германія уже на второй день начинала перевозку войск к границам и на пятый могла начинать наступленіе. У нас требовалось двѣ недѣли на призыв запасных, направленія послѣдних в части войск и перевозку частей к границам и то лишь для частей расположенных в европейской части Россіи (Кавказ и Сибирь давали свои части потом). Подвезенныя к границам части еще не могли перейти в наступленіе, т. к. обозы и артиллерійскіе парки еще не были готовы. Но, несмотря на это, наши части, как увидим ниже, были принуждены событіями перейти в наступленіе.

Жертва русской Арміи, для помощи Франціи.

Нѣмцы, своими главными силами, обрушились сразу на Францію, в так называемом пограничном сраженіи, принудили их к отступленію и французская армія оказалась в тяжелом положеніи; посыпались настойчивыя просьбы о помощи. Мы же были еще не готовы, а помощь союзнику — вел. князь Верховный Главнокомандующій считал нужным. Поэтому, приказал нашим 1-й и 2-й арміям, не ожидая окончательнаго формированія, наступать на Восточную Пруссію: 1-й — со стороны Вильно-Ковно и 2-й, еще далеко не готовой, с юга, при этом послѣдней приходилось сдѣлать четыре перехода по песчаной, малонаселенной мѣстности, без дивизіонных и корпусных обозов.

1-я армія наступая понудила энергичным боем у Гумбинена к отступленію нѣмецкой арміи ген. Притвица, что повлекло за собой смятенія среди населенія и их бѣгство. Прибывшіе в Берлин бѣженцы усилили своими разсказами панику, чѣм и вызвали распоряженія нѣмецкаго командозанія о переброскѣ с французскаго фронта на наш — двух корпусов и кавал. дивизіи. При этом, эти части нѣмцы взяли из самага активнаго их праваго фланга арміи ф. Клука, который по плану гр. Шлиффена составлял сильнѣйшую группу, наступавшую для нанесенія сокрушающаго удара и окруженія Парижа с окрестностями. Но лишенный, указанной пе-

Переход Л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества полка через р. Алле в 1914 г.

реброской части своих сил, Клук оказался в невозможности выполнить свою задачу и Шлиффенский план не удался.

Понятно оттяжка на себя, русской еще не готовой армии, ослабила наносимый удар, помогла главнокомандующему Жоффру энергичными мерами остановить наступление врага, отбросить его и оказаться победителем в сражении на р. Марна.

Эта победа имела большое значение для Франции в дальнейшей четырехгодичной титанической борьбе.

Жертва с нашей стороны обошлась нам дорого. Наша 2-я армия оказалась в тяжелом положении и эта неготовая армия, углубившись в лесную и озерную полосу восточной Пруссии, стала на половину добычей врага.

Крутой неуспех, в самом начале войны, положил глубокий отпечаток, не так в материальном, как в моральном отношении. Некоторое облегчение мы получили в успехах на нашем юго-западном фронте, против австрийцев, во взятии Львова и наступлении в Галиции.

Кризис огнеприпасов

К началу 1915 года и даже ранѣе начал чувствоваться недостаток в огнестрѣльных припасах и вооруженіи. Недостаток все время нарастал и временами дѣлался катастрофическим.

Вся вина обрушилась на военнаго министра Сухомлинова. Понятно его вина ясна, на нем лежала забота о заготовках, а также в затыжкѣ вооруженіем тяжелой артиллеріей. В том и другом вину с ним должны раздѣлить и Инспектор артиллеріи и Главное Артиллерійское Управление.

Правда, предвидѣть потребность в количествѣ ружейных и, особенно, в артиллерійских патронах не легко. С каждой войной расход их увеличивался непомѣрно: достаточно указать, что за два года войны с турками в 1877-78 г. г. было израсходовано снарядов столько, сколько за два дня боя под Ляояном в 1904 г.

К войнѣ 1914 г. было заготовлено до 1.000 снарядов на орудіе, но т. к. порох имѣет свойство разлагаться, то в готовом видѣ держали половину. Примѣрно такое же количество было изготовлено и французами и нѣмцами. Но дѣло, не только в заготовкѣ снарядов, а необходимо было приготовиться, с объявленіем мобилизации, о расширеніи заводов и открытіи новых. Об этом не подумали — ни Сухомлинов, ни Артилл. Управление, что при нашей слабой индустріи, заранѣе неподготовленной, на весь 1915 г. наши войска были поставлены в тяжелое положеніе, которое принудило нас к отступленію.

Кирасир на фронтѣ

У нѣмцев дѣло с развѣртываніемъ заводовъ было налажено в мирное время. Французы спохватились с началомъ первыхъ боевъ и благодаря своей индустріи, хотя и с трудомъ, справились. Имъ помогло то, что, послѣ Марнскаго сраженія, на ихъ фронтѣ наступило затишье, в то время, какъ на нашъ фронтъ, нѣмцы перебросили большія силы и вмѣстѣ с австрійцами безъ перерыва вели с нами бои.

На нашу просьбу къ французамъ о заказѣ снарядовъ со своихъ заводовъ — мы получили отказъ. У нихъ не оказалось той жертвенности, которую проявили мы в началѣ войны не готовыми наступать, для помощи союзнику. Лишь в 1916 году, французское правительство дало намъ разрѣшеніе покупать небольшой процентъ продукціи завода в Крезо. Дирекція завода не постѣснялась брать с насъ непомерно высокія цѣны. И опять-таки, это не помѣшало французской депутаціи отъ Палаты депутатовъ, во главѣ с социалистомъ Тома, во время визита в Россію, выторговать отъ нашего Временнаго Правительства нѣсколько милліоновъ тоннъ пшеницы, по очень низкой цѣнѣ, которую и вывезла черезъ Архангельскъ. А в то время вопросъ о продовольствіи и у насъ уже стоялъ остро. (О покупкѣ у насъ пшеницы, подробно описано в воспоминаніяхъ быв. Министра Земледѣлія А. Н. Наумова).

Принятіе Верховнаго командованія Императоромъ Николаемъ II.

Послѣ оставленія Вильны и сдачи Ковенской крѣпости, к началу осени 1915 года, Государь рѣшилъ лично принять на себя Верховное командованіе арміями. Начальникомъ своего Штаба, Императоръ Николай II-й назначилъ мудраго ген. Алексѣева.

Вел. кн. Николай Николаевичъ былъ назначенъ Намѣстникомъ на Кавказъ — смѣнивъ престарѣлаго графа Воронцова-Дашкова.

Эта большая перемѣна прошла, для дѣйствующей Арміи мало замѣтной, но возбудила большіе толки и пересуды в кругахъ русскаго общества, отрицательно отнесшагося к этой замѣнѣ, какъ и министровъ русскаго правительства.

Жалѣли уходъ вел. князя, переоцѣнивая его какъ полководца, считая, что принятіе Государемъ Верховнаго командованія отвлекаетъ Его отъ управленія страной. Но Государь хотѣлъ стать ближе к войскамъ. Государыня не долюбивала вел. князя и хотѣла его удаленія, несмотря на то, что супруга послѣдняго — Анастасія Николаевна (Черногорка) первая выискала Распутина и черезъ нее онъ попалъ в окруженіе Царицы.

Разбирая вопросъ о смѣнѣ командованія с военной точки, нельзя не видѣть, что окруженіе вел. князя и его ближайшіе сотрудники слабѣе сотрудниковъ Государя.

Н-к Штаба вел. кн. ген. Янушкевич, был совершенно не подготовлен к военно-оперативным вопросам, проходя свою службу в канцелярии военного министерства, занимаясь дѣлами финансово-го и законодательнаго порядка. (За год до войны он был назначен Начальником Генеральнаго Штаба, т. е. видвигался на должность будущаго Н-ка Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, но какія данныя были у него для этого по прежней службѣ — мнѣ непонятно!) Всѣми оперативными вопросами вѣдал его ближайшій помощник ген. Данилов (т. н. «черный») и дѣло распределенія стратегическаго развертыванія армій к границам его работа, но с первых же дней войны, требованія Ставки вызывали большое напряженіе, без особой нужды выматывали силы войск. Напряженіе, которое несли войска по требованію наступленія через горы в Венгерскую долину ослабило русских и неосмотрительно, для командованія, подставило под фланговый удар сильной нѣмецкой группы ген. Макензина, что заставило нас отходить, теряя большую часть ранѣ захваченной Галиціи.

Нельзя не отнести часть этих неуспѣхов на счет верховнаго командованія. Отдавая должное любви вел. князя Н. Н. к военному дѣлу и требованію к усовершенству, нельзя не видѣть в нем нужной полководцу ВОЛИ, которая у него пасовала в принятіи важных рѣшеній, отвѣтственность за которыя ложилась на него. (Смотри приведенный мною примѣръ в 10-й главѣ, бунт в крѣпости Свеаборг).

Ген. Алексѣев, котораго Государь призвал на должность своего штаба, имѣл огромную практику в своей службѣ по Генеральному Штабу. На войнѣ провел ряд удачных операций, в том числѣ для занятія Галиціи. Ему можно поставить в укор лишь перегруженіе себя работой, часть которой мог довѣрить подчиненным.

Из этого краткаго обзора видно, что управленіе войсками не могло пострадать от смѣны командованія.

Что же касается насколько эта смѣна отразилась на государственном управленіи страной — судить не берусь. Отмѣчу лишь, что министры ѣздили с докладом в Ставку к Государю.

Положеніе на фронтах к 1916 г.

Брусиловскій прорыв.

К осени 1915 г. наступленіе нѣмцев удалось остановить, фронты стабилизировались. Как мы, так и наши противники, образовали друг против друга, сплошныя окопныя линіи. Войска укрѣплялись и пополнялись — как людьми, так и снаряженіем и воору-

женіем. К веснѣ 1916 года, всѣ арміи были готовы к новым дѣйствіям.

К этому времени вновь посыпались просьбы о помощи: со стороны французов, отбивавших атаки нѣмцев под Верденом, и со стороны итальянцев, кои позже вступив в войну на нашей сторонѣ, не смогли всей своей арміей — не только отвлечь на себя значительныя силы, — но не устояли от натиска нѣскольких резервных дивизій австрійцев, отходили. Вмѣсто помощи, которую они должны были оказать своим вступленіем в войну, потребовалась им наша помощь.

Наше командованіе рѣшило весной перейти в наступленіе, направляя главнѣйшій удар нашим западным фронтом на главнаго врага нѣмцев. Сюда же была притянута и вся наша гвардія, за зиму пополнившаяся послѣ громаднхъ потерь в пѣхотѣ, два раза смѣнившихъ свой состав. Юго-Западный фронт — Брусилова — долженъ был, для поддержки главнаго удара, произвести энергичную демонстрацію.

Но вышло наоборот, атака Западным фронтом не состоялась: нѣмецкій фронтъ былъ сильно укрѣплен, для его разрушенія потребовалось сильная тяжелая артиллерія с неограниченным количествомъ снаряженія и большія потери с нашей стороны, на что не могъ рѣшиться командующій фронтомъ ген. Эверт. А у Брусилова, на Юго-Западном фронтѣ, оказался большой успѣхъ. Австрійскій фронтъ былъ прорванъ в нѣсколькихъ мѣстах, противникъ былъ в полном отступленіи, в наши руки попали огромныя трофеи и до полумилліона плѣнныхъ.

Для развитія здѣсь дальнѣйшаго успѣха, сюда спѣшно была перебросена гвардія. Но, нѣмцы, видя неустойку австрійцев, подкрѣпили ихъ своими новыми формированіями и дальнѣйшія наши атаки на р. Стоход и в Ковельскомъ направленіи, несмотря на очень тяжелыя потери, в особенности в гвардіи, успѣха не достигли.

Вступленіе в войну Румыніи.

В концѣ Іюля 1916 г. на нашей сторонѣ вступила в войну Румынія. Было ясно, что это рѣшеніе было принято Румынами под вліяніемъ Брусиловскаго прорыва и полумилліона плѣнныхъ. Но, общественное мнѣніе сочло это достиженіемъ дипломатіи.

Увы, скоро пришлось разочароваться в этомъ «достиженіи».

Ген. Алексѣевъ, оцѣнивая военныя силы и подготовку Румыніи, былъ противникомъ вхожденія Румыніи в войну. И скоро событія показали, что онъ былъ правъ. Несмотря на сразу посланную помощь Румыніи в два русскихъ корпуса, румыны были принуждены

к отступленію. Оказалось еновъ, что не Румынія своим вступленіем оказывает нам помощь, а мы должны ее выручать. Вмѣсто помощи — обуза.

Кромѣ переброски сюда наших войск, фронт удлинился на сотни верст. Понадобилось образовать новый — 4-й Румынскій фронт, куда вошли цѣлых три русских арміи, что ослабляло наши русскіе фронты.

С отступленіем Румын, нѣмцы могли захватить (что и сдѣлали) румынскіе источники нефти, в недостаткѣ которой Германія сильно нуждалась. Румыны и раньше принуждены были продавать нефть нѣмцам, а теперь полностью вся румынская нефть поступила в их распоряженіе.

Румынская армія оказалась совершенно не подготовленной не только в техническом вооруженіи, но и вообще для веденія современной войны. У них отсутствовали даже полевые телефоны, что не давало возможности управленія в теперешних боях.

Нуждаясь сами, мы принуждены были дѣлиться своим скудным запасом.

Десантная операція, для захвата проливов и мечта о Константинополѣ

Наши сношенія с внѣшним міром были крайне затруднены: Архангельскій порт пол года был блокирован льдом, спѣшно строилась желѣзная дорога на Мурманск на берегу Ледовитаго океана. Но всѣ эти пути были дальніе и кружные. Открытіе проливов Босфора и Дарданелл было нам крайне необходимо. Эта отдушина, прямо в Средиземное море, дала бы нам возможность кратчайшим путем связаться с нашими союзниками, получать и покупать все необходимое, для веденія войны.

Поэтому, со вступленіем Турціи в войну на сторонѣ наших противников, мысль о форсированіи Босфора не оставляла нас в изученіи и подготовкѣ этого вопроса. Особенно работа, в этом направленіи, касалась нашего Черноморскаго флота. В штабѣ послѣдняго на очереди стоял план к завладѣнію Босфорским проливом, который дал бы нам путь в Средиземное море.

Наконец, к серединѣ 1916 года, было рѣшено предпринять, под прикрытіем Черноморскаго флота, высадку частей у входа в Босфор, для завладѣнія его укрѣпленіями обороняющими вход в этот пролив.

С этой цѣлью была сформирована, из отборных частей, дивизія, под командованіем моего брата ген. Александра Свѣчина (Георгіевскаго кавалера, большого военнаго писателя, только что оправившагося послѣ тяжелаго раненія пулей на вылет в шею),

а всей операціей, с послѣдующими подкрѣпленіями, должен был руководить ген. Щербачев с нач-м штаба ген. Головиным.

Руководство Черноморским флотом горѣло желаніем к выполнению этой задачи. Государь, который лелѣял мысль, что при удачѣ захвата Босфора, могла быть выполнена миссія водруженія Креста на храмъ Св. Софіи, был также воодушевлен этой цѣлью.

Ген. Алексѣев находил, что задача не по силам одной дивизіи а для больших сил у нас не имѣлось достаточнаго теннажа, среди нашего торговаго флота, для перевозки десанта. Послѣ высадки первой дивизіи, возвращеніе судов за слѣдующими частями, грозило, — как всегда бывает, при назначеніи сразу недостаточных сил, — неуспѣхом быть разбитым по частям.

Н-к штаба ген. Щербачева ген. Головин, был также не сторонник пускаться, для выполненія задачи со слабыми силами; он считал это авантюрой. Поэтому, когда Государь прибыл в Одессу, гдѣ формировалась указанная десантная дивизія, Головин убѣдил Щербачева — доложить Императору о трудности выполненія поставленной ему задачи, которая при недостаточных силах — грозила неудачей.

Начальнику бывает трудно отказываться от выполненія даннаго ему боеваго порученія, почему Щербачев долго колебался, но долг чести подсказал ему необходимость высказать откровенно свои доводы. Слѣдствіем чего операція с десантом была отложена.

В Нью-Йоркѣ, в «Чеховском» изданіи появилась книга адмирала Бубнова — «В Ставкѣ». Автор состоял всю войну в составѣ морского штаба при Верховном командованіи. В своей книгѣ он жестоко критикует работу сухопутных войск и восхваляет работу флота и особенно подчеркивает свою личную дѣятельность в Ставкѣ. Он же с пѣной у рта пытается доказать, что план форсирования и захвата Босфора был отлично разработан штабом Черноморскаго флота и силы были достаточны, а отставленіе его выполненія лишило нас побѣды в 1-ю міровую войну! ! (?).

Смѣлое, можно сказать с апломбом написанное утвержденіе, послѣ примѣра неудавшейся попытки форсирования Дарданелл Англійским флотом, гдѣ силы и средства были несоразмѣрными с тѣми, с которыми мы (вѣрнѣе А. Д. Бубнов сидя за канцелярским столом) собирались форсировать Босфор. Видимо забыты были потери англичан людьми и кораблями.

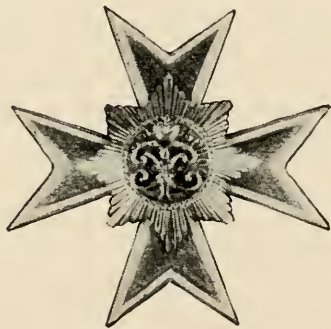
Да не посѣтует на меня адмирал А. Д. Бубнов, с которым мы в 19 и 20 годах продѣлали тяжелое путешествіе, за мое несогласіе с ним.

Но с другой стороны нельзя не согласиться с адм. Бубновым, как он отмѣчает, эгоистическую политику Правительства Англии, которая, даже идя на риск своих потерь, не поставило рус-

ское командованіе в извѣстность о своей Дарданельской операци, с цѣлью не дать нам возможность одновременно с ними произвести наше форсированіе Босфора и, при удачѣ, раньше их занять Константинополь.

Это другой вопрос, к которому нельзя не присоединиться. Одновременное форсированіе — Дарданелл англичанами и Босфора русскими ставило турок в очень тяжелое положеніе, а нам давало больше шансов на успѣх. Бросаться же нам одним, послѣ неудачи англичан, было безразсудно.

Во 2-й міровой войнѣ мы видим — какая необходима тщательная подготовка, для десантной операци и какія средства она требует.

Полковой нагрудный знак Л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества полка

ЭТАПЫ МОЕЙ БОЕВОЙ СЛУЖБЫ НА ВОЙНѢ 1914-17 ГОДОВ.

Выступление на войну.

Выступив на войну 1914 г. в составѣ IX арміи, сформированной из Штаба войск Гвардіи и Петерб. военн. округа, гдѣ я служил, в первых числах ноября я был назначен начальником штаба 2-й гвард. кав. дивизіи. Послѣдняя с 1-й гв. кав. дивизіей перебрасывались из Восточной Пруссіи в Польшу, в район гор. Петракова, для прикрытія образовавшагося, на стыкѣ двух фронтов, пустого мѣста, в которое устремились нѣмцы. Наши части перевозились по жел. дорогѣ и вынаживались в гор. Радомѣ.

Н-ком 2 гв. кав. дивизіи был только что назначен, послѣ ген. Рауха — ген. Я. Ф. Гилленшмидт, котораго я знал раньше и встрѣчался на японской войнѣ.

Как старшій из начальников этих двух дивизій — Гилленшмидт дѣлался командиром гвард. кав. корпуса, а я н-ком штаба корпуса. Вся эта переброска, высадка эшелонов в Радомѣ, принятіе должностей моим командиром и мною на переѣздѣ и переформированіи — на ходу — доставляло не мало хлопот.

Гилленшмидт безусловно храбрый и незаурядный начальник, о котором у меня сохранилась добрая память, имѣл временами болѣзненные странности.

В дальнѣйшем мнѣ пришлось убѣдиться, что мой командир страдает временами от бессонницы, то наоборот сонливостью. Однажды во время серьезных боев под Петраковым, объѣзжая спѣшенныя цѣпи Конно-Гренадер, он слѣз с лошади, вошел в холупу, раздѣлся лег на кровать и заснул. Я во дворѣ разсылал нужныя распоряженія, но скоро убѣдился, что натиск сдержать невозможно, цѣпи несутъ потери их командир, доблестный ген. Лопухин, смертельно ранен, приходится отойти на новый рубеж. Зайдя в холупу чтобы доложить Гилленшмидту, нашел его крѣпко спящим и всѣ усилія поднять его оказались тщетными. Не сдавать же мнѣ командира нѣмцам! Воспользовался автомобилем подвезающим патроны, погрузили на него спящаго Гилленшмидта. На другой день, когда я рассказал об его снѣ, улыбающійся Яша ответил: «а я так сладко, под гром и треск стрѣльбы, заснул и ничего не слышал».

Приводя этот болѣзненный припадок Яши, я был бы неправ не подчеркнуть его исключительную боевую работу. Он всегда появлялся на самых угрожаемых участках, было это днем или ночью, устал ли он или бодр. Разставаясь с ним, получив дальнѣйшее повышеііе, я сохраняю в памяти немало славных, боевых фактов его работы.

Командиром 14 др. малороссійским полком.

В началѣ Марта 1915 г., я был назначен командиром 14 драгунскаго Малороссійскаго полка. Прекрасно подготовленный, моим строгим предшественником, полк. Сѣнча, этот, скромный, но доблестный полк, дал мнѣ возможность, втеченіе 9-ти мѣсяцев, во время еще подвижной, маневренной войны, с успѣхом выполнить ряд боевых задач, как в спѣшенном порядкѣ, так и конной атакѣ, гдѣ я был ранен в ногу. Время это было тяжелое, для наших армій: наша доблестная пѣхота оставшаяся без поддержки артиллерійскаго огня (отсутствіе снарядов), принуждена была отходить, а на конныя части легла забота ее прикрывать.

В декабрѣ получив новое назначеніе, мнѣ было грустно разставаться с Малороссійцами, с которыми судьба меня связала на стольких, временами весьма тяжелых, кровопролитных боевых полях, и осталась в моей душѣ до глубокой старости.

Разставаясь с полком, офицеры сердечно провожали меня прощальным обѣдом, в скромной обстановкѣ деревенской избы фольварка Свольня. А на слѣдующій день я обходил эскадроны, прощаясь с драгунами. Особенно я был тронут словами стараго служаки в полку вахмистра, который обратился ко мнѣ со словами:

«Ваше Высокоблагородіе, я, как старѣй солдат, долго служу и хорошо знаю солдатскую душу наших драгун и чувствую, что они переживают с вашим уходом на высшую должность. Они глубоко сожальют, т. к. вы были тѣм командиром, который берег солдат и ни для каких отличій не посылали их зря. Конечно, вести войну без потерь нельзя, мы, вмѣстѣ с вами, их несли, но лишь тогда когда это было нужно. Драгуны были спокойны, что вы их обережете и без нужды не пошлете на смерть. Храни вас Господь!»

Эти простыя, от сердца сказанныя, слова — стараго служаки вахмистра-драгуна — меня тронули до слез. Я его обнял. Впослѣдствіи мнѣ был прислан складень (посреди — образ Св. Георгія, а по бокам Св. арх. Михаил и Св. Ольга) сооруженный на солдатскіе гроши, собранные Малороссійскими драгунами.

Командиром Л. гв. Кирасирским Ея Величества полком.

В декабрѣ 1915 года, судьба оказала мнѣ большую честь и я был избран Государем и Шефом Императрицей Маріей Федоровной на должность ком. Кирасир Ея Величества. Это вновь сблизило меня с родным полком, в котором я начал свою службу.

Извѣстіе о моем назначеніи застало меня в отпуску в Петербургѣ. Наш Шеф, на время войны, избрала мѣстом своего пребыванія Кіев, гдѣ в военном госпиталѣ работала вел. кн. Ольга Александровна, но на Рождественскіе праздники 1915 г. прибыла в Петербург в Аничковскій дворец. Я испросил разрѣшенія представиться Ея Величеству. Государыня ласково меня приняла и вспоминала, как Она благословила меня образком Св. Серафима Саровскаго при моем отъѣздѣ на японскую войну из Гатчины. Возможно, что это вернуло Ея воспоминаніе к старым офицерам полка, с которыми любила разговаривать.

При представленіи во дворцѣ, я встрѣтил вел. кн. Михаила Александровича, который в это время командовал «дикой дивизіей». Вел. князь пригласил меня посѣтить Его в Гатчинѣ. Его Высочество принял меня на своей дачѣ на Николаевской улицѣ, гдѣ жила и супруга Наталья Сергѣевна, получившей фамилію Брасова (вѣроятно по названію одного имѣнія вел. князя). Меня провели в столовую, гдѣ был накрыт стол к пяти часовому чаю. Болѣе часу, в совершенно домашней обстановкѣ, втроем, мы провели за чаем бесѣду. Вел. кн. с воодушевленіем рассказывал о дѣйствіях Его «дикой дивизіи», вспоминал и о юношеских забавах в Гатчинском паркѣ, спрашивал и о боевых дѣйствіях нашего полка. Наталья Сергѣевна также оживлено вступала в разговор.

1-я гв. кав. дивизія, в это время стояла в резервѣ в районѣ гор. Проскурова и наш полк был расквартирован в 4-х верстах от негс в огромном селѣ Ружична.

Описаніе моего командованія полком не входит в эти записки, тѣм болѣе что оно отмѣчено в изданой полковой памяткѣ, я остаюлюсь лишь на своих представленіях нашему Шефу.

3 Ноября 1916 года, мнѣ пришлось быть в Кіевѣ, я явился во дворец Шефу. Императрица приняла меня и пригласила остаться на завтрак. Этот завтрак прошел в совершенно интимной обстановкѣ, гдѣ, кромѣ меня, были лица близкія Императрицы — вел. князя Александр и Георгій Михайловичи, вел. кн. Ольга Александровна и молодая Марія Павловна, состоящій при Государынѣ кн. Ширвашидзе. Время было вскорѣ послѣ убійства Распутина и разговор касался этого событія, но Шеф не возражала и в этот обмѣн мнѣній не вмѣшиваясь, хранила молчаніе; особо горячо в него вступала в. кн. Марія Павловна; мнѣ было указано мѣсто ря-

дом с ней и садясь, я далек был от мысли, что затрону животрепещущую тему, спросил, чѣм мы обязаны видѣть вел. кн. в Кіевѣ, т. к. я слышал, что она работала в госпиталѣ в Псковѣ? На это, неожиданно для меня, она вспыхнула и рѣзко отвѣтила: -- «безобразныя распоряженія идут, моего брата Дмитрія Павловича выслали на Кавказ!» Отвѣтъ был подхвачен с критикой, но не называл имен, лишь указывая — Большой Двор. Я уже в своем умѣ ругал себя, чтс, не подумавши, затронулъ столь неподходящій разговор. Теперь, вспоминая давно прошедшее время, нельзя не видѣть в этом событіи за завтраком насколько оно характеризует и иллюстрирует отношеніе лиц императорскаго Дома в отношеніи к Главѣ и Супругѣ династіи. А вѣдь это было в 1916 году, мѣсяца четыре до начала революціи.

Послѣ завтрака, кофе было подано в сосѣдней гостиной, куда Императрица перейдя закурила свою толстую папироску и предложила желающим курить. Обращаясь ко мнѣ, Государыня интересовалась боевой и походной жизнью полка, недавно был убит мой полковой адъютант Николай Баумгартен и Она интересовалась подробностями дѣла.

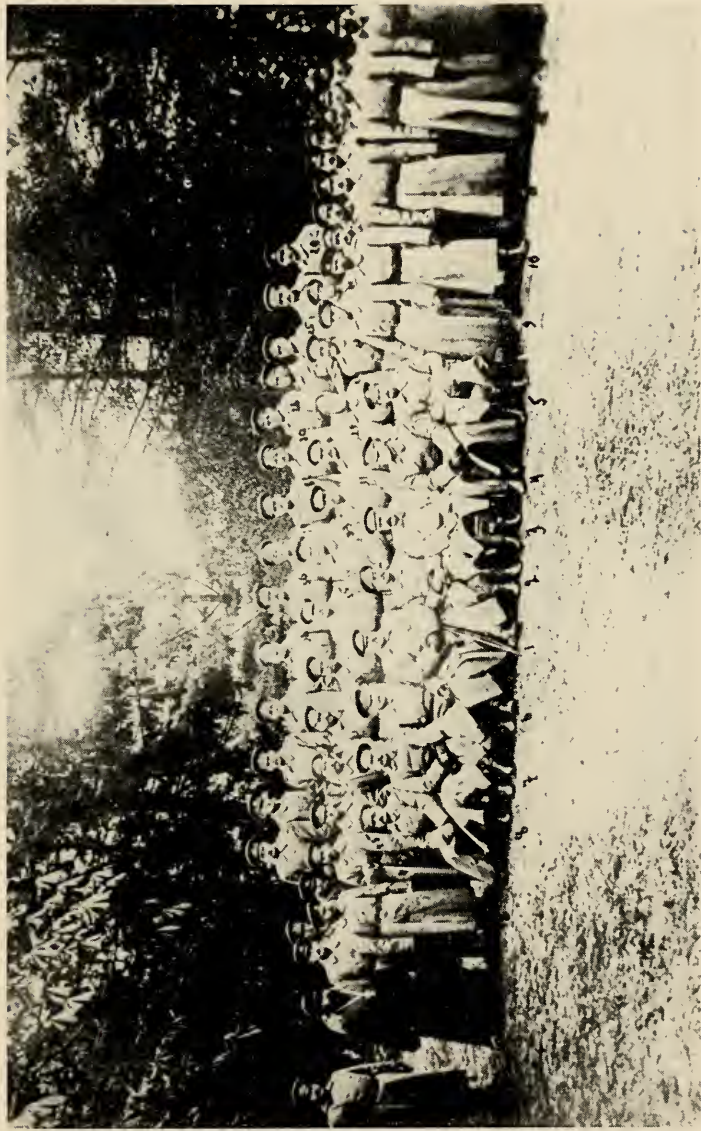
1-го марта, я возвращался из Петербурга, гдѣ застал надвигающіяся революціонныя событія. На слѣдующій день в Кіевѣ я встрѣтил ком. Кавалергардов Н. Н. Шипова, который только что представился Шефу и застал Ее в очень тревожном и подавленном состояніи от циркулировавших слухах о событіях в столицѣ. Он посовѣтывал мнѣ, как пріѣхавшему из Петербурга, явиться нашему общему Шефу и доложить о видѣнном.

Пріѣхав во дворец и доложив о себѣ — получил разрѣшеніе явиться. Поднявшись наверх и подходя к покоям, гдѣ принимала Государыня, я увидѣлъ дворцоваго скорохода несшаго на подносѣ объемистую телеграмму. У двери, я пропустил скорохода и остался в ожиданіи разрѣшенія войти. Ждать пришлось не менѣе 20 минут. В это время ко мнѣ подошел вел. кн. Александр Михайлович, который сказал мнѣ, что час-два назад было получено извѣстіе об отреченіи Государя, а вслѣд другая телеграмма — о задержаніи первой. Так что слухи о сложеніи Верховной власти невѣрны и Государем лишь утверждено Правительство отвѣтственное перед Палатами, во главѣ с кн. Львовым.

Под этим впечатлѣніем я был принят, но увидя Императрицу всю в слезах, понял что дѣло представляется не так как говорил вел. кн. Александр Михайлович и только что полученная Государыней телеграмма была трагичнѣе, а потому мой доклад о событіях в столицѣ уже потерялъ свое значеніе. Стараясь возможно сократить свой доклад, но Императрица внимательно слушая меня, сквозь слезы, повторяла — говорите, говорите, вѣдь это ужасно,

Л.-26. Купасипектін Ея Веничестра поак в резепись в дер. Соозь 20. 8. 1916.

Полковой праздник Л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества полка 9 мая
1916 г. Сидят, слева: кн. Эристов, к-р бригады Дабич, Арапов,
командующий гвардіей ген.-ад. Безобразов, к-р полка Свѣчин, к-р
гвард. кав. корпуса Хан Нахичеванскій, нач. гвард. кав. дивизіи
Скоронадскій

теперь идет война, не хочу вѣрить что Родзянко против Государя. Затѣм немного успокоившись заявила о своем желаніи немедленно выѣхать в Ставку и повидать Государя. При прощаніи, на мой вопрос, что угодно Ея Величеству передать полку? «Передайте чтобы всѣ продолжали бить этих противных нѣмцев!» Подавая мнѣ руку Императрица перекрестила меня.

Императрица Марія Федоровна, как русская Царица и датская принцесса, всегда не любила нѣмцев, рассказывала мнѣ и другим, что спѣшно выѣхав из Копенгагена в 1914 году, оказалась накануне войны в Берлинѣ, в своем личном поѣздном составѣ, который нѣмецкія власти не пропускали дальше до Петербурга. А надменный Вильгельм, оканчивала Государыня, в довершеніе всего украл мой собственный поѣзд.

Неизгладимо стоит в моей памяти — печальный взгляд нашего милостиваго Шефа, в драматическую минуту ознакомленія с телеграммой об отреченіи Ея Вѣнценоснаго Сына от Престола, который совпал с моим послѣдним представленіем.

Командованіе дивизіей и 1-м кавал. корпусом.

Чтобы закончить об этапах моего строевого командованія, хотя оно уже было захвачено революціей, я кратко упомяну о двух постах.

Первый, — командованіе в Галиціи Сводной кав. Дивизіей, был спокойный, т. к. удаленность нашего пребыванія в предгорьях Карпат не давала пропагандѣ доходить до нас. А вмѣстѣ с тѣм крѣпкіе кадры сохранили боепособность дивизіи позволяли мнѣ выполнять возлагаемыя боевыя задачи; послѣ небольшого порыва вперед, когда разложившіяся части пѣхоты, под Калушом, бросили фронт, наша дивизія прикрыла отход и под гор. Станиславѣм удалось провести ряд конных атак.

Второе, во время Корниловскаго выступленія, (о чем мы в своем удаленіи — ничего не знали), получаю телеграмму из Ставки, минуя всѣ инстанціи, немедленно прибыть. Теряюсь в догадках — в чем дѣло? Быстро собираюсь и автомобилем добираюсь до ближайшей русской станціи ж-д. и поѣздом до Могилева.

Здѣсь полное смятеніе — никто ничего не знает. Корнилов отправлен в Быховскую тюрьму, туда же посажены Деникин и ряд начальников. Наконец узнаю, что я назначен ком. 1-го кавал. корпуса, т. к. мой предшественник кн. Долгоруков, «товарищами» посажен в Петропавловскую крѣпость. Вот так штука, подумал я, сорвали из спокойной Галиціи, гдѣ командуемая мною дивизія была в порядкѣ и боеспособной, а здѣсь 1-й кав. корп. на Сѣверном фронтѣ (близь столицы) центрѣ пропаганды — глядишь и самого

куда нибудь засадят. Дѣлать нечего, ѣду в Петербург выяснять положеніе, за одно повѣдаю семью. В Петербургѣ меня разыскал офицер Ген. Штаба 1-го кавал. корпуса, который доложил: когда уже ген. Крымов, с 3-м кав. корпусом, по распоряженію Корнилова, двигался на Петербург вспомнили, что 14 кав. дивизія находится между Выборгом и Петербургом и можно и ее направить на столицу с сѣвера; кн. Долгоруков, в корпус коего она входила, был в Ставкѣ. Корнилов приказывает Долгорукову немедленно выѣхать и вести 14 дивизію в помощь Крымову. Для скрытности ѣхать кружным путем через Финляндію, для чего ему будет приготовлен в Ревелѣ миноносец, для доставки его в Выборг. План был сложный и, по времени, вряд ли мог быть выполненным.

Долгоруков со своим адъютантом, автомобилем поѣхали в Ревель, гдѣ приказали миноносцу поднять пары, а сами пошли быстро закусить. Вернувшись приказали командиру миноносца взять курс на Выборг. Видимо Долгоруков был неосторожен и, во время ѣзды на автомобилѣ, болтал с адъютантом о полученной задачѣ, а шофер с помощником слушали и передали об этом матросам. Был ли командир миноносца в заговорѣ с командой или был ею принужден осталось для меня неизвѣстным. Но миноносец не зашел в Выборг, а прошел в Неву и сдал Долгорукова в Петропавловскую крѣпость, адъютанта отпустили; послѣдній вернулся в штаб корпуса и рассказал всю «одиссею». Долгорукова через нѣсколько дней выпустили из крѣпости. Я с ним случайно встрѣтился и он, увидя меня издали, начал по очереди подымать и как бы отряхивать ноги. На мой вопрос в чем дѣло? Долгоруков смѣясь отвѣтил: «Отрясаю прах с ног своих, рад что »случайность» избавила меня от подобнаго командованія корпусом и тебя не поздравляю». Мы пожали друг другу руки и я прибавил, что его «случайность» сильно подвела меня — т. к. командовать корпусом, при настоящей обстановкѣ, одна грусть, да еще близъ Петрограда, откуда вся нечестъ несется; а у меня в Галиціи было относительно спокойно.

Мнѣ пришлось встрѣтиться с Долгоруковым позже в Кіевѣ, о чем имѣется у меня запись, о которой повѣдаю на своем мѣстѣ.

Теперь же, к сожалѣнію, приходилось разстаться с дивизіей, куда я послал свой послѣдній прощальный приказ, ѣхать принимать 1-й кав. корпус, находившійся в Прибалтикѣ в составѣ XII арміи, как ближайшей к столицѣ наиболѣе распропагандированной. Мое положеніе облегчалось, тѣм, что конныя части были относительно в лучшем порядкѣ и меня утѣшило увидѣть моих Малороссійских драгун входивших в этот корпус. Обѣзжая части корпуса, я был радушно встрѣчен офицерами Малороссійцами. Ко мнѣ явился полковой комитет, предсѣдатель коего обратился с

привѣтствіемъ, что полкъ радъ видѣть меня, добрая память о коемъ у нихъ сохранилась.

Я поблагодарилъ, но прибавилъ, увы, какое командованіе можетъ быть теперь, кругомъ создалось такое безначальное положеніе. Меня увѣрили, что покажутъ примѣръ и всѣ мои распоряженія будутъ выполняться.

Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ сами видѣли до чего докатывается положеніе, созданное революціей во время войны и пропагандой коммунистовъ, которые дѣйствовали, а Врем. Правительство, начиная съ главноуправляющаго главноверха Керенскаго, только говорили, говорили . . .

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА 14-я.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Причины ее вызвавшія.

Этот вопрос составляет споры многих историков, в зависимости от их политических мнѣній. Я коснусь, как пережившій их современник и не политик.

Послѣ пронесшагося революціоннаго движенія 1905 года, с которым Правительственная власть справилась, сдѣлавши уступку созывом Государственной Думы и преобразованием Государственного Совѣта, послѣ манифеста 17 октября, жизнь Государства, как будто, начала налаживаться. В экономическом отношеніи даже наша страна дѣлала большіе успѣхи. Для полнаго успокоенія и прочнаго устройства жизни нашего обширнаго Отечества требовалось — укрѣпленіе Государственной власти, которой необходимы были преобразованія.

На должность премьера был выдвинут большой государственный дѣятель П. А. Столыпин, который, среди своих работ, принялъ огромную земельную реформу с насажденіем собственников-крестьян. Столыпин сумѣлъ завоевать себѣ, для проведенія своих мѣропріятій, большинство Думы, но, к сожалѣнію, не смог найти контакта с «кадетской» партіей, в которую входили, главным образом, интеллигентныя силы населенія. Между тѣм это было необходимо, т. к. нерв государства — пресса, в большинствѣ находилась в руках этой партіи; но, партія, по особому упрямству своих лидеров, предпочитала лучше быть в оппозиціи и, в концѣ концов, по своей недалъновидности, расшатывала государственную власть и этим сыграла в руку лѣвым элементам — для разрушенія Родины. С другой стороны — крайне правой — П. Столыпин также не получил поддержки. Особенно разногласіе получилось у него с правыми от внесенія закона о введеніи земских учреждений в Сѣверо-Западном краѣ. Этот законо-проект был одобрен и утвержден Думой и отвергнут Госуд. Совѣтом, большинством голосов собранных П. Дурново.

П. А. Столыпин рѣшил не затягивать этого нужного мѣропріятія, вновь внесеніемъ его в Думу, а примѣнить его по 76-й статьѣ Основныхъ Законовъ, которая предоставляла возможность Правительству ввести его в дѣйствіе во время отсутствія засѣданій обѣихъ Палат. Для чего необходимо роспускъ Палат, хотя бы на нѣсколько дней. Роспускъ же требовалъ подписи Верховной Власти.

Государь вообще не былъ склоненъ къ этой крайней мѣрѣ, которая, безъ особой нужды, лишь могла вызывать неудовольствіе. Къ этому склонялась и Императрица, симпатіи которой были не на сторонѣ властнаго премьера-министра.

Поэтому, чтобы получить подпись отъ Государя, Столыпину пришлось ультимативно поставить вопросъ передъ Верховной Властью — о подачѣ в отставку в случаѣ несогласія. Вырвавъ, такимъ образомъ, подпись подъ Указомъ, Петръ Аркадьевичъ невольно оттолкнулъ отъ себя расположеніе къ нему Государя, который, оцѣнивая государственную работу Столыпина, не могъ отрѣшиться отъ непріятной ему ультимативной настойчивости.

В тѣ времена, в столичномъ обществѣ, уже начались толки что врядъ-ли Столыпинъ долго удержится у власти. Террористическій актъ — убійства Столыпина — ускорилъ событія.

Его замѣститель Коковцевъ, финансовый чиновникъ въ министерствѣ большаго дѣятеля гр. Витте, мало зналъ и вникалъ во Внутреннія дѣла государства. И начатыя Столыпинымъ реформы оставались безъ движенія.

Дальнѣйшія назначенія, какъ премьеровъ, такъ и министровъ оказывались все болѣе и болѣе неудачными. Государственная Власть теряла свой авторитетъ. А затянувшаяся война требовала громаднаго напряженія всѣхъ силъ государства. Большія потери и рядъ неуспѣховъ, конечно не могли не отразиться на состояніи духа и умовъ населенія.

Для доведенія войны до побѣднаго конца требовалась твердая власть и смѣлая политика. Къ сожалѣнію, в переживаемое тяжелое для нашего Отечества время, среди дѣятелей, стоящихъ у кормила власти — не нашлось нужныхъ людей и шла чехарда на министерскихъ постахъ.

Мистическое отношеніе къ реформамъ со стороны Трона.

Умирая в Ялтѣ, в 1894 году, Императоръ Александръ III, на своемъ смертномъ одрѣ, давая благословеніе своему Сыну-Наслѣднику, внушилъ Ему не нарушать незыблемость государственныхъ устоевъ и чистоты Самодержавной власти. Лишь послѣдняя, въ устахъ умирающаго Монарха, могла быть пріемлема для управленія святой Руси, какъ происходящая отъ Божественнаго Промысла.

Это отцовское, царственное поученіе, глубоко залегло в сердце вступившаго на престол молодого Императора и на всю жизнь стала для него указаніем — довести свое царствованіе ненарушимо, ибо не во власти его, как человѣка, измѣнить указаніе, данное свыше Провидѣніем.

К этому-же побуждала вполслѣдствіи и Супруга-Императрица. Несмотря на свое былое протестанство и образованіе полученное, главным образом, при дворѣ конституціонной, но очень, властной, англійской королевы Викторіи. Государыня, с большой проникновенностью, не только по формѣ, но и по духу, восприняла православіе и глубоко вѣрила в правоту Божественного начала власти.

Тяжелыя событія: начиная с потрясших царственную Чету Ходынским несчастіем, затѣм в долгом неисполненіи мечты ожиданія рожденія Наслѣдника, коему будет передана, в полной чистотѣ власть царствованія, а когда таковой появился то оказался больным ужасной, неизлѣчимой болѣзнью — гемофиліей, переданной Царицей и бывшей в крови Ея семьи, — все это не могло не повліять на психику Ея.

Эти испытанія еще болѣе настроили Императрицу в религіозном направленіи, которое, в Ея мистическом воображеніи, заставляло вѣровать в то, что испытанія посылаются, для того что-бы абить с пути тот идеал, которым Царица всецѣло прониклась. А потому нужно еще болѣе стойко проявить всю свою волю, дабы не сойти с пути, начертанном в душѣ.

Все это, при личном характерѣ Императрицы, укрѣпляло и настроеніе Царя в исполненіи завѣщанія Отца.

Но то что было, в тѣ времена, по плечу властному Александру III-му, далеко было не по силам, в прогрессирующей обстановкѣ, Николаю II-му. Александр III мог внушать себѣ покорность, начиная с лиц Императорской фамиліи, и министры трепетали перед ним. Всѣм извѣстна его иностранная политика, которой он смог внушать покорность себѣ великих держав и сохранить мир. Он не побоялся рѣзко отклонить требованія Англій в инцидентѣ с занятіем Кушки, граничившей с Закаспійской областью, о чем я упомянул в записи о моей поѣздкѣ в Закаспій. Факт или анекдот, который создала молва, когда по докладу министра Иностранных дѣлъ, он должен был прервать свой отдых в Финляндских шхерах, для принятія рѣшеній, он якобы заявил: «Что Европа может пождать, когда русскій император удит рыбу». Сам по себѣ этот факт характерен, даже если он является анекдотом, созданным общественной молвой.

Но что было возможно тогда, становилось невозможным теперь. Обстановка за четверть вѣка сильно измѣнилась, жизнь в нашем обширном Отецествѣ шла своим чередом и требовала, для своего развитія — нѣкоторых реформ.

Назрѣванія краха власти.

Распутин. Пропаганда.

С начала войны патриотическій подъем во всей странѣ вылился прекращеніемъ начавшимися было забастовками, особенно в Петербургѣ; в Гос. Думѣ всѣ партіи, кромѣ крайне лѣвых, дружно объединились, а населеніе полностью пошло на выполненіе долга — защиты Отечества.

Но тяжелая война продолжалась с ея лишеніями и невзгодами, чѣмъ пользовались крайне лѣвые элементы, для своей пропаганды. В дальнѣйшем, неустойчивость власти в неумѣлыхъ рукахъ высшихъ государственныхъ дѣятелей, постепенно отталкивали и умѣренные слои общества.

К тому же появилась Распутинская камарилья, которая передавая из уст в уста — расцвѣла, распухла и, смѣшавъ дѣйствительность с прикрашенной ложью, разожгла окончательно нарастающее недовольство властью, а недостойные дѣятели не постѣснялись облить грязью Императрицу.

Психически больная Государыня, найдя в Распутинѣ смягчающаго боли от гемофиліи Наслѣдника и как бы исцѣляющаго — во время кризисов — его болѣзнь, молилась на него, внушая в себѣ вѣру, что он послан — как охрана царской Семьи. Она, закрывала глаза, на доходившіе до нея слухи о безобразіях, творимыхъ этимъ типом, боясь лишиться его помощи больному сыну.

Распутину нѣсколько разъ отправляли на его родину, но всякій раз, как нарочно, отѣзд совпадал с кризисомъ болѣзни. Всѣ медицинскія средства — не помогали и не было возможности остановить болѣзненное истеченіе крови. Лишь Распутин — какимъ то внушеніемъ — умѣрял боли.

В Распутинѣ, оказывающемъ помощь Наслѣднику, можно видѣть вѣру Матери-Императрицы, а осуждать нужно тѣх, — коимъ нѣтъ оправданія, — которые стоя у власти, старались заслужить милость хама и тѣмъ достигъ и укрѣпить свое положеніе. Т. е. в угоду себѣ завѣдомо наносили вредъ Государству.

Вѣдь если-бы не существовало подобныхъ угодниковъ Распутина, которые поощряли его и стремились черезъ него получить себѣ блага то, вѣроятно, и не было бы мѣста и его вмѣшательству в оказаніи протекціи кому либо.

Быть может, высказываемыя нѣкоторыми кругами пожеланія что дарованное своевременно Государемъ отвѣтственное передъ Палатами — министерство, дало бы успокоеніе и ограничило дѣятельность Распутинскихъ подхалимовъ, утверждать не берусь. Но во всякомъ случаѣ, реформа избавила бы Государя и Его Семью отъ грязныхъ наветовъ, уменьшились бы предлоги для пропаганды и,

наконец, Император мог бы больше отдаться взятым на себя обязанностям Верховнаго командованія.

Мы, находясь на фронтѣ, можем засвидѣтельствовать, что в солдатской массѣ не замѣчалось какого либо броженія. Но в офицерскую среду, особенно в гвардіи, имѣвшей больше связи со столичными кругами, доходили свѣдѣнія о желаніи нѣкоторых слоев русскаго общества, включая и близких Трону и лиц Императорской фамилии, о дарованіи отвѣтственнаго министерства.

Между тѣм пропаганда и ложные навѣты ширились, готовя гибель государству. А лидер умѣренной партіи, с кафедры Государственной Думы, как пропагандист на митингѣ, что-бы заслужить аплодисменты, бросает грязную фразу в отношеніи Императрицы, не отдав себѣ отчета в ея ложности. И тѣм разжигая страсти, ведущія ко вреду Родинѣ.

Картина стала болѣе тревожной послѣ убійства Распутина, когда газеты всѣх направленій печатали отчеты об этом. Поэтому, слѣдует признать, что убійство дало большой толчек пропагандѣ, но, опять таки, не на фронтѣ, а среди миллионов призванных для обученія в запасных частях, которые скученно стояли в городах и особенно в Петроградѣ, гдѣ пропаганда шла во всю.

Обстановка начала сгущаться, когда рѣзкіе дебаты в Думѣ, отчеты которых помѣщались в газетах, стали достояніем широких слоев населенія. Но войска на фронтѣ не были затронуты и повиновались вплоть до отреченія.

Внутри же страны длительная война с ея экономическими ограниченіями ложилась тяжело на населеніе. Развивалась спекуляція, на которой ловкачи наживались, а страдала масса. Появился, т. н. черный рынок.

Неудачный выбор министров — Штюрмера, Протопопова и др. как будто нарочно раздражал и вызывал негодованіе, что облегчало пропаганду. Атмосфера накалялась. Нужен был небольшой толчек, что-бы вызвать «паралич власти», котораго не боялся П. А. Столыпин, но теперь паралич оказался смертельным.

Таким толчком послужил, в концѣ Февраля, роспуск Гос. Думы, который возмутил многіе слои общества и выбросил рабочих столицы на улицы.

При волненіях, помощь полиціи опиралась на воинскія части, но всѣ дѣйствующія войска были на фронтѣ. Внутри страны, особенно в столицѣ, были лишь запасныя части, которыя могли только усилить выступленіе рабочих, что фактически и случилось.

Старая историческая власть в Россіи, создавшая Великую Имперію, под вліяніем злостной и лживой пропаганды — не выдержала и погребла с собой, вмѣстѣ с непонимающими, которые тянули государство в грозную минуту тяжелой войны.

Углубленіе революціи.

На смѣну павшей власти, было призвано, созданное Госуд. Думой — Временное Правительство.

В взбаламученной революціей странѣ, напрягающей всѣ силы в тяжелой міровой войнѣ, нужно было имѣть особо крѣпкую власть, которая была бы в состояніи сразу установить порядок, для доведенія до побѣднаго конца войны. Но это оказалось далеко не по силам Временному Правительству.

Наряду с послѣдним, сейчас же, самочинно образовался Совѣтъ Рабочих и Солдатских депутатов, хаотично избранных от рабочих и солдат запасных полков Петроградскаго гарнизона; кромѣ того, этот Совѣтъ был дополнен кооптированіем, неизвѣстно кѣм и как, многочисленными лицами лѣваго направленія. Совѣтъ, то-же хаотично, избрал из себя Центральный Исполнительный комитет, куда преимущественно проникли, не избранные, а кооптированные лица. По смыслу Совѣтъ должен был исполнять функціи Парламента, но почему такія права предоставлялись лишь мѣстному, хотя бы и столичному населенію, для всей Россіи? Который, к тому же, все больше и больше, присваивал себѣ права исполнительной власти, принадлежавшей Временному Правительству.

Первоначально Совѣтъ Р. и С. депутатов, большинство котораго принадлежало Соц-Революціонерам и меньшевикам, стоял за продолженіе войны, до побѣднаго конца. Но это была лишь его идеологія, фактически же вліяніе постепенно переходило, незначительной, в то время, партіи большевиков, развивавших страшную пропаганду. А Соц. Рев. и Соц. Дем., под страхом несуществовавшей Контрреволюціи (которой пугали их большевики), считали нужным УГЛУБЛЯТЬ революцію, тѣм самым играли в руку крайним элементам, захватывающими власть на глазах наивных болѣе умѣренных социалистов. Послѣдніе поняли свою ошибку когда было поздно. Нельзя было трогать Армію неумѣстными распоряженіями. вмѣсто помощи, в тяжелой борьбѣ, они своими мѣрами расшатали ее стойкость и жертвенность. Они не хотѣли понять то обстоятельство, что для того чтобы войска представляли силу — нужна крѣпкая ДИСЦИПЛИНА, а что-бы идти в бой — нужно ПОВИНОВЕНІЕ. А вмѣсто этого отдается приказ уничтожающій дисциплину, каждый дѣлай — как хочешь. вмѣсто УКРѢПЛЕНІЯ ВЛАСТИ НАЧАЛЬНИКА, приказы и распоряженія послѣдних ОТМѢНЯЮТСЯ, т. е. подчиненный не обязан повиноваться.

Вот гдѣ можно сказать этим передовым лидерам, во главѣ с Милоковым примѣнив к нему фразу, которой они аплодировали: «Что это, глупость или предательство».

В то время, когда предстояла огромная работа внутри страны, Врем. Пр-ство с Совѣтами принялись за так называемую «демократизацію» Арміи. Между тѣм наша Армія, с введеніем обязательной воинской повинности свѣше полустолѣтія назад, (в 1874 г. в царствованіи Александра II, при воен. министрѣ гр. Милютинѣ), была построена на тѣх же принципах, как всѣ арміи. Т. е. на полном подчиненіи начальникам, кои назначались и нигдѣ не избирались; для веденія хозяйства законом был установлен порядок; на инспекторских смотрах и внѣ их, каждый офицер и солдат имѣли право подавать жалобы на нарушеніе чего либо, а это право не во всѣх иностранных арміях примѣнялось; отданіе чести существует во всѣх арміях; вопрос обращенія на «ТЫ» принятый у нас вѣками, как привычка нашего простолюдина в единственном числѣ говорить «ты», никогда не вызывал осложненій, мог бы и без преступнаго приказа № 1, простым распоряженіем воен. министра — отмѣнен; наказанія, как в дисциплинарном порядкѣ, так и по суду, существовали во всѣх арміях, причем у нас много мягче (напр.: в Австріи с подвѣшиваніем, когда наказуемый еле достигал ногами земли, а у англичан и у американцев организація чинов военной полици с правом бить резиновыми палками).

Ни в одной арміи не было того близкаго отношенія, как у нас офицера к солдату, гдѣ первый был не только начальником но и отечески заботливым руководителем.

Какая же еще нужна «демократизація»?

А между тѣм, во всѣх частях войска были спокойно приведены к присягѣ, согласно установленному Временным Правительством положенію. И на этом нужно было поставить точку, не вмѣшиваясь в жизнь Арміи. Никаких приказов, созданія выборных комитетов, назначенія в войска комиссаров, упраздненія дисциплинарных прав начальников и других нововведеній, ни в одной Арміи не существующих, вводить нельзя. Войска должны, как и раньше, придерживаться Уставам — Дисциплинарному и Гарнизонному, если хотят чтобы войска остались боеспособными.

И я увѣрен, что не трогая Армію, повиновеніе в ней было бы соблюдено.

К сожалѣнію, боязнь внушенная крайними элементами, об опасности «контр-революціи» настолько парализовала умы и волю новой власти и умѣренных соціалистов, что пущенныя словечки — «контра», «гидра» в командованіи привели их в трепет и устремило их вниманіе не на устройство и успокоеніе страны, а главным образом — на фронт. Необходимая энергичная работа внутри государства оставлена в тѣни и забыта дѣйствительная опасность, грозящая со стороны большевизма. с представителями

котораго продолжали работать, все больше подпадали под их вліянія и требованія.

Были допущены в войсках митинги. Разсылались освѣдомители, допускались наѣзжавшіе «оратели», которые что то освѣщали и поучали. Зачастую блестящія рѣчи, даже скажу доброжелательность, приводили к обратному и лишь развращали массу одним сбором на митинги. Замѣчательно, что части, находящіеся дальше от больших центров, куда рѣже наѣзжали уговаривающіе, дольше сохранили повиновеніе.

Наряду с этими «освѣдомителями» проникали и большевистскіе агенты, которые праповѣдывали — «долой войну», «мир хижинам, война дворцам», «кончай войну без анексій и контрибуцій» и пр. И имѣли большій успѣх.

Страх несуществующей «контр-революціи» затмил глаза, а вредныя и ненужныя нововведенія развратили войска и подготовили дорогу — дѣйствительной опасности — большевизма...

Наступили времена, когда в хаосѣ рукоплесканія черни, торжественно выступали из подполья различной марки марксисты и, при попустительствѣ мягкотѣлаго Временнаго Правительства, не думая о пользѣ страны, а в угоду своим теоріям, попирая все свѣтлое прошлое, понеслись в пропасть с охваченной психозом нашей Родины.

Приведеніе к повиновенію силой.

Под вліяніем подстрѣкательства к неповиновенію появились части, стоящіе на отдыхѣ в глубоком резервѣ, кои отказывались идти смѣнять части, своих же собратіев, в окопах и отбывших свой срок. Пришлось болѣе энергичным начальникам прибѣгать к повиновенію — силой. Для чего пользовались конными частями, как менѣе понесших потерь и болѣе сохранивших свои кадры.

В Іюль 1917 года, командуя кавалерійской дивизіей, на Юго-Западном фронтѣ, получаю от своего командира 2-го кав. корпуса, князя П. Л. Меликова, приказ выступить, для приведенія к повиновенію пѣхотную дивизію (послѣдняго формированія) для смѣны другой части на позиціи. А из штаба арміи, по телефону, армейскій комиссар сообщает, что он, с группой своего комитета, на автомобилях выѣзжает, для разъясненія задачи нашим полковым комитетам.

Конечно, непріятная задача воевать со своими же, но что тут разъяснять: одни отдохнули должны подмѣнить других, кои также нуждаются в отдыхѣ и отмыться в банѣ. А если не хотят понять, т. к. им накрутили голову вредители, пусть пеняют на послѣдних, заставим. Вызвал наши полковые комитеты коим со-

общил о полученном приказѣ. Без всякаго разъясненія всѣ поняли, что как не грустно, а выполнить приказ необходимо.

По приѣздѣ комиссара предоставил бесѣдовать с ними, предупредив, что они впольнѣ понимают о необходимости выполнения задачи. Я же с дивизіей, как донес своему начальству, через час выступаю.

Вѣроятно, комиссар считал своим долгом все же поговорить и затянул разговоры. А я с дивизіей выступил, предоставив комитетам нас догонять.

В пути, нам предстояло пройти около 15 верст, я переговорил с командирами полков о предстоящей задачѣ.

Подходя к мѣсту назначенія, нас догнали, застрѣвшіе в разговорах наши полковые комитеты и к моему неприятному удивленію, автомобили с комиссаром и его группой. Видимо считалось, что их присутствіе необходимо с попытками уговоров. Но я рѣшил выполнять задачу активно, т. к. никакіе дальнѣйшіе разговоры не помогут и необходимо показать силу. В своих частях я был увѣрен, мы все время находились в предгорьях Карпат, куда рѣдко заѣзжали «разъяснители».

Поднявшись на горку, мнѣ раскрылась цвѣтущая, широкая долина с рядом селеній в ней. Потом я узнал, что здѣсь были заготовлены обширные продовольственные магазины, бани, лазареты и пр. Коими самочинно, не желая воевать, завладѣли «товарищи», стоящей здѣсь на отдыхѣ дивизіи, удалив свое начальство и часть офицеров и, конечно, не желали покидать такое райское мѣсто.

Отдав начальнику штаба (Подполковнику Иванову, быв. Улану Его Вел) распоряженіе вызвать командиров частей, для дачи им указаній, как ко мнѣ подошел комиссар и заявил, что он хочет стправить своих членов к неповинующимъ, что бы сдѣлать попытку уговорить. На мои доводы, что мы напрасно теряем время, им необходимо выступить немедленно, дабы засвѣтло дойти до позицій, на что потребуется 3-4 часа ходу, а с темнотой начать смѣну в окопах, комиссар долго не соглашался. Наконец порѣшили: даю ему час времени и ровно в 17 часов начинаю дѣйствовать. С нашей горки мы наблюдали как «уговорщики» спустились в долину и начали собираться толпы митингующих.

Тѣм временем я вызвал наш конно-артил. дивизіон на самое высокое мѣсто на горѣ на открытую позицію, хорошо видимую из долины, и открыть огонь, когда укажу. Командиру 1-го Заамурскаго коннаго полка, полк. Мостицкому изготавиться к атакѣ в долину, теперь же выведя полк на открытое мѣсто.

17 часов, пьющему со мной чай комиссару, объявляю, что начинаю дѣйствовать. Он взмолился — обождите там мои люди,

надо их вызвать. Не могу, условленное время истекло, они были предупреждены.

Даю распоряженіе артил. дивизіону и, как было условлено, обѣ батареи дают залп шрапнелью на высокихъ разрывахъ. Грохот залпа прокатился по долинѣ и надъ ней появились бѣлыя облачка разрывовъ. Заамурцы на сѣрыхъ лошадяхъ, широко разсыпавшись, поскакали на митингующихъ. Видно было какъ толпы собравшихся начали разбѣгаться прячась за укрытія, а не успѣвшіе — подымали руки и сдавались. До кровопролитія не дошло, но толпы поняли, что шутки кончились. Вскорѣ появилась депутація ихъ комитета, что рѣшено выступить на фронтъ.

Командиру Иркутскихъ гусар, полк. Навротскому, быв. Конно-гренадеру, приказалъ спуститься въ долину съ полкомъ, торопить выступленіе и помочь оставшемуся командованію навести порядокъ и гдѣ не хватаетъ офицеровъ временно замѣнить своими и затѣмъ конвоировать всю дивизію до самой позиціи. Командиру Архангелогородскихъ драгунъ тоже съ полкомъ спуститься для ареста всего образовавшагося тамъ комитета по руководству непослушанія со всѣми неѣхавшими туда подстрекателями. Во всѣхъ полкахъ выяснить зачинщиковъ и также арестовать. Всю эту компанію, хотятъ они или нѣтъ, привести къ комиссару въ его распоряженіе.

Я упомянулъ здѣсь воинскія части, гдѣ сохранились еще участники дѣла и фамиліи могущіе подтвердить это описаніе.

Помѣщая, въ своихъ запискахъ, этотъ печальный фактъ, крайне тяжельпѣ, непріятный намъ исполнителямъ, какъ яркій примѣръ того, что развращенную подстрекателями и вредителями часть, угрозами привести къ послушанію невозможно, мы этимъ показываемъ нашу слабость, необходимо выявить силу, которая единственно страшна подобнымъ частямъ.

Не поддаваясь на застрашиванія лѣвыхъ элементовъ въ несуществовавшей въ то время «контр-революціи» и не вводя нововведеній развращающихъ лишь войска, для какой то «демократизаціи», мы сохранили бы Армію, которая со своимъ командованіемъ выполнила бы свой долгъ передъ Родиной, какъ завѣщалъ намъ отрекшійся Монархъ, въ своемъ послѣднемъ приказѣ.

Временное Правительство.

Предсѣдателемъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Временнаго Правительства былъ поставленъ весьма уважаемый, большой земскій дѣятель князь Н. Н. Львовъ, коего я лично зналъ. Добродушный и добрый челоуѣкъ, цѣлыми днями, когда не руководилъ общими засѣданіями Совѣта Министровъ, онъ принималъ — представ-

лявшихся ему лиц, прибывавших в Петроград безконечных делегаций и просто отдѣльных просителей. Всѣх внимательно выслушивал и всѣм все общал. Мало опытный, в масштабъ государственнаго управленія, да еще в том бурном хаосѣ, что представляла наша Родина в разразившейся революціи, что он мог сдѣлать?

Не по его характеру и темпераменту была, в эту эпоху, для него эта работа.

Министром Иностраннх Дѣл был П. Н. Милюков, доцент Исторіи, журналист, лидер Конституціонно-демократической партіи (Ка-Де), член Государственной Думы; казалось бы достаточный стаж, для министерскаго поста. Однако быть теоретиком и критиком, без необходимаго опыта — недостаточно, а обнять, в переживаемое время и учесть революціонную обстановку — оказалось ему не по силам. И когда углубленіе революціи шло полным ходом, а массы выкрикивали — «война без анексій и контрибуцій», Милюков, видимо не чувствуя обстановки в переживаемое время, не нашел лучшим — как поднять вопрос о «проливах»! . .

За такой учет событій сразу же убѣдился, что критика — одно, а умѣть управлять — другое. Как говорит мудрое французское выраженіе: *La critique est aisée l'art est défficile*. И когда толпы подошли к Маріинскому дворцу, гдѣ он засѣдал в Совѣтѣ министров, ему пришлось, для личнаго спасенія, скрыться и, что-бы не попасться в другой раз, уйти, по добру и здорovu, в отставку.

Военным министром был А. И. Гучков. С ним я познакомился еще на японской войнѣ, приходилось встрѣчаться и в комиссіях Государственной Думы, куда я посылался для справокъ по Финляндским дѣлам (см. запись о Финляндіи). Он был большим общественным дѣятелем, принадлежал к умѣренной партіи «Октябристов», в образованіи которой принялъ участіе. Был избираем в 3-ю и 4-ю Думы, гдѣ одно время был и ея предсѣдателем. Еще до войны у него сложилась ненависть к Государю, такая же нелюбовь к нему была и со стороны Трона. Это особенно выявлялось во время его предсѣдательства в Думѣ, когда ему приходилось ѣздить с докладами к Императору Николаю II-му.

Любил и много работал в комиссіях Думы по военным вопросам. Что-бы лучше быть в курсѣ, заводил знакомства с молодыми военными специалистами этого дѣла, разспрашивал их и привлекал военную молодежь к политическим разговорам в так называемую группу — «младо-турок». Состоял в умѣренной политической партіи, самой крупной в двух послѣдних Думах, он приходился не ко двору социалистическим массам того времени и вряд ли смог долго сохранить портфель.

По должности военного министра не сумѣлъ оградить Армію от нововведеній, которыя опредѣленно вели войска к разложенію. Как мнѣ стало извѣстно от самих участников его окруженія, Гучков затребовал списки команднаго состава от начальников дивизій и выше и, пригласивъ своихъ молодыхъ друзей, началъ с ними широкую чистку командировъ, отмѣчая к отрѣшенію тѣхъ, кто, по мнѣнію его и приглашенныхъ, подлежитъ увольненію! Подобный способъ в отношеніи тысячъ командировъ, коихъ он не могъ лично знать, а зналъ лишь по наслышкѣ и подсказу «друзей», даже в революціонную эпоху — совершенно не допустимъ и безусловно вреден. Если была надобность удалить дѣйствительно неудачныхъ, в чемъ спѣшки не было, слѣдовало продѣлать это осмотрительно, чтобы не ошибиться. Во всякомъ случаѣ, не прибѣгая къ способу дѣйствія — заговорщика съ друзьями, в столь серьезномъ дѣлѣ. Среди огромнаго числа уволенныхъ, я убѣжденъ, были не мало хорошихъ, строгихъ и требовательныхъ командировъ, которые менѣе привлекали къ себѣ, а в спѣшкѣ, выигрывали мягкотѣлые...

Не надо забывать, что в своей массѣ командный составъ русской Арміи — былъ высоко патріотичнымъ и рядовое офицерство свято выполняло свой жертвенный долгъ передъ Отечествомъ. Лично показывая примѣръ, увлекая за собой также вѣрную солдатскую массу, офицерство несло сравнительно большія потери, чѣмъ иностранныя арміи. Лишенные необходимыхъ правъ и какой либо защиты со стороны власти, они оставались на своихъ постахъ и зачастую переносили всяческія униженія и издѣвательства.

А между тѣмъ не принимая никакихъ мѣръ защиты войскъ, вѣроятно упиваясь властью надъ командованіемъ, Гучковъ не обратилъ вниманія на обратную сторону — на удержаніе выдающихся начальниковъ. По завѣщанію Государя (Его приказъ войскамъ, покидая Армію продолжать борьбу и недопущенный новой властью къ объявленію), командный составъ оставался на своихъ мѣстахъ, пытались охранить войска, но постепенно — видя, что остановить вредныя нововведенія не в ихъ силахъ, — подавалъ в отставку.

Приведу примѣръ о двухъ широко извѣстныхъ, выдающихся, боевыхъ начальникахъ — командующаго 9-й арміей Лечицкомъ и командира корпуса Мищенко. Оба служившіе на окраинахъ нашей необъятной Россіи, особо отличились в японскую войну, которая и выдвинула ихъ на высокіе посты. Глубоко военные по духу, проникнутые любовью къ военному дѣлу, которому отдали свою долгую службу Отечеству, всегда скромные, они съ тяжелымъ сердцемъ покинули свои посты, т. к. совѣсть не позволяла имъ оставаться зрители разрушенія Арміи. Лечицкій, старый холостякъ, уѣхалъ в Вятскую губернію, гдѣ его отецъ былъ сельскимъ священникомъ, и в скорости умер. Мищенко — к своей женѣ в Дагестанскую область, гдѣ у нихъ былъ домъ съ садомъ. По выступленіи коммунистовъ, хотя

мѣстный совдеп относился к нему с уваженіем, но потребовал снять погоны. Старый, перераненный, боевой генерал отвѣтил: «За ограду сада не выхожу, с 10-ти лѣт привык носить погоны с ними и лягу в гроб». И застрѣлился.

Россійскіе финансы, благодаря ряду блестящих дѣятелей стоящих во главѣ вѣдомства, находились на высотѣ и несмотря на огромныя траты требуемая войной высоко поддерживали курс нашего рубля. Февральская революція выдвинула на этот пост Терещенко, имѣвшего на югѣ свеклосахарные заводы. Почему ему вручили этот пост? Вѣроятно никто не объяснит. Впрочем, вся его дѣятельность, на этомъ посту, свелась к печатанію бумажных денежных знаков, для удовлетворенія нужд, выдвигаемых революціей и широких аппетитов развившихся с ней. Все это в конец обезцѣнило наше денежное обращеніе.

Терещенко долго удерживался у власти, лишь смѣнив финансовый портфель на пост министра Иностранных Дѣл.

Министр Юстиціи А. Ф. Керенскій, единственный социалист в первоначальном Врем. Пр-ствѣ, член Гос. Думы, адвокат извѣстный по защитѣ революціонных дѣятелей.

Сначала показался — как энергичный дѣятель в революціонную бурю. Но скоро, весь свой пафос, свел на произношеніе — рѣчей, заслужив названіе — главно-уговаривающаго. Для активной дѣятельности не оказалось рѣшимости. Упиваясь властью, он вознесся в Предсѣдатели Врем. Пр-ства. Произносил безконечныя рѣчи, на что был большим мастером. Собрал в Москвѣ Государственное совѣщаніе, которое погибло в рѣчах, не добившись никакого рѣшенія. Под конец оттолкнул от себя и умѣренные слои и не рѣшился арестовать Ленина, к чему была возможность, оставив на свободѣ главнаго вреднаго дѣятеля. Проведя провокаторскую западню, свалил Корнилова и неудачей послѣдняго подготовил и свою неудачу при движеніи на Петроград, при захватѣ власти Лениным.

Не постѣснялся взять на себя верховное командованіе, мечтая вести своими рѣчами на смерть развращенныя массы. Все оказалось иллюзіей лишь дальше толкающей нашу Родину в пропасть.

Кончилась его «блестящая «карьера» — безславной сдачей позиціи большевикам. Спасая самого себя, не думая о Родинѣ, он позорно скрылся обманув и бросив своих коллег по Пр-ству на милость Ленина.

А также дезертировал с поста Верховнаго Главнокомандующаго, поступок небывалый в исторіи русской Арміи.

Отмѣчая небольшія характеристики нѣкоторых дѣятелей, которых волна революціи выдвинула к власти, мнѣ хочется поста-

вить вопрос: отдавали ли они себѣ отчет: — смогут ли они — по своим способностям, умѣнію и возможностям — справиться с тѣм бурным движеніем, на которое они сами подтолкнули страну, ведущую сверхтяжелую войну?

Смерть Арміи. Убійство ген. Духонина.

Многострадальная русская Армія умирала, пропаганда окончательно разложила ее. Преступное попустительство власти во главѣ с Керенским погубило страну и окончательно разрушило фронт.

Всѣ громадныя усилія великой страны, всѣ жертвы жизнью и кровью воинов — оказались принесенными в жертву напрасно.

Россія осталась беззащитной — как от внѣшняго врага, так и внутри от захватчиков власти.

Начальник Штаба Верх. Главноком-го, ген. Духонин, согласно закона (смерть или неизвѣстное нахожденіе начальника) принял на себя Верховное командованіе. На предложеніе, захватившаго власть Ленина, сдать свою должность — отклонил сдачу своего поста прапорщику Крыленко. Ген. Духонину пришлось принять на себя первый удар, он не пожелал, ради своего личного спасенія, скрыться, остался вѣрным своему долгу, не покинул свой пост и геройски погиб растерзанный шайкой негодяев, прибывших в Могилев, на глазах Крыленки.

Ген. Ник. Ник. Духонин, котораго я хорошо знал, как своего товарища по Академіи Ген. Штаба, которую мы совмѣстно окончили в 1902 году, был скромный, талантливый труженик, Георгиевскій кавалер, храбрый воин с чистой душой, выполнившій свой долг до конца.

Будем надѣяться, что подвиг его не будет забыт и избранной русской національной властью ему будет сооружен памятник.

С фронта міровой войны на фронт гражданскій.

Выступленіе и захват власти в Петроградѣ большевиками, застало меня на должности командира 1-го Кавал. корпуса на Сѣверном фронтѣ, командовать которым, как уже указал, был вызван ген. Корниловым, послѣ неудачи происшедшей с кн. Долгоруковым. С этим назначеніем я был произведен в генерал-лейтенанты.

Нѣсколько мѣсяцев моего командованія кавал. корпусом, до выступленія в столицѣ большевиков, было тяжким испытаніем видѣть все большее и большее разложеніе нашей славной, бывшей

арміи. Хотя лично мнѣ было много легче, т. к. кавалерійскія части, хотя окруженныя всевозможными комитетами и комиссарами, все же выполняли всѣ мои оперативные приказы.

Для связи, посылок по летучей почтѣ и разных порученій, при штабѣ корпуса находился один эскадрон 14 драг. полка, коим я командовал в 1915 году, и с которым растался в самых теплых отношеніях, получив от драгун благословеніе иконой-складнем на дальнѣйшую мою боевую службу. Этот эскадрон полностью выполнял всѣ мои указанія и распоряженія и ограждался от выступленій непрощенных посѣтителей.

Через нѣкоторое время послѣ Февральской революціи, по настоянію «товарищей» из Совѣта Р. и С. депутатов, в штабы были назначены комиссары, вѣроятно, чтобы начальники не сдѣлали бы «контр-революцію», которые должны были своей подписью скрѣплять всѣ начальническія распоряженія. При приѣмѣ мною корпуса, на должности комиссара у меня состоял — матрос 2-й статьи Симачев. Этот малокультурный и полуграмотный матрос, почему и кѣм назначенный, представлял, для всѣх и вѣроятно и для него — загадку. Кто то увѣрял, что он должен был олицетворять собой свирѣпость матросни, «красы и гордоости революціи». На дѣлѣ же он был далеко не свирѣп, а скорѣе добродушным, абсолютно непригодный — ни для сдерживанія революціи, ни для углубления ея.

Непріятностей мнѣ не доставлял, изрѣдка почтительно являлся ко мнѣ — справляясь нѣтъ ли каких распоряженій? Мой нач. штаба подавал бумаги и указывал — гдѣ он должен поставить свою подпись, что он и дѣлал, не интересуясь — что он подписывает.

Наконец, недѣли через три послѣ захвата власти большевиками, к концу ноября, распоряженія новой власти стали поступать и к нам, в том числѣ — о снятіи погон, отмѣны чинов и пр. Становилось противно оставаться. Что-бы получить возможность на выѣзд, я обратился к корпусному комитету, от котораго теперь это зависило, об увольненіи — в отпуск. Послѣ долгих хлопот, в серединѣ декабря, я получил отпускной билет на два мѣсяца. Этот билет, как сурьез, сохранился у меня. Т. к. новая власть уже уничтожила чины, а слово товарищ еще не привелось у нас в корпусѣ, то мой отпускной билет подписанный всѣми членами корпуснаго комитета и скрѣпленный матросом Симачевым, был отредактирован так: «Предъявитель сего Командир 1-го Кавал. корпуса гражданин-солдат Михаил Андреевич Свѣчин уволен на два мѣсяца в отпуск во всѣ мѣста республики». Такая редакція мнѣ помогла добраться на Дон, гдѣ, по доходившим до нас свѣдѣніям, организовывалась Добровольческая Армія.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Прибытіе в Новочеркасск. Представленіе ген. Алексѣву.

Послѣ тяжелаго 9-ти дневнаго пути от Москвы на Дон, с допросами, высаживаніям из поѣздов и прочими непріятностями, я, к 30 декабря 1917 г. (по ст. ст.) прибыл в Новочеркасск. В пути испытал всѣ безобразія царившія на жел. дорогах, наводнявшихся разбѣгавшейся самочинно по домам солдатской массы. Начиная от Воронежа требованіем документов — зачѣм ѣдете на юг? не к Каледицам ли? В этом отношеніи мнѣ много помог мой оригинальный отпускной билет.

В городѣ нашел свою семью, которую сюда своевременно перевез отец моей жены.

Первое впечатлѣніе от Новочеркасска было отрадным, продовольствія вдоволь, все внушало надежду, что удастся здѣсь пережить лихолѣтіе, обѣявшее нашу Родину. Мнѣ рисовалось, как вѣроятно и многим, что событія, происшедшія в Россіи, не могут продолжаться долго и, так или иначе, захватившіе власть большевики будут свергнуты в свою очередь.

К сожалѣнію, это, первое впечатлѣніе, постепенно стало мѣняться. Разбушевавшаяся буря над всей нашей страной была настолько грозной, что заставила задумываться: удастся-ли небольшому клочку земли, на части Области Войска Донского, установившему у себя порядок, удержаться и не быть захлестнутым общей волной?

Я явился к ген. М. В. Алексѣву, который приступил здѣсь к формированію Арміи из добровольцев, для борьбы против захвативших власть над нашей Родиной.

Хорошо зная генерала, как моего преподавателя в Училищѣ и как профессора в Академіи, а также по Японской войнѣ, в 1-ю мировую войну пришлось встрѣтиться лишь в декабрѣ 1915 года, когда, послѣ командованія Малороссійскими драгунами, я был назначен командиром Л-Гв. Кирасирским Ея Величества полком и представлялся ЕГО Величеству в Ставкѣ; послѣ завтрака, на который я был удостоен Высочайшаго приглашенія, меня ген. Алексѣв пригласил зайти к нему, когда освобожусь.

Войдя, я застал его за большим столом в его кабинетѣ, он же и спальня. Стол был завален бумагами и папками так, что из-за них не видно было Начальника Штаба Верховнаго Главщаго.

Мих. Вас. любезно меня принял, поздравил и сразу начал говорить о трудностях борьбы, когда приходится чуть ли не вымаливать обшечное снаряженіе от союзников, а сами все время требуют помощи наступленіем, даже в теперешнюю стужу. Вот вы сегодня за завтраком видѣли многочисленных военных представителей, они всѣ как будто преданы нам и сами, без просьбы с нашей стороны, поддерживают перед своими странами наши требованія и просьбы и поражаются ничтожности того что доходит до нас.

Затѣм видимо припомнив сказал: «Да, мнѣ было пріятно прочесть в отчетѣ генерала из Инспекціи кавалеріи о хорошем состояніи, в котором оказался конскій состав только что сданнаго вами 14 драг. полка».

Такая мелкая подробность, о состояніи лошадей в моем полку, среди его серьезной работы — меня сильно озадачила.

Мнѣ никак не укладывалось в голову, что Нашто-Верх, в своих огромных занятіях по веденію войны и управленіями миллионными арміями, может удѣлять время таким мелочам и, пользуясь благожелательством ко мнѣ генерала, спросил об этом. М. В. ухмыльнулся в свои усы и отвѣтил:

«— Мнѣ приходится вникать и в мелочи. Видите ли Свѣчин, скажу совершенно откровенно, знаю, что многіе осуждают меня в недовѣрчивости, что дѣлаю работу помощников, кои также добросовѣстно относятся к своим обязанностям; все это я знаю, а все же перегружаю себя и иначе не могу. Было бы у меня время — поговорили бы, а теперь скажу лишь, что не причисляя себя к талантливым, кои схватывают все на лету, мнѣ, для работы и рѣшеній, нужно самому во все вникнуть».

Много прошло времени послѣ этого разговора бывшаго в декабрѣ 1915 г., но мнѣ теперь припомнился, как характеризующій личность этого скромнаго, незауряднаго работника, добросовѣстно выполнявшаго, всю жизнь, возлагаемая на него обязанности.

Теперь, в Новочеркасскѣ, мнѣ пришлось нѣсколько раз повидать и бесѣдовать с ген. Алексѣевым. В первый же раз он произвел на меня впечатленіе уставшаго и с виду очень постарѣвшаго человѣка. Между тѣм ему было лишь 61 год, т. е. далеко не преклоннаго возраста. Чувствовалось, что пребываніе на отвѣтственном посту, гдѣ он в сущности был во главѣ вооруженных сил страны, в період тяжелой и небывалой еще, по размѣрам войны; принятія государственных рѣшеній, перед отреченіем Государя; дальнѣйших переживаній революціи, — все это наложило свою тяжелую руку на его здоровье и психику. Болѣя за все душой у него было желаніе — дѣйствій и работы, а сил уже было мало.

К сожалѣнію, в эмиграціи теперь слышатся обвиненія этого скромнаго труженика и работника, что он был во главѣ группы желавшей удаленіе с Престола Государя, чему я лично повѣрить не могу. Конечно это утвержденіе идет от лиц, хотя и близко стоявших к Трону, но ровно ничего не сдѣлавших, а затѣм в Бѣлом Движеніи активнаго участія не приняли и цѣлью их было лишь личное спасеніе.

Ген. Алексѣев познакомил меня с обстановкой начала формированія Добровольческой Арміи; жаловался, что приходится быть крайне экономным, т. к. денежных средств до смѣхотворности мало и приток их не утѣшителен. Вот говорил он: — «Недавно пріѣзжали ко мнѣ делегаты из Москвы, от нашего «Московского Центра», полностью обѣщали помощь; даже выражали желаніе организовать гражданское Управленіе при формирующейся нашей Арміи, хотя, для этого у нас и территоріи не было. Я их благодарил, но просил, в первую очередь, оказать помощь — сбором денег, направленіем людей для формированія частей и если возможно, снаряженія. Разстались мы дружески».

В это время, Алексѣев видимо был еще в полной увѣренности, что «Московскому Центру», который был опредѣленно настроен патріотически, удастся наладить помощь, хотя бы денежными средствами. Но поднять на жертвенность оказалось не по силам и, впоследствии, Алексѣев жаловался, при встрѣчах со мной, что от обѣщаній и слов далеко не ушли.

Представленіе и бесѣда с Атаманом Калединым.

Находясь в столицѣ Донской области, я явился к Атаману А. М. Каледину в его пріемные часы. В то время в Новочеркассک прибывало не мало людей и Атаман принимал всѣх желающих ему представиться и повидать. На пріемах бывало много представляющихся и Атаман, войдя в залу, обходил пришедших. Мнѣ раньше не приходилось встрѣчаться с Калединым, но, конечно, я зналъ о его блестящих дѣйствіях на войнѣ, как рѣшительнаго, знающаго, образованнаго и дѣятельнаго начальника, продѣлавшаго войну от Начальника дивизіи до Командующаго Арміей. Я стал в общей группѣ и, когда Атаман подошел ко мнѣ, назвал свой чин и фамилію. Атаман прислушался к моему имени и просил, по окончаніи им обхода, зайти к нему в кабинет.

Войдя в кабинет, мнѣ сразу бросилась в глаза его строгая, печальная задумчивость; как будто бы его мысли были гдѣ то далеко. Прося меня сѣсть, он с минуту молчал, а затѣм спросил: «Если не ошибаюсь, Вы женаты на дочери генерала Клунникова?» На что я отвѣтил утвердительно.

Дѣйствительно, мой тестъ Н. І. Клунниковъ, принадлежалъ къ старинной казачьей фамиліи, прослуживъ въ Л-Гв. Атаманскомъ полку, затѣмъ служилъ на Дону, сперва адъютантомъ у Донскихъ Атамановъ, въ томъ числѣ у кн. Святополкъ-Мирскаго, будущаго министра Внутр. Дѣлъ, былъ атаманомъ Таганрогскаго округа и былъ избранъ еще до войны членомъ Государственнаго Совѣта отъ Донскихъ землевладѣльцевъ и, потому, былъ хорошо извѣстенъ въ дѣшнемъ краю. Находясь въ Петроградѣ, онъ, въ октябрѣ, незадолго передъ выступленіемъ большевиковъ, успѣлъ вывести свою жену и мою семью въ Новочеркасск. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что здѣсь коммунисты получатъ отпоръ и власть ихъ сюда не доберется. Но его больное сердце не выдержало всѣхъ событій и переживаній и, вскорѣ, по пріѣздѣ сюда, 9 декабря 1917 г. онъ скончался отъ паралича сердца и я не засталъ его въ живыхъ.

Получивъ мой отвѣтъ, А. М. Каледин, послѣ небольшой задумчивости, сказалъ мнѣ: «Я радъ, что познакомился съ Вами и хочу высказать, что цѣнилъ Вашего тестя; онъ былъ настоящій не только казакъ, но и стойкій русскій. Мнѣ очень жаль, что смерть лишила очень полезнаго сотрудника».

Поблагодаривъ за теплыя слова, я, въ свою очередь, предложилъ, если буду нуженъ, свою помощь и просилъ информировать меня объ обстановкѣ.

Онъ снова задумался и не торопясь высказалъ:

«— Не трудно очертить тяжелѣе положеніе, въ которомъ мы находимся, всѣмъ извѣстно, что мы окружены надвигающимися на насъ карательными отрядами, но нужно вникнуть въ психологію казачковъ въ переживаемое время. Вотъ съ мѣсяцъ назадъ, я объѣзжалъ всѣ округа области; всѣ меня радушно, не только наружно, но искренно привѣтствовали, а теперь, когда я призываю къ защитѣ края отъ надвигающейся на насъ грозы, мои распоряженія не выполняются. Возвращаются съ фронта наши казачьи части, приходятъ къ намъ, какъ будто въ порядкѣ, со своими офицерами, но тотчасъ расходятся по своимъ станицамъ, не желая принять участіе въ защитѣ. Вотъ и разберись въ причинахъ: не то усталость отъ тяжелыхъ переживаній на войнѣ — хочется домой; не то увѣренность, что большевики оставятъ ихъ спокойно жить въ своихъ хуторахъ и станицахъ; непониманіе сущности захватившей въ Россіи — власти, которая захлестнетъ ихъ также, какъ всю страну и т. д. Между тѣмъ нельзя пропустить время: что намъ возможно сейчасъ, то будетъ трудно, если не невозможно потомъ, когда сама власть установится, организуется сформировываетъ вооруженную силу, для направленія на насъ».

Онъ замолчалъ.

Не зная можно ли мнѣ дольше занимать время Атамана, я, что бы прервать наступившее молчаніе, обратился съ вопросомъ:

«— А все же газетные листки, продающіеся на улицах города, описывают и теперь подвиги частей, на подступах к городу, отбивающих напор красных банд.

«— Так вѣдь это же горсточки мужественныхъ людей, в большинствѣ молодежи, чуть ли не дѣтей», — с горечью отвѣтил Каледин; — «почти каждый день мнѣ приходится провожать в лучший мір убитыхъ юныхъ партизан. Фронтовые же казаки отсутствуют, хотя старики-казаки и стыдятъ ихъ».

Я встал, что-бы откланяться. На прощанье, Атаман сказал:

«— Сейчас не могу воспользоваться Вашимъ предложеніемъ о помощи, но если обстановка измѣнится, то, безусловно, обращусь и воспользуюсь Вашимъ опытомъ и знаніями».

Мы распрощались. На меня все это произвело грустное впечатлѣніе. Каледин глубоко переживал драму происходящую в душахъ казаков. вмѣстѣ с тѣмъ ему хотѣлось вѣрить и онъ зналъ, что болѣзнь кончится, близкіе его сердцу, родные ему по крови Донцы отрезвятся, но его тревожилъ вопросъ — когда это произойдетъ? Сколько времени понадобится на выздоровленіе? Не будетъ ли поздно, когда большевики окрѣпнутъ...

Обстановка на Дѣнскомъ фронтѣ. Самоубійство Каледина.

Между тѣмъ положеніе в районѣ Новочеркасска и Ростова с каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе тревожнымъ. Большевики направляли на уничтоженіе — «Гидры контр-революціоннаго гнѣзда на Дону», гдѣ к тому же формировалась армія, для борьбы с ними и куда собрались «Быховскіе узники» с Корниловымъ во главѣ.

Каледин понимал, что предоставляя здѣсь пріютъ, для формированія Добровольческой Арміи, онъ тѣмъ еще болѣе навлекалъ на себя ярость коммунистовъ, но онъ былъ не только Донской Атаманъ, но и глубокопонимающій обстановку — Русскій патріотъ. И, несмотря на протесты нѣкоторыхъ мѣстныхъ политикановъ, шелъ рука объ руку с Алексѣевымъ и Корниловымъ, для оказанія отпора захватчикамъ власти в Россіи.

Сужающееся кольцо, наступавшихъ на Донъ красныхъ, дѣлало проникновеніе сюда лицъ, для усиленія защитниковъ, все труднѣе. Но нельзя и скрыть того, что массы офицерства, оставшіяся свободными отъ саморазбѣгающагося фронта, оставались глухи к призывамъ идти на защиту Родины. Правда, по разнымъ обстоятельствамъ, многимъ откликнуться было трудно, а иногда и невозможно, но всеже большинство предпочитали: или скрываться, или бѣжать в районы куда новая власть еще не распространилась, или стараться проникнуть в мѣста оккупированныя нѣмцами.

Это не давало нужного притока в формирующуюся Добр.-Армію, в командованіе которой вступил Корнилов.

Вмѣстѣ с тѣмъ организація осложнялась тѣмъ, что одновременно нужно было вести борьбу, для защиты послѣдняго уголка на Дону, гдѣ происходило формированіе. А сила ея едва достигала, вмѣстѣ с прибывшими кадрами Корниловскаго ударнаго полка, нѣсколькихъ тысячъ с нѣсколькими орудіями; правда отборныхъ и жертвенныхъ воиновъ.

Оборона со стороны Харькова, Воронежа и Донецкаго угольного района лежала на казачьихъ партизанахъ, а с юга и Таганрога — на добровольцахъ. Всего этого, конечно, было недостаточно, при скудномъ снаряженіи и при самой скудной медицинской помощи.

Къ концу января 1918 г., обстановка приняла катастрофическій характер. Смѣлѣй казачій партизанъ есаул Чернецовъ, защищавшій подступы с сѣвера къ Новочеркасску, былъ зарубленъ, отрядъ его почти уничтоженъ. Появился измѣнникъ, войсковой старшина Голубовъ, собравшій своими посулами нѣсколько сотъ казаковъ с которыми передался краснымъ. Новочеркасскъ оставался почти беззащитнымъ.

Приближалась агонія послѣдняго пункта, столицы края и его управленія. На засѣданіи Донскаго Правительства, 29 января 1918 года, гдѣ шли безконечные разговоры, Атаманъ не выдержалъ сказалъ: «Довольно болтовни». Вышелъ в сосѣдную комнату, откуда раздался выстрѣлъ.

Сердце прославленнаго начальника на войнѣ и воля рѣшительнаго Атамана — не выдержали.

Бросать свой постъ, скрываться — Калединъ не считалъ для себя возможнымъ, но и попадать въ руки большевикамъ — не хотѣлъ.

Выстрѣлъ этотъ разнесся по всему казачьему краю, какъ будто встрепенулъ казачьи сердца, но, увы! порывъ былъ недолгій, сдача краснымъ была неминуема.

Бесѣда с новымъ Атаманомъ Ген. А. М. Назаровымъ.

Находившіеся в Новочеркасскѣ члены «Донскаго Круга», избранныки казаковъ, выбрали Донскимъ Атаманомъ Ген. Назарова. Избрать новаго Атамана «Кругъ» еще могъ, но авторитета, что-бы призвать казачью массу, даже в минуту отрезвленія, послѣ выстрѣла Каледина, для выполненія долга защиты своего края, не оказалось.

Положеніе защитниковъ на всѣхъ направленіяхъ было безнадежно.

Добр-Армія должна была покинуть Ростовъ и идти на Кубань, гдѣ пытаться войти въ связь съ Кубанцами, если большевистская, власть еще туда не проникла.

Новый Атаман Анатолий Михайлович был мне знаком. Я по-видался с ним и поздравил его с избранием в Атаманы и отдал ему должное его мужеству принять должность в такое трагически-безнадежное время. Он горько улыбнулся и ответил:

« — Отказаться я не мог, это было бы трусостью с моей стороны и не достойно русского воина, а ты меня знаешь и поймешь. Пока остается, хоть клочек казачьей, свободной земли, кто-то должен принять Атаманскую булаву! Жребий пал на меня, хочу думать, что Господь даст мне силы выполнить свой долг. Избрание, для меня, — есть обреченность. Чтобы не случилось, я не имею права покинуть свой пост, я должен оставаться, а сам знаешь — что меня ждет!.. »

Я крепко обнял Анатолия Михайловича, чувствовал как и мои сверстники по Академии, — Н. Н. Духонин, не оставивший свой пост в Ставке (в Могилеве), после бегства Керенского, был разтерзан и А. М. Крымов, который вел конный корпус, по приказу Корнилова на Петроград, против провокации Керенского и, после своей неудачи, застрелился в его кабинет, — все они не побоялись смерти, выполняя свой долг! Теперь видимо очередь за скромным и жертвенно понимающим свой долг А. М. Назаровым.

«Знаю и верю, что поступишь — как подскажет совесть, но не сможешь ли вывести оставшихся в живых партизанов и защитников? — спросил я. — Мне стало известно, что и Добр-Армия уходит в направление на Кубань».

— «Об этом я, конечно, подумал, сказал Назаров, нельзя же оставлять их на растерзание этих изуверов, конечно, ждет их не плен, а смерть, да к тому-же и мучительная. Поэтому, я приказал назначенному мной Походному Атаману, ген. Попову, к небольшой кучке казаков с 2-я орудиями присоединить Чернецовских и Семилетовских партизан, да и всех желающих с ними выступить. Отряду быть готовым выступить, по моему указанию, в направление Задонских зимовников».

Затем прибавил:

— «Полагаю, что завладев Новочеркасском, озлобленная банда, не остановится перед зверствами, а потому, если хочешь и у тебя нет других намерений, могу переговорить с Поповым, для включения и тебя в этот отряд».

Откровенно говоря, я об этом совершенно не подумал, хотя вероятно напомнив о себе Алексею, последний предложил бы уходить с ним, но т. к. Назаров любезно предлагает уходить с отрядом Попова, то я, поблагодарив Назарова за заботливость обо мне, согласился.

Через 1-2 дня встретившись со мной он передал: «Все устроено. Но приготовься к самому спартанскому обиходу. Нет ни обоза, ни востовых. Тебе будет предоставлена верховая лошадь с ка-

зачѣм сѣдлом, в сумы котораго бери, что надо. О выступленіи отряда тебѣ будет дано знать Начальником Штаба отряда, полк. Сидориным».

Послѣ этого мнѣ больше не пришлось видѣть Назарова, но я надѣялся, что Назарова убѣдят выступить с отрядом Попова, а не оставаться; как мнѣ сказали приготовленная ему лошадь была ему подана при выступленіи отряда, но он отказался.

Взятіе красными Новочеркасска. Гибель Назарова. Грабежи и разстрѣлы. Жизнь в городѣ под большевиками.

Я оставался в Новочеркасскѣ, поджидая распоряженія о выходѣ отряда Походнаго Атамана Попова. Положеніе на фронтѣ вокруг города становилось угрожающим, большевики были в десяти верстах.

Прождав дома все утро 12 февраля, я днем вышел пройтись. Меня поразила малолюдность на улицах. Не встрѣчая знакомых, подойдя к Собору увидѣл поднимающійся на гору — конный отряд. Оказалось, что войск. старшина Голубов, собрав нѣсколько сотен казаков, передался с ними на сторону большевиков, помог им овладѣть городом и входил в него. Я бросился в зданіе офицерскаго собранія — узнать в чем дѣло? Здѣсь мнѣ сообщили, что отряд Попова узнав о подходѣ красных казаков Голубова, спѣшно оставил город. Видимо меня не успѣли или просто забыли увѣдомить.

Всѣ жители попрятались. Положеніе мое стало печальным: одному, пѣшком уходить в незнакомыя мнѣ станицы — было неблагоприятно, оставаться же, значит попасть в лапы красных — неутѣшительно. Вернувшись домой, рѣшил покориться судьбѣ, предупредил семью, начал припрятывать свои военные атрибуты и просил жену, что возможно спрятать. Ночь, для нас, прошла благополучно.

Донской Атаман, ген. Назаров, не покинул своего поста и отказался выступить с Поповым. По входѣ в город красных, Назаров пошел в зданіе, гдѣ засѣдали члены «Донскаго Круга», что-бы принять мѣры по защитѣ населенія от эксцессов.

Во время засѣданія «Круга» в залу ворвался Голубов с толпой «товарищей комиссаров» и крикнул: «Встать, когда входит государственная власть!» Всѣ депутаты встали, один Назаров продолжал сидѣть «А ты кто такой?» крикнул Голубов. Продолжавшій сидѣть Назаров спокойно отвѣтил: «Я, избранный донским казачеством — Донской Атаман!» Но Голубов схватил его за погон, сорвал его, приказал увести, гдѣ в скорости он был разстрѣлян.

(Эту тяжелую сцену я привожу со слов быв. члена «Круга» генерала С. Д. Позднышева, здравствующаго в Парижѣ во главѣ союза Инвалидов).

Со слѣдующаго дня пошли грабежи по домам и квартирам, группами банд, добравшихся до «осинного гнѣзда гидры контр-революціи!»

В городѣ, как я потом узналъ, осталось не мало казачьих генералов, офицеров и лиц из Администраціи по Управленію краем. Мнѣ, постороннему на Дону человѣку, было непонятно, как они имѣвшіе в большинствѣ связь со станицами и хуторами, рискнули остаться и не уйти? Видимо еще не было опыта и не представляли себѣ могуція быть звѣрства.

С грабежами пошли и разстрѣлы. Среди погибших я лично зналъ ген. Ивана Давыдовича Орлова, быв. ком. Лейб-Казачьяго полка и начальника Атаманской канцеляріи ген. Туровѣрова. Орлова остановили на улицѣ, он был в полушубкѣ, без погон, и не спросивши — кто он, тут же пристрѣлили. За нѣсколько дней до прихода красных я его спрашивал, что он предполагает дѣлать? На что получил отвѣтъ: «Куда мнѣ старику бѣжать, да и кому я нужен!..» К Туровѣрову ворвались в квартиру и разграбили; жена, через окно, убѣжала в сад, а больного старика Туровѣрова прямо растерзали. По городу шли разстрѣлы — кого и гдѣ попало. Городскіе поддонки водили банды грабителей указывая дома, гдѣ могла быть добыча. Все происходило при полном попустительствѣ новой власти.

В трагическом положеніи оказались лежавшіе в госпиталях раненные портизаны, в большинствѣ молодежь среди которых были мальчики-кадеты-гимназисты. Кого можно было забрали родные, друзья и просто добрые люди. Но были с тяжелыми раненіями, немоущіе быть перевезенными и в безсознательном состояніи, которые остались на излѣченіе. За этими несчастными пригнали грузовики, на которые их побросали, как дрова, свезли в свалочное мѣсто, куда сваливали их, частью добывая, а частью оставляли умирать в мученіях.

Я, со своей семьей — женой и малолѣтним сыном, нанимал часть помѣщенія в особнячкѣ адвоката Башмакова. Вид этого небольшого дома, в центрѣ города, был, как говорилось — буржуазный, этим он привлек грабителей. На второй день раздался стук в дверь. Башмаков, заглянул в окно и крикнулъ, что он адвокат, ни в какой борьбѣ не участвует, оружія не имѣет, поэтому пусть уходят, дверей не откроет. Но это на них не произвело никакого впечатлѣнія, они взломали дверь и ворвались. Наши дамскія обитатели дома с дѣтьми, конечно, обезумѣли и убѣжали в дальнія комнаты, горничная жены спрыгнула со 2-го этажа в сад. Башма-

ков и я остались. Покамест грабители рылись, ко мнѣ подошел звѣрскаго вида матрос, направил на меня наган и заявил, что, по моему одѣянію, я офицер. На мнѣ был френч без погон. Потребовал оружія и денег. Я отвѣтил, что только что вернулся с фронта, оружія и денег у меня нѣтъ. В это же время Башмаков взял телефонную трубку и начал, кому-то говорить о грабежѣ у него. Матрос, предводитель шайки, смутился — кому и куда Башмаков жалуется? Заторопил своих товарищей, говоря, что оружія не найдено и нужно уходить. Банда убралась. Башмаков торжествовал: «ловко я их дураков напугал» — говорил в пустую ни с кѣм несоединенную трубку. Обошлось довольно благополучно. Из туалетнаго стола жены успѣли стащить двѣ с небольшим тыс. рублей, почему то, прихватив мой академическій значек, который я забыл спрятать и что-то из вещей. У Башмакова успѣли захватить, кромѣ мелочей, пишущую машинку.

Поломанная входная дверь и выбитыя стекла в нижнем помѣщеніи, в дальнѣйшем, оказались нашим «иммунитетом,» как бы охраняя нас, показывая вора́м, что обыск сдѣлан и взято что можно.

Затѣм по городу начались аресты уже по ордеру новых властей. Как не здѣшній, я ни в какой список как будто не попал. Но все-же, через недѣлю приходят два красноармейца, которые повели меня в Атаманскій дворец, по требованію комиссара по борьбѣ с контр-революціей. Здѣсь поставили меня в очередь тянущейся через загаженныя комнаты дворца. Часа два с лишним пришлось мнѣ дожидаться своей очереди с мучившими меня мыслями, — какая участь меня ждет.

Наконец моя очередь. Вхожу, в комнатѣ сидит в кожаной курткѣ, при револьверѣ, властитель судеб обитателей города, видимо, подбалдѣвшій, держит телефонную трубку куда несется его ругань, что ему не дают работать и т. д.

—«Да что вам нужно? — Не отрываясь от трубки, спрашивает он.

—«Мнѣ ничего!»

—«Так какого черта вы лѣзете ко мнѣ?»

Конечно, я не стал испытывать терпѣнія новаго властителя и вышел, конвоиров моих не было видно. Вернулся домой, гдѣ с тревогой ждала меня жена. Хороши «порядки», подумал я, с облегченным сердцем: вызывают, под конвоем приводят, не спрашивают — ни мою фамилію и кто я? Остался я в невѣдѣніи — зачѣм меня вызывали?

Заняв Новочеркасск и Ростов, власть держала под угрозой разстрѣла жителей, в глубь края проникать не рѣшалась, лишь письменно требовала присылки продуктов питанія, кои почти не приходили в города. Высылались карательныя отряды. Посылка

далеко вглубь была затруднительна, требовала больших сил, поэтому страдали ближайшія станицы. Эти же станицы, под видом распоряженія властей, наводнялись и самочинными шайками грабителей. Все это вызывало ненависть казаков ближайших округов. Но рано или поздно должно было вызвать и общій взрыв, который и произошел начиная из ближайшей к Новочеркаску станицы Кривянской.

ВСТУПЛЕНИЕ В БОРЬБУ КАЗАКОВ.

Начало возстанія. Организація борьбы.

Негодование на водворившуюся власть все росло; новая власть не только не умѣла, а просто не приняла никаких мѣр для организаціи питанія горожан. Подвоз из станиц и деревень прекратился, базары опустѣли. Жители богатаго продуктами питанія края — стали голодать. Казаки и крестьяне неувѣренные, что их продукты будут реквизированы или просто отобраны, не везли на продажу. Не приняв мѣр, большевики усилили реквизиціи посылкой вооруженных отрядов, что окончательно возмутило казаков.

Находящаяся в 4-5 верстах от Новочеркасска, станица Кривянская больше всего страдала от реквизицій и самочинных шаек. В концѣ Марта, казаки этой станицы прогнали пріѣхавших за продуктами. А появившійся отважный есаул Фетистов, собрал 300-400 казаков своей станицы, повел их на Новочеркассск, с налету захватил город. Красные властители со своими охранительными отрядами — бѣжали в Ростов.

Радость в городѣ была всеобщая. Но нужно удержаться. Между тѣм, казаки сдѣлав свое дѣло, кромѣ двух-трех десятков болѣе старых казаков, вернулись в свою станицу.

Кому то нужно было организовать оборону. Я примкнул к нѣкоторым уцѣлѣвшим казачьим начальникам и офицерам. Мы собрались в Атаманском дворцѣ, опустѣвшем от сбѣжавшей красной власти. Образовался центр вродѣ штаба. По городу расклеили призыв отстоять город. К вечеру нас собралось до 300 из бывших офицеров и оставшіеся Кривянскіе казаки. Появился казачій политическій дѣятель и член Войского Круга, Георгій Петрович Янов, взявшій на себя организацію гражданской власти. Во главѣ обороны стал немолодой казачій полк. К. С. Поляков. Послѣдній видимо, был мужественный казак, назвал себя «Главкомандующим» нашим отрядом, но в отдачѣ распоряженій был слабоват. Янов обратился ко мнѣ, как быв. офицеру ген. штаба, помочь, я согласился.

Из городского арсенала удалось достать винтовки и патроны, чѣм и вооружились. Для обороны были составлены три отряда

под командой каз. офицеров. Болѣе сильный на юг на пол дороги к Ростову, куда бѣжали красные главари; другую на сѣвер к угольным копям, рабочіе которых были наиболѣе преданными новой власти; наконец самую слабую на запад; на востокъ была наша спасительница Кривянка. Для поддержанія в городѣ порядка были поставлены караулы — к водокачкѣ, электрической станціи и т. д.

Понятно, наши слабыя силы едва ли смогли бы удержать город, но нужно было показать примѣр, что пока красные еще не организовались — мы можем давать им отпор.

Наша горсточка, оборонявшая со стороны Ростова, несла потери, но мужественно задерживала красных, пока к вечеру четвертаго дня не была обойдена с обоих флангов в районѣ станицы Аксайской и вынуждена отойти к окраинам города.

Оставаться в городѣ, послѣ всего пережитого раньше, а теперь особенно из-за озвѣрѣлых красных — было невозможно. Отходить можно было лишь через Кривянку, но и к ней приходилось добираться кружным путем.

Собравшіеся в Атам. дворцѣ, во главѣ с «Главкомандующим» К. С. Поляковым, Г. П. Яновым и др. рѣшили идти пѣшком в станицу Кривянскую. Разослав распоряженіе с указаніем собираться в этой станицѣ и захватив приготовленную сумку с кое-какими вещами, я побѣждал догонять ушедших. Оказалось, что нашелся казенный автомобиль с шофером казаком не ушедшим с бѣжавшими комиссарами. Водружившись в него и пригласив и меня, всего до десятка человек, мы поѣхали в указанную станицу.

Уже стало совсѣм темно, когда мы добрались до Кривянки, гдѣ Атаман станицы гостепріимно принял нас, угостил чаем со свѣжим бѣлым хлѣбом, что уже для нас в городѣ сдѣлалось рѣдкостью. Хотя распоряженіем большевиков Атаманы замѣнялись «сельсовѣтом», но в большинствѣ станиц это не было выполнено, даже здѣсь в ближайшей к Новочеркасску станицѣ. Все же здѣшній Атаман, из-за близости к городу, рекомендовал нам перейти далѣе верст на 15-20 в станицу Заплавскую, для перевозки собрал нѣсколько подвод. Поздно ночью, мы усталые добрались в Заплавы, гдѣ устроились спать на столах станичной школы.

Еще не разсвѣтало, как мы были разбужены набатом церковнаго колокола. Атаман станицы собрал своих казаков, для рѣшенія в виду нашего прибытія — как быть?

Станичный сбор рѣшил немедленно собрать от станицы пѣшую дружину и не допускать сюда красных.

За подписью «Главкомандующаго» полк. К. С. Полякова, были разосланы распоряженія в ближайшія станицы: Безсергѣевскую, Богаевскую и др. с требованіем мобилизовать по пѣшей дружинѣ. Образовался отряд в нѣсколько тысяч, который уста-

новил фронт обороны против Новочеркасска; мы всё, для примѣра казакам, рѣшили по очереди находиться при станичных дружинах. Гдѣ пришлось выдержать ряд попыток красных отрядов опрокинуть наши дружины, причем одна очень жестокая при участіи артиллеріи противника. Чему мы могли противостоять лишь огнем винтовок.

Заплавская станица явилась центром и ядром, к которым начали присоединяться возстающіе.

Короткій налет казаков есаула Фетисова Кривянской станицы дал повод образованію в Заплавской станицѣ первоначальнаго очага возстанія Донских казаков.

Радіо, в то время, у нас не существовало и мы не знали что происходит не только в мірѣ, но и в ближайшем окруженіи. Питались слухами, часто разнорѣчивыми. Разослали гонцов и развѣдчиков. Начали получаться свѣдѣнія о возвращеніи с Кубани Добр-Арміи, которая подходила к Задонским станицам. Связались с отрядом Походнаго Атамана ген. Попова. Послѣдній, узнав о нашем возстаніи казаков, из Сальских степей и Зимников подтянулся к среднему теченію Дона. Начали доходить данныя о занятіи нѣмцами Кіева и продвиженіи их к востоку.

Хотя у нас собралось болѣе пяти тысяч пѣших казаков и нѣсколько сотен конных и мы были сильнѣе чѣм отряд ген. Попова, но послѣдній представлял из себя преемственную, законную власть, мы донесли ему о себѣ и о сложившейся у нас обстановкѣ, предоставили себя в его распоряженіе.

Ген. Попов, со своей стороны, дал освѣщеніе о других мѣстах области, предложил вступить в командованіе нашей Заплавской группы — полк. ген. штаба казаку С. В. Денисову, которому держать установленный фронт против Новочеркасска, не допуская большевиков вглубь области. Наш «Главкомандующій», получив благодарность, — отзывался. Денисов, с которым я был дружен и оцѣнил в наших дѣйствіях его скромность, уговорил меня не покидать его. Я, как не казак, отказывался от каких либо назначеній, но оставаясь при отрядѣ помогал чѣм мог.

В дальнѣйшем я не буду описывать наших боевых дѣйствій, сперва оборонительных, а затѣм об атакѣ и взятіи Новочеркасска на второй день Пасхи, 23 апреля 1918 г. (ст. ст.), т. к. с этого времени наши дѣйствія вошли в исторію и достаточно освѣщены в печати.

За время походной и боевой эпопеи я сблизился с казачеством и был избран Ольгинской станицей почетным казаком.

Теперь, вспоминая давно минушія событія, в описанных Заплавах, всё дружно встрѣтили П. Х. Попова, тут же оказался и ген. штаба Ив. Ал. Поляков, вступившій в должность нач. штаба отряда Денисова. Никому, да, вѣроятно, и Попову и Полякову, не

могло прийти в голову, что много лѣтъ спустя, они окажутся в Нью-Йоркѣ — как конкуренты и оба будут одновременно Донскими Атаманами.

А в чем же тут дѣло?

Расхожденій — ни политических, ни в любви к Дону у них не могло быть. Оба окончили нашу Академію ген. штаба, оба считают себя русскими и не представляют себѣ Дон иначе как составную часть Россіи. Расхожденіе у них лишь в возрастѣ: Попову перевалило за 90, Полякову около 70-ти, а также участія Полякова на войнѣ, а Попов был начальником военного училища в Новочеркасскѣ.

А сколько вокруг них образовалось злобы и вражды! . .

Гдѣ же причина несогласія?

Полагаю, что несогласіе нужно искать еще со времени избранія на Дону Атаманом популярнаго П. Н. Краснова.

Попов, по избранію Краснова, не получил ожидавшаго себѣ поста Командующим Донской Арміей, вѣроятно, как не участвовавшій на фронтѣ великой войны, перешел на сторону образовавшейся оппозиціи, которая вела злостную пропаганду к сверженію Краснова. А Поляков оставался на посту начальника штаба Донской Арміи вплоть до ухода Краснова с Атаманскаго поста.

Теперь в эмиграціи — вся бывшая оппозиція стоит за Попова, несмотря на то что послѣдній по старости помѣщен в старческій дом. Поляков же поддерживается сторонниками широко извѣстнаго, среди казачества, бывшаго популярнаго Атамана П. Н. Краснова, трагически погибшаго. (Выданный англичанами — Совѣтской власти).

Избраніе Донским Атаманом Ген. П. Н. Краснова.

По взятіи казаками Новочеркасска и к его укрѣпленію при помощи подошедшаго отряда из Бессарабіи полк. Дроздовскаго, в город начали прибывать члены «Войскаго Круга» из освобожденных от большевиков районов области. Т. к. прибывших было еще не достаточно до кворума, то собравшіеся открыли собраніе под названіем «Круга спасенія Дона» и избрали Донским Атаманом Петра Николаевича Краснова. Послѣдній, согласился принять этот пост при условіи, что ему будет предоставлена полная власть, впредь до освобожденія всей области. Послѣ чего он обязуется собрать, согласно общаго положенія, — «Большой Войсковой круг», которому и передаст свои полномочія.

П. Н. Краснов был извѣстен, не только как хорошій военный начальник на войнѣ, но и как военный писатель сотрудничавшій в газетѣ «Русскій Инвалид». В эмиграціи, Краснов получил из-

вѣстность — как романист. Обладая громадной фантазіей, которая привлекала интерес читателя, его книги имѣли большой успѣх и расходились широко. Но та же его фантазія иногда переходила в его жизненные рѣшенія.

В эмиграціонной печати уже отмѣчена дѣятельность Краснова, как Атамана, по устройству власти на Дону и его формированіе казачьей Арміи, которая привела к полному очищенію области от красных, поэтому я не буду на этом останавливаться, но сложившаяся, в это время, на югѣ Россіи, обстановка, ярко выдвинула вопрос о так называемых «оріентаціях», на которых необходимо остановиться, ибо онѣ имѣли большое отношеніе во взаимной работѣ Краснова с командованіем Добр-Арміи и его отношенія с Гетманской Украиной и нѣмецкими оккупантами послѣдней.

Необходимость нѣмцам в полученіи пропитанія изголодавшагося населенію, понудило их к оккупации Украины. Послѣдняя объявилась как самостоятельная Держава под управленіем Петлюры, но у нѣмцев не было увѣренности, что эта власть сможет водворить порядок и этим даст возможность выкачать из плодородных южных губерній — им нужное. Поэтому, помогло и установило на Украинѣ выгодную им власть Гетмана Скоропадскаго.

Положеніе на Западном фронтѣ у нѣмцев еще не внушало опасеній, они занимали Бельгію и сѣверную Францію. Хотя Америка выступила на сторонѣ Союзников, но результат войны еще не был выяснен.

Мнѣнія русских организацій и отдѣльных патріотов — расходились: одни находили, что для сверженія коммунистов нужно опереться на нѣмцев; к этому примкнул политическій дѣятель Милюков; другіе считали, что нѣмцы будут стремиться к захвату продовольствія и части территоріи, а потому ориентировались на Союзников.

Положеніе, в котором оказывался Дон, с подходом к его границам нѣмцев, опредѣляло «оріентацію» Краснова. Сосѣдство нѣмцев обезпечивало с запада границы области и позволяло направлять силы против большевиков. Кромѣ того, на Дону почти отсутствовало необходимое, для боевых дѣйствій — оружіе и снаряженіе. На Украинѣ же оставались цѣлые арсеналы, бывшіе тыловые районы Юго-Западнаго фронта с огромными запасами того и другого. Нужно было как то словчиться добыть это русское оружіе.

Широкая фантазія писателя Краснова, нарисовала ему свое положеніе, как возглавителя сувереннаго государства — Всевеликаго Войска Донскаго. Он написал и отправил с нарочным импер. Вильгельму письмо, как равный равному, гдѣ обращается за помощью в борьбѣ с Москвой. Понятно ни отвѣта, ни результата не

получилось. Лишь дало его недоброжелателям повод к ироническим улыбкам и издѣвательствам.

Добр-Армія, которая вернулась из тяжелого первого похода на Кубань, расположилась в станицѣ Мечетинской, на югѣ области. Для связи с ней Краснов выслал своего представителя ген. Смагина. «Оріентація», стоящаго во главѣ Арміи ген. А. И. Деникина, вступившаго в командованіе послѣ убитаго в бою под Екатеринодаром Корнилова, так и ген. Алексѣева были полностью на сторонѣ Союзников. Нѣмцы продолжали быть для них противником.

Зная полное нежеланіе Деникина входить в какія либо сношенія с Украиной, Краснов предложил свои услуги, через него, обратиться к Гетману Скоропадскому за полученіем всего необходимаго из бывших русских запасов, но получил от Деникина категорическій отказ, имѣть дѣло со ставленником нѣмцев.

Но как быть? Тѣ крохи снабженія, бывшія у казаков и еще меньшія у добровольцев, не давали возможности вести борьбу с красными.

Краснов, не видя другого выхода, рѣшил дѣйствовать самостоятельно. Впослѣдствіи, Краснову удалось получить с Украины и оружіе, и снаряженіе, и частью подѣлиться с Добр-Арміей и, как «романист», говорил: «Я беру с Украины русское оружіе, загрязненное руками врага, смываю его в водах нашего Сѣдого Дона и чистым и непорочным передаю его добровольцам». Но отношенія между Красновым и Деникиным до конца были сдержанными и временами натянутыми.

Командированіе миссіи на Украину.

Формируя свою администрацію на Дону, Краснов предложил мнѣ пост ген.-губернатора гор. Ростова и его округа, что я категорически отклонил, считая, что нельзя лишать природных казаков, лучше знающих свой Край, занимать эти посты. Краснов настаивал и я предложил оставить меня при нем, для могущих быть порученій, считая себя не вправѣ уклоняться от работы в тяжелое время для Родины.

Вскорѣ такая работа представилась. Необходимо было послать на Украину миссію, для установленія связи с Гетманским правительством и полученія от него нужнаго нам. Краснов знал, что я хорошо знаком со Скоропадским, когда командовал Кирасирами он был мой нач. дивизіи, был с ним на «ты», поэтому просил меня возглавить посылаемую миссію, а по окончаніи ея работ, остаться при Гетманском правительствѣ на роли представителя, «посла» от Дона. На возглавленіе миссіи я согласился, а на мѣсто «посла» предложил назначить мнѣ в миссію ген. Черячукина казака, хоро-

шо извѣстнаго, который и останется там, послѣ окончанія работ миссіи.

Широкая фантазія Краснова придала миссіи историческое названіе: «Зимовая станица Всевеликаго Войска Донскаго в Кіевѣ». Так назывались в былое время делегации с Дона в Москву.

Послѣ двух-трех засѣданій у Атамана со мной и в присутствіи: ген. А. П. Богаевскаго, как Предсѣдателя Донск. Пр-ства, ген. Денисова — Управляющаго военн. Отдѣлом (министерства у Краснова были названы Отдѣлами) и ген. Черячукина были выработаны задачи возложенныя на нашу миссію:

1. Установить добрососѣдскія отношенія с Украиной.
2. Добиться полученія оружія из быв. складов Юго-Зап. фронта.
3. Не препятствовать проѣзду на Дон (в скрытном видѣ к добровольцам), быв. военных, чему препятствовали нѣмцы, не желая усиленія Добр-Арміи.
4. Не допускать попыток Украинских властей занять Таганрог.
5. Наладить жел.-дор. сообщеніе.
6. Хозяйственная часть по обмѣну товаров.

В состав моей миссіи, кромѣ ген. Черячукина, были приданы — Управляющій Отдѣлом Путей Сообщенія, чиновник из Отдѣла Торговли и, по дипломатической части — быв. наш консул в Стокгольмѣ Карасев.

КОМАНДИРОВКА В КІЕВ.

Путешествіе миссіи и прибытіе в Кіев.

Порученное мнѣ возглавленіе миссіи, для поѣздки в Кіев, меня сильно озабочивало. Работа предстояла чисто дипломатическая, совсѣм не в моем характерѣ — живом и вспыльчивом. Я предпочитал бы выполненіе боевых порученій, в настоящее время шли жестокіе бои: в сѣверном направленіи на Воронеж и на восточном на Царицын, для освобожденія области; успѣхи казакам давались не легко и стоили не мало крови, недостаточность снаряженія и боевых припасов сказывались.

Небольшим утѣшеніем мнѣ было, как можно скорѣе выполнить данное нам заданіе — полученія боевого снаряженія, для борьбы.

В первых числах Мая 1918 г., что бы откланяться с Атаманом, миссія собралась у него во дворцѣ со мною в составѣ: ген. Черячукина, быв. консула Карасева, Управляющаго Отдѣлом Путей Сообщенія и представителя Отдѣла Торговли (фамиліи послѣдних двух — не могу припомнить; в нашей работѣ буду называть, перваго «министром», а втораго «купцом»). Получив пожеланіе в выполненіи нашей задачи, П. Н. Краснов напутствовал на добрый путь и мы отправились на вокзал, гдѣ к поѣзду, для нас, был прицѣплен вагон 1-го класса. Воспользоваться которым мы могли лишь недалеко: мост через р. Міус, протекавшим между Ростовым и Таганрогом, еще в началѣ февраля, был взорван отходящими частями добровольцев, при оборонѣ Ростова от наступавших большевиков; так и неисправленный послѣдними, несмотря на два с половиною мѣсяца их владычества здѣсь; лишь только теперь было приступлено к его исправленію казачьей властью.

Благодаря тому, что в нашей миссіи состоял Управляющій Путиами Сообщеній, который своевременно снесся по телеграфу со своим коллегой Украинским министром Сообщеній, мы получили комфортабельный вагон-салон, ожидавшій нас на другой сторонѣ р. Міуса, через который мы должны были перейти по временно устроенному мостику. Это нас порадовало, т. к. пассажирское движеніе только начинало налаживаться и нам предстояло не мало

пересадок на узловых станціях. Несогласованность расписанія поѣздов удлиняло наше путешествіе, но находясь в удобном вагонѣ не представляло бѣды, давало нам время переговорить о предстоящих нам работах, а мнѣ распредѣлить роли участников нашей миссии.

Кромѣ представленія Гетману и посѣщенія властей, куда приходилось ѣздить всей миссіей, я предоставлялъ нашему «министру» самостоятельно вести переговоры относительно согласованія работы жел-дорог, которое осложнялось тѣм, что перерѣзанныя между Украиной и Доном, онѣ лишились своих Управленій и мастерских; а нашего «купца», — вести переговоры по всѣм хозяйственным вопросам торговли и товаро-обмѣна. Я оставлялъ за собой, с помощью Черячукина, добиваться главнаго для нас — полученія необходимых нам боевых матерьялов и снаряженія, для веденія войны.

Тягостно пережив минувшія событія на Дону, мы сейчас отдыхали и сердце радовалось весенним дням, когда природа — чуждая нашим невздам — входила в свои права, в богатой черноземной полосѣ нашей Родины: поля зеленѣли, деревья одѣвались листвою и всѣ, пронесившіяся перед нашими глазами, селенія и деревни — утопали «в вишневых садочках», покрытых бѣлыми цвѣточками — прекрасной Украины.

Я хорошо знал этот благословенный, южный край. Моя мать, урожденная Савенко, была «хохлушка», дочь Екатеринославскаго помѣщика и мои лѣтнія вакаціи я проводил в имѣніях ея и моих дядей, в нашей милой Малороссіи, как назывались южно-русскія губерніи. Я лично не говорил по малорусски, но отлично понимал и любил слушать этот пѣвучій язык, которым говорили крестьяне, в то время не испорченный и не заполненный иноземными словами — нѣмецкаго, венгерскаго и польскаго языков.

На станціях буфеты ломились от продуктов, видимо — ни война, ни хозяйничаніе мѣняющихся властей, ни общая в государствѣ, послѣ революціи, разруха не смогли еще сломить богатый, чудный край. Казалось, дайте покой, не вводите экспериментов, дайте нормально развиваться населенію и эта наша черноземная сила, без всяких чудачеств и без всякаго напряженія прокормит не только нашу Россію, но и не мало останется на вывоз. Можно ли было повѣрить, что через нѣсколько лѣт управленія совѣтчиками, здѣсь окажется такой голод, что милліоны людей будут умирать с голоду, со случаями людоѣдства.

Наблюдая из вагона, все казалось напоминало о моих прежних поѣздках сюда. Бросалось в глаза, особенно на больших станціях, замѣна русских названій станцій — украинскими с массой объявленій, заполнявших стѣны вокзалов на украинском языкѣ. Я спросил сторожа, стоявшаго у вокзальнаго колокола: «о чем тут

пишут?». И получил отвѣтъ: «А хіба того чертяка разуміе, а хлопці дівяться бо москальські пісакі були ліпше. (Да простят мене украинцы, что, быть может, исковеркал их мову).

Прибыв в Кіев, мы, на вокзалѣ, были встрѣчены представителями мѣстных властей. Нам сообщили, что город страшно переполнен пріѣхавшими и бѣжавшими от большевиков, а, потому, найти помѣщеніе, как в гостинницах, так и в частных домах — трудно, но для нас будут приняты всѣ мѣры. Я поблагодарил, но просил оставить нам вагон на путях станціи, гдѣ бы мы могли остаться жить. Просил лишь устроить помѣщеніе, для ген. Черячукина, который остается здѣсь.

Устройством этого обѣщали заняться, как городскія власти, так и военная комендатура. Вскорѣ ген. Черячукин получил в центрѣ города вполнѣ удобное помѣщеніе, куда он и перебрался. Представитель военной комендатуры передал мнѣ, что, по распоряженію из военного министерства, в мое распоряженіе предоставляется автомобиль с солдатом-шофером, который каждое утро будет прибывать к вокзалу, или куда я укажу.

У Гетмана Павло Скоропадскаго.

Раньше всего нам надлежало получить от Гетмана указаніе дня, когда он назначит пріем нашей миссіи. Еще по Петербургу я был знаком с П. П. Скоропадским, командуя Кирасирами Ея Величества, он был моим нач. 1-й гвард. кав. дивизіи. Поэтому, рѣшил сразу поѣхать к нему, как бы с частным визитом, и выяснить день нашего пріема. Своим рѣшеніем я подѣлился с нашими членами, которые одобрили его. Предоставив всѣм воспользоваться сегодняшним днем — сдѣлать свои личныя дѣла в городѣ, повидать своих родных и знакомых, я днем отправился к Гетману.

Послѣдній жил в бывшем особнякѣ Кіевского ген-губернатора, гдѣ и принимал. Он мог бы воспользоваться, по своему положенію «гетмана всея Украины», бывшим императорским дворцом, откуда открывался чудный вид на все Заднѣпровье, но из скромности отказался.

В этом дворцѣ, во время войны, имѣла пребываніе вдовствующая императрица Марія Федоровна, Шеф полка, гдѣ я дважды представлялся Государынѣ и был приглашаем к завтраку, описанному мною ранѣе. Послѣ отреченія Государя и свиданія в Могилевѣ со своим Сыном Императором Николаем II Императрица Марія Федоровна переѣхала в Крым в имѣніе вел. князя Александра Михайловича, женатого на в. кн. Ксеніи Александровнѣ, гдѣ Ей

пришлось провести тяжелыя времена власти большевиков до освобожденія добровольцами. В ноябрѣ 1918 г., по прибытіи союзнаго Флота в Черное море, императрица была вывезена с двумя своими дочерьми Ксентіей и Ольгой и их семьями, на англійском военном кораблѣ в Копенгаген.

Приѣхав к Гетману, я встрѣтил стараго сослуживца по Ген. Штабу в Петербургѣ ген. Владислава Владиславовича Дашкевича-Горбачаго, это избавляло меня от нуднаго объясненія — кто я, зачѣм хочу видѣть Гетмана и т. д. Дашкевич был в курсѣ о нашей миссіи, радушно меня принялъ и провел в пріемную. Я объяснил ему, что мнѣ хотѣлось бы, до офиціального пріема с миссіей, представиться в частном порядкѣ. Дашкевичъ пояснилъ мнѣ, что состоит здѣсь по церемоніальной части у Гетмана (ему видимо хотѣлось сказать на должности министра двора) и он все быстро устроит. Сейчас у Гетмана какой-то пріѣзжій большой Украинскій дѣятель и как только он выйдет, обо мнѣ будет доложено и, вѣроятно, Гетман меня сейчас же пріимет, т. к. на пріемѣ сегодня никого нѣтъ и не будет засѣданія Прав-ства, которое обыкновенно происходит в эти часы под его предсѣдательством.

Я забросал его вопросами об обстановкѣ окружающей Гетмана, используя время когда послѣдній освободится, получить нужную мнѣ информацію. Дашкевич с любезностью давал мнѣ отвѣты, объяснив, что не приглашает меня в свой кабинет, что бы не пропустить время когда освободится гетман, поэтому лучше вести бесѣду в пріемной.

Должность Дашкевича видимо была очень хлопотливой, к нему все время подходили какіе то адъютанты и другія служебныя лица за распоряженіями и указаніями.

Он повѣдал мнѣ, что гетман живет на холостом положеніи, супруга его в совѣтской Россіи и ведутся переговоры, через нѣмцев об ея переѣздѣ сюда. Пока же он устроился, как на походѣ жили наши большіе начальники со своими штабами на войнѣ. За завтраками и обѣдами у него за столом собирается все его ближайшее окруженіе, адъютанты и пр., а также министры и другіе начальники, которые были у него к этому времени с докладами. А, поэтому, за столом у него собираются не менѣе 15-20 чел. Трапезы без церемоній — просты, сытны и далеко не роскошны.

Наконецъ гость вышел, дежурный адъютантъ пошел провожать, а Дашкевич доложил обо мнѣ и тотчас вернулся с приглашеніем меня к гетману. Я спросил — как у них принято величать гетмана? На это Дашкевичъ объяснил, что этот вопрос еще не разработан, но обычно к нему обращаются — «ясновельможный пан гетман». Я так и рѣшил начать свое представленіе.

Войдя в кабинет, я только хотѣлъ начать с титула, как Скоропадскій не дал мнѣ даже рта открыть, протянул руку и сказал: «Садись и рассказывай, я получил свѣдѣніе, что ты ѣдешь и очень рад тебя видѣть». Я был радостно удивлен и даже опѣшен таким дружеским пріемом! Мнѣ почему то казалось, что встрѣчу строго офиціальнѣйшій пріем — как у владѣтельнаго принца, а оказалось, что был принят — как в былое время.

Скоропадскій имѣлъ совсѣм бодрый вид, почти не измѣнился за два года, которые я его не видѣлъ. Одѣтъ был в бѣлую черкеску без погон, на груди висѣлъ бѣлый орден Св. Георгія на георгіевской ленточкѣ. Видимо было рѣшено, что модернизованный Запорожскій зипун лучше всего подойдет под черкеску.

Оправившись от пріема, я, уже без всякаго титула, поблагодарил за память о былом, передал привѣтъ от Краснова.

— Знаешь что, сказал Скоропадскій вставая, нам не мало о чем прійдется переговорить, мнѣ также хочется узнать, что дѣлается на Дону и о Красновѣ, котораго хорошо знаю, но, сейчас, я с утра сижу, да и мой пріѣзжій компатріот заговорил меня, поэтому, не откажи мнѣ в удовольствіи сопутствовать в прогулкѣ по саду; разомнем ноги, подышем воздухом и поговорим.

Я с большим удовольствіем согласился и мы двинулись.

Подходя к двери, я увидѣлъ на стѣнѣ приколотую большую карту расцвѣченною красками. Присмотрѣвшись к ней, вижу, что она изображает юг Россіи с прилагающими к нему сосѣдами.

— Украинская Держава, пояснил мнѣ Скоропадскій, как видишь не малое государство.

Карта была прекрасно выполнена. Разсматривая ея границы, которыя были отгѣнены полосой яркой краски, я вижу: западная граница идет, как бывалая наша с Австріей, а на востокѣ в Украинскую Державу включены — Донецкій угольный бассейн и далѣе Таганрогскій округ, гор. Ростов и вся Кубанская область и порт Новороссійск.

Взглянув на Скоропадскаго, который с видимой гордостью смотрѣлъ на меня — какое впечатлѣніе производит на меня карта с обширными владѣніями его гетманства!

Пріѣхав сюда с дипломатической миссіей, мнѣ слѣдовало похвалить изданіе карты, но не удержался:

— А не далеко ли, авторы карты заѣхали в чужіе края? Показав рукой на юго-восток.

— « Нисколько, вѣдь Кубань — это прежніе Запорожцы и всѣ говорят по Украински.

Т. к. в мою задачу входило отстоять Таганрогскій округ от притязаній на него, мнѣ не хотѣлось затѣвать теперь спора, но

меня взяла безцеремонность отношенія к чужим территориям и я горячо возразил:

—«Тебя я вижу, дорогой Павел Петрович, неправильно информировали, с каких это пор города Таганрог и Ростов с их округами, гдѣ имѣются казачьи станицы — стали Украиной? А далѣе Азов, доблестно отстаиваемый казаками от турок. Повидимому, все это включеніе сдѣлано что-бы соединиться с кучкой переселившихся на Кубань Запорожцев, твоих предков, они дѣйствительно говорят по Украински, но их лишь часть. При таком широком размахѣ, может статься, что Украина найдет нужным претендовать на Волгу, Урал и Сибирь, что-бы соединиться с рядом поселеній на р. Амурѣ переселенцев из бывшей Малороссіи и сохранившими на новом мѣстѣ свой язык».

Мнѣ хотѣлось указать, что скорѣе Украина могла претендовать на Галицію, но воздержался; составители карты поцеремонились присоединить эту, дѣйствительно старую Украинскую область боясь раздражать Австрійцев, которые теперь с Германіей были хозяевами Украины. Но и без этого моя длинная тирада, произнесенная с жаром, не мало опѣшила Гетмана и он лишь возразил:

—«Ну и твой аргумент с Волгой и Сибирью тоже не с малым размахом!»

Я разсмѣялся. — «Не стоит нам ссориться и спорить о размахах. В мои намѣренія не входит портить твоё настроеніе перед прогулкой. Лучше предоставим рѣшать такой вопрос — ученым историкам вашего Университета, пусть для этого они составят историческую справку и все будет ясно».

Скоропадскому мое предложеніе видимо было по душѣ и он ухватился за это:

—«Вполнѣ согласен с тобою, конечно, нужно сперва исторически разобраться в этом. А теперь пойдем гулять».

Мы прошли через залу в сад, находившійся по другую сторону дома от улицы. Стоявшій в нѣскольких шагах нѣмецкій часовой с ружьем отдал честь. Посмотрѣвъ на Скоропадскаго, я замѣтил, что это было ему неприятно и не удержавшись сказал:

—«Тебя я вижу охраняют!»

—«Да, я просто узник, с отгѣнком грусти отвѣтил он. Не думай, что мое положеніе легкое. Избран я был «хлѣборобами», т. е. хозяйственными крестьянами-собственниками, но, увы, нельзя скрыть, что это было и желаніе нѣмцев, которые предпочли гетманскіе порядки, социалистическим экспериментам Петлюрецев и иже с ними. Но рука германцев тяжело лежит на нас и с этим приходится считаться. Большевики дали им побѣду над Россіей и они господствуют над нами; выход из борьбы Россіи облегчает их

положеніе на западѣ. Я полагаю, что война окончится побѣдой нѣмцев».

—«А у меня такой увѣренности нѣтъ, перебил я. В войну вступили американцы с их огромной индустріей».

—«Это так, но американцам нужно время, что-бы перебросить через океан — людей, оружіе, снаряженіе и пр. да и обучить для борьбы с германской арміей, обладающей такими высокими качествами».

—«В этом ты отчасти только прав, нужно учесть и их усталость, тяжелыя потери, голодовка населенія».

—«Вот как раз голодовки, ухватился Скоропадскій, и понудили их на нашу скупку. Я с правительством безпокоюсь и очень заняты вопросом об урегулированіи требуемых поставок нѣмцами и, поскольку возможно, урѣзываем их желанія в полученіи — зерна и жиров. Правда они за все платят. Но деньги теперь имѣют меньшую цѣнность, чѣм хлѣб. Наше положеніе очень трудное, кромѣ поставок, требуемых через правительство, хитрые нѣмцы, не даром обезьяну выдумали, организовали отправку к себѣ на родину еще почтовыми посылками: нѣмецкій солдат имѣет право отправлять своим родным и знакомым еженедѣльно посылку в три кило; понятно, каждый из них всѣ свои деньги готов отдать, что-бы накормить своих. Платят за все нѣмецкими марками, кои населеніе принимает, увы! охотнѣе наших денежных знаков. Они установили курс — наш карбованец пол нѣмецкой марки. Наши финансисты увѣряют, что курс для нас не плохой».

Нѣкоторое время мы шагали молча. Посматривая на Скоропадскаго я подумал: — «Тяжела шапка Мономаха!» Тщеславіе, которое у него было и раньше, вылилось в стремленіе к карьеризму, легко дававшемуся при его больших связях, но вот волна событій выдвинула его на пост — сувереннаго владыки, что безусловно льстило ему и удовлетворяло самолюбію! Но что происходит на его душѣ? Вѣдь не может он не отдавать себѣ отчета устойчивости положенія в грозныя переживаемыя времена? И я задал ему вопрос: как полагает он сложатся отношенія его Украйны с Россіей?

Он не сразу мнѣ отвѣтил, лишь пройдя с десяток шагов сказал:

— «Трудно мнѣ, в нѣскольких словах, отвѣтить о своем личном мнѣніи. Во всяком случаѣ — я не «расчленитель». Не скрою от тебя, что в нашем правительствѣ, идет невысказываемая громко борьба, но всѣ дѣлают вид, что Украйна, волей судьбы, стала отдѣльным государственным образованіем — «Украинская Держава», но это одна видимость. Большинство членов правительства — в сердцах смотрят, что мы переживаем временную эпоху, что Украйна, на каких то условіях, волеется в Россію, но сейчас кривят душой, дѣлая вид сторонников самостоятельной политики в угоду меньшинства членов правительства. дѣйствительно искренних

сторонников Украины, как отдѣльнаго государства. При таком положеніи я стараюсь найти средній выход, для примиренія, но, понятно, теперь, да еще при нѣмцах, это не легко. Само время укажет выход».

Помолчав он продолжал:

—«Сюда в Кіев стеклись и стекаются не мало убѣгающих от большевиков русских людей, никого мы не преслѣдуем и даем пріют. Среди прибывших не мало знакомых и друзей. Многие, осуждая меня, просто не приходят ко мнѣ, но многие приходят и как будто понимают мое положеніе, другіе — что-бы получить помощь или выхлопотать себѣ тепленькое мѣстечко, третьи — наружно льстиво, а в душѣ у них сидит мысль: как ты, русский генерал, обласканный Государем, коему присягал, а теперь, для удовлетворенія своего тщеславія — идешь на расчлененіе Россіи! Развѣ не вѣрно говорю? Да ты вѣроятно это и слышал. Но хотѣлось спросить моих хулителей: а что-же случилось, не по моей винѣ, в создавшейся трагедіи для Россіи, что ухудшило ея положеніе от моего согласія принять по избранію Гетманскую Булаву? Нѣкоторые, не стѣсняясь, мнѣ пишут — «продался нѣмцам!» Приняв гетманство, дал многим укрыться, отдал распоряженіе не чинить препятствій переходящим к нам, а сдѣлали бы это петлюровцы? Думаю, что нѣт. Хулители пріѣхали — ѣдят, пьют, спекулируют, устраивают свои дѣла, под охраной того же нѣмецкаго сапога, за который мечут на меня громы и молніи... А своим пребываніем здѣсь — не продались ли тоже нѣмцам? Я на согласен с руководством Добровольческой Арміи, в тяжелое время для Россіи, когда всѣ мы должны объединиться, а они заняли отрицательную позицію не только против нѣмцев, что еще можно понять, хотя противодѣйствовать не можем, но и против меня. Но я уважаю их за жертвенность, которая горит у них в борьбѣ за Россію. Они ведут тяжелую борьбу, как совѣсть им велит, но почему же здѣшніе хулители, обливая меня грязью, предпочитают оставаться тут, а не ѣдут на борьбу туда?»

Видимо, много тяжелаго накупѣло на душѣ Скоропадскаго, что он с таким жаром высказал мнѣ.

Из дома показался офицер-адъютант, который доложил, на украинском языкѣ, что пріѣхавшее лицо просит Гетмана переговорить с ним по экстренному дѣлу.

—«Зараз иду», — сказал Гетман и обратившись ко мнѣ сказал: «скоро обѣд, если у тебя нѣт других намѣреній, оставайся обѣдать, адъютант проводит тебя, если нужно оправиться, а я пойду принять пріѣзжаго».

Оставшись с адъютантом, послѣдній, уже по русски, сказал, что у Гетмана нѣт отказа, для пріема в любое время.

Подходя к дому, я не увидѣлъ часового и спросил, что это значит? На это адъютантъ дал слѣдующее разъясненіе:

—«Гетманъ очень щепетилъ и тяготеетъ присутствіемъ в его охранѣ нѣмцевъ; по его усиленной просьбѣ нѣмецкое командованіе сняло ранѣе поставленныхъ парныхъ часовыхъ у главнаго входа с улицы, оставивъ лишь охрану со стороны сада; что-бы не раздражать Гетмана, мы уговорились с карауломъ, при прогулкахъ его по саду, шагающій здѣсь часовой отводился; сегодня, когда Вы с Гетманомъ спустились в садъ, дежурный адъютантъ не успѣлъ кого слѣдуетъ предупредить.

В столовой, гдѣ до прихода Гетмана, Дашкевичъ познакомилъ меня с присутствующими, коихъ было около 15-ти человѣкъ, нѣсколько штатскихъ, а больше военныхъ. Нѣкоторыхъ я зналъ. Военные, какъ и Дашкевичъ, были во френчахъ, безъ погонъ. Всѣ с вожделѣніемъ смотрѣли на мои погоны. Формы, для украинской арміи, еще не было изобрѣтено, но при военномъ министерствѣ была собрана комиссія, для ея установленія.

Войдя, Скоропадскій предложилъ садиться, самъ сѣлъ на узкій край стола и предложилъ мнѣ сѣсть по его правую сторону. Общій разговоръ шелъ по русски, видимо, большинству это было легче, касался пріѣзжихъ лицъ с какими мытарствами они добрались. Кто то изъ адъютантовъ рассказывалъ, что ѣхавшій ген. Аболешевъ, в чемоданѣ коего большевистскіе пограничники обнаружили свитскіе погоны, былъ отведенъ в сторону и разстрѣлян. Затѣмъ разговоръ перекинулся о театрахъ и городскихъ развлеченияхъ.

Обѣдъ былъ скромный: незатѣйливая закуска с водкой и три блюда, красное и бѣлое вино. Трапеза быстро кончилась и, какъ встали, я простился с Гетманомъ. Дашкевичъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я проѣхать в театр? Но я, сославшись на усталость, поблагодарилъ и собирался уѣхать, какъ вспомнилъ, что за нашу длинную бесѣду забылъ спросить Скоропадскаго — когда онъ сможетъ принять нашу миссію? Просилъ Дашкевича выяснить это и результатъ сообщить мнѣ по телефону на вокзалъ.

Вернувшись к себѣ в вагонъ, я радъ былъ, что никого изъ миссіи еще не было и я могъ спокойно набросать сегодняшній разговоръ с гетманомъ, для составленія донесенія Краснову. Окончивши свою работу, я услышалъ что наши господа, кромѣ консула Карасева, видимо загулявашаго, собрались, и я ихъ пригласилъ в нашъ салонъ, для выслушанія моего краткаго разсказа о пріемѣ у Скоропадскаго. Краткаго, т. к. многое что онъ мнѣ повѣдалъ было сдѣлано по нашей старой дружбѣ. Конечно, меня забросали вопросами, отвѣчая на кои, я сообщилъ, что назначеніе нашего пріема будетъ мнѣ сообщено завтра.

На утро, проводник вагона прекрасно организовал нам утреннее кофе с чудными булочками и нам не надо было идти на вокзал, откуда мнѣ принесли телефонограмму с извѣщеніем, что прием миссіи у Гетмана назначен на слѣдующій день в 11 часов.

Пользуясь сегодня свободным днем, я рѣшил прогуляться по городу и навѣстить кое-кого из знакомых.

Предложил желающих довезти до центра города, с которыми и доѣхал до главной улицы Крещатик, гдѣ отпустил шофера.

Движеніе, несмотря на ранній сравнительно час — 10 час. с небольшим, было оживленное, всѣ тротуары заполнены толпами, прекрасныя кафэ, магазины с большими витринами полны всякой всячиной. Видимо город ожил, послѣ передрыг и смѣны властей. Вывѣски на магазинах написаны — частью по русски, частью по украински, частью на обоих языках. Но рѣчь на улицах слышалась больше по-русски. Встрѣчались и знакомые, которые, увидя меня, бросались с вопросом и вы здѣсь, да еще в старой формѣ с погонами? Приходилось увертываться под всякими предлогами, т. к. объяснять всѣм — зачѣм и почему я здѣсь — было скучно, а слушать безконечные рассказы, как кто и с какими приключеніями пробрался сюда — не было желанія.

Подходил адмиральскій час и я рѣшил идти завтракать. В Кіевѣ я знал лишь два ресторана — один в отелѣ Континенталь, а другой в так называемом Купеческом саду. Мнѣ больше хотѣлось быть на воздухѣ, погода стояла чудная, и я отправился в послѣдній. Купеческій сад помѣщался, как и дворец, на крутом берегу Днѣпра с видом на рѣку и Заднѣпровье. Чуть ниже на утесѣ виднѣлся Крест-Памятник крещенія Руси.

В ресторанѣ в саду уже сидѣло не мало завтракавших. Поднявшись на террасу, я подыскивал себѣ столик, как вдруг мнѣ бросилась в глаза знакомая фигура в штатском. Я всмотрѣлся и вижу смѣющееся лицо, обращенное на меня, оказался ген. Александр Николаевич князь Долгоруков, мой предшественник по командованію 1-м Кавал. корпусом. Неудачу коего я описал в своем мѣстѣ этих записок, исполняя приказаніе ген. Корнилова о движеніи на Петербург в помощь ген. Крымову.

Мы обнялись. «Да вот». — продолжал смѣяться Долгоруков, — «я отрясаю прах с ног от подобнаго командованія самой свободной в мірѣ арміи; к счастью я отдѣлался лишь нѣсколькими днями запертым в крѣпостной каземат, но больше не хочется. Ну, ты как закончил свое командованіе 1-м Кавал. корпусом?»

— «В душѣ ругал тебя, т. к. из-за тебя мнѣ пришлось попасть в этот район — Сѣвернаго фронта, — бурлящій большевистским бѣснованіем, послѣ Галиціи, гдѣ было сравнительно спокойно;

здѣсь же какое может быть командованіе . . . промучился нѣсколь-
ко мѣсяцев, с трудом перебрался на Дон, чуть было не попал в
красныя лапы, но Бог спас, пришлось повоевать с ними, а когда
выбрали Краснова Донским Атаманом, послѣдній отправил меня
вести переговоры с твоим однополчанином Павло Скоропадским».

Долгоруков с молодых чинов носил в полку прозвище «губо-
шлеп» и, конечно, не обижался на это чисто дружеское названіе,
которое в полках товарищи давали друг другу. Он был ровест-
ником Скоропадскаго по Пажескому корпусу и однополча-
ником по Кавалерградскому полку. Человек он был импульсивный
и совершенно не походил по характеру к спокойному и уравни-
вѣшанному Павло Скоропадскому. Не походил ему и в смыслѣ
карьеризма, который, как и тщеславіе, ему было чуждо. Был он
бон-виван, но военную службу любил. Будучи лично храбр, он по
своей живости не вдумывался в обстановку, мог бы зря и себя и
подчиненных подвести к ненужным потерям. В первом же бою,
6 августа 1914 г., он, по своей инициативѣ и ненужной обстановкѣ,
свернул командуемых им Кавалергардов, к начавшемуся бою у
сосѣда, доблестно дѣйствовал, но понес большія потери; нахо-
дясь в опасных мѣстах, по своему характеру увлекся и размахива-
вая и указывая шашкой сам себя рубанул по ногѣ. Вѣроятно, ему
было больно, но он не обращал вниманія на свою рану и про-
должал отдавать приказанія, пока кто-то не сказал: «Да вы Ваше
сіятельство ранены, у вас нога в крови». Вызванный фельдшер
перевязал рану, но от перевязочного свидѣтельства князь от-
казался. Благородство у него было большое и он своим увлеченіем
не хотѣл воспользоваться, как раненіем в бою, что другой, быть
может, и не сдѣлал.

Конечно, наш разговор не мог не перейти о Скоропадском.
Мнѣ хотѣлось пополнить свое мнѣніе о нем, характеристикой
князя, который, как его однополчанин, долгіе годы служил с ним
бок-о-бок, знал его прекрасно. И я толкнул его на это.

— «Я, как был «губошлепом», как меня прозвали, таким и
остался, а Павло ловчила — куда полѣз!? Хитрый хохол, да
хватит ли умишки?»

— «Но все же ты его теперь видѣл?» — спросил я.

— «Конечно, я человек, извѣстно, — незлобивый. Здѣсь
многіе не хотят его видѣть, а также не мало и таких, кои ругают
его за глаза, а лѣзут к нему — быть может пригодится . . . Я у
него был раза три, хотя никаких благ мнѣ от него не надо, а
просто по старому товариществу. Ну и наговорил же я ему — ты
знаешь мой характер? За словом в карман не лѣзу.

— «Что же ты ему наговорил?» — спросил я.

— «Да что тут скрывать! Говорю ему: Павло, я в своей жизни
ни все дѣлал с бухты барахты, а ты человек уравновѣшенный и

должен хорошенько обдумать и разсудить раньше чѣм рѣшиться, особенно на что нибудь важное; надо пошевелить своими мозгами и отдать себѣ отчет «а што то будэ?» А он, немного обиженно, сам переходит в атаку.

— «Всѣ вы не хотите понять о происходящем, а я, обдумав, рѣшил, что смогу спасти — хоть часть бывшей Россіи...»

— «Ах какой ты молодчина Павло, bravo, bravo, спасать так спасать! Так знаешь что, раньше всего пошли нѣмцев ко всѣм чертям со своей, как называеш, Державы! А Павло же нашелся, да по моему довольно правильно, видимо или поумнѣл, а может быть кто нибудь научил, и отвѣчает:»

— «Ты бы хоть раз отрѣшился от бухты барахты, а сам бы подумал и тогда бы не говорил: «гони нѣмцев!» «Чѣм прикажешь, какими силами и возможностями их погонишь? У них сила, а у нас никакой... Кромѣ того, подумай и разсуди — если бы даже они добровольно ушли — что получится: откуда не возьмись появятся банды Петлюровцев, да и большевики не будут зѣвать. Представляешь себѣ Кіевскій муравейник с нахлынувшими сюда и забившими весь город спасающимися людьми — ничего не дѣлающими, болтающими и злословящими?»

Все это с жаром и горечью выпалил мнѣ мой Павло!

— «Пожалуй ты правильно разсудил, но в чем же тогда твоя роль в спасеніи Россіи? Не ты спасаешь Россію, а они. Вѣдь ты просто в их руках жупел работающій для них. Ты им нужен, а не они тебѣ. С твоей помощью они выкачивают отсюда, что им нужно, а кончится в этом нужда, отхватят себѣ лакомый кусок, остальное оставят на съѣденіе большевикам».

— «Вот, — что-бы этого не случилось и нужно, пока у нас спокойно, — сказал Скоропадскій, — стараться как можно скорѣе организовать армію, к чему я с правительством принимаем усилія, тогда и сможем дать отпор. Вот и донскіе казаки организуются и Добр-Армія, когда уйдут нѣмцы, вѣроятно, смѣнят на меня гнѣв на милость... Быть может общими усиліями сломим захватчиков-большевиков?»

— «В таком духѣ и шли мои разговоры при посѣщеніи Павло, — сказал князь. — Он предлагал мнѣ должность у него, но я отказался. Мнѣ было жалко его, вѣдь сколько лѣтъ служили рядом, дружили, пировали, посѣщали общих знакомых... Ну, а как на Дону?»

Я кратко объяснил, что ведем жестокую войну с совѣтами. Казаки формируют армію, но недостаток оружія и снаряженія, зачѣм я и послан. Добр-Армія также в этом нуждается и в пополненіи людьми; конечно нѣмцы им этого не дадут — побаиваются, преувеличивая их мощь. Но Краснов, получив, подѣлится с ними. Нѣмцы препятствуют проѣзду добровольцев, но

раз через совѣтчиков сюда пробрались, то уж легче проѣхать к добровольцам. Бѣда лишь в том, что желающих, бросить спокойную жизнь здѣсь, смѣнив ее на жертвенность там — мало охотников. Сколько видно здѣсь офицеров и молодых людей праздно шатающихся, да вот тут, на должностях лакеев, подают нам ѣду, быв. офицеры; не патріотичнѣе ли было бы идти сражаться с добровольцами, чѣм служить здѣсь на «холуйских должностях»? Нужно их стыдить и вести пропаганду об отправкѣ к Деникину. Займись этим. Мои слова, видимо, сильно задѣли благородную душу князя и с присущим ему жаром, он чуть не крикнул:

— «Конечно, ты прав. Эта обязанность всѣх нас. Я проберусь сам к Деникину и предложу свои услуги на любую работу. Пойду еще раз к Павло, помочь мнѣ в наборѣ и скажу: ты потомок Запорожских гетманов — орудуй здѣсь, а я, как Рюрикович, русскій князь, буду бороться за всю нашу необъятную Родину и ѣду к добровольцам».

Мы обнялись и распрощались. Как я позже узнал, Долгоруков служил у добровольцев, а в эмиграціи попал в Марокко, гдѣ работал в Каабланкѣ. Не забыл и участников Бѣлаго движенія, — образовавъ Отдѣл Русск. Обще-Воинскаго Союза. Там и умер в 30-х годах. Мир праху, скромнаго отпрыска Рюриковскаго княжескаго рода, большаго, храбраго воина и русскаго барина, никогда не пользовавшагося для своего продвиженія, своими связями, мужественнаго, лишь немного сумбурнаго, военно-начальника.

Представленіе миссіи Гетману.

В назначенный день пріема у гетмана, мы всѣ, пользуясь данным в мое распоряженіе автомобилем, отправились в дом, гдѣ жил Скоропадскій.

Войдя всей миссіей в кабинет послѣдняго, я представил лиц миссіи и начал приготовленное мое привѣтствіе от Краснова, начав с обращенія: — «Ясновельможный пан Гетман», но Скоропадскій перебил меня, поблагодаривши за добрыя слова, которыя я хочу ему передать, и просил всѣх сѣсть и заняться дѣлами, цѣлью коих был пріѣзд в Кіев донской миссіи.

Я начал с того, что указывая на ген. Черячукина доложил, что он назначен в нашу миссію Красновым в предположеніи — если Гетман не будет имѣть что-либо против — остаться здѣсь представителем от Дона, послѣ нашего отѣзда.

— «Отлично, я охотно буду имѣть дѣло с ген. Черячукиным и против его назначенія — ничего не имѣю. Я вкратцѣ имѣю представленіе о задачѣ Вашей миссіи и меня интересует то, в чем лично мог бы вам помочь?»

Я просил Черячукина изложить нашу задачу, что он прекрасно сдѣлал, не затемняя деталями главнаго — нашего боевого снабженія.

— «Я готов лично во многом помочь, но по нѣкоторым вопросам мнѣ необходимо переговорить с правительством. Во всяком случаѣ, ваши жел-дорожныя и хозяйственныя дѣла встрѣтят полное сочувствіе, а потому с завтрашняго дня можете начать переговоры с соотвѣтствующими министрами. Что же касается оружія и перехода к вам, вопросы болѣе деликатные, прошу тебя и ген. Черячукина в ближайшіе дни зайти ко мнѣ».

Затѣм Гетман интересовался, — как идут дѣла у казаков на фронтѣ и извинившись, что должен принять еще ряд лиц, просил остаться на завтрак, который состоится через $\frac{1}{2}$ часа.

На завтракѣ обстановка оказалась та, что и за обѣдом при моем посѣщеніи. То-же окруженіе, та-же скромная сервировка. В концѣ, перед подачей кофе, Гетман поднялся и, со стаканом красного вина, выпил за здоровье Атамана Краснова и донского казачества, пожелав успѣха в борьбѣ. Я хотѣл было отвѣтить, но Скоропадскій заявил, что понимает мое желаніе выпить за его здоровье, благодарит заранѣе, т. к. не любит тостов, просит у миссіи извиненія, что должен нас покинуть и попрощавшись вышел.

Выйдя от гетмана, что-бы подѣлиться впечатлѣніями, всей миссіей зашли в ближайшее кафе. Наш дипломат Карасев был крайне возмущен пріемом и как только мы сѣли первым заговорил:

— «Что это за пріем дипломатической миссіи: пригласил на завтрак, на котором были —кто хотѣл, накормил, как в затрапезной, пьет здравицу плохеньким красным вином, не мог распорядиться подать шампанское, и даже к кофе не дал — ни коньяку, ни ликеру... Безобразіе!..»

Но наш скромный «купец» сразу же его пристыдил:

— «А вы бы лучше посмотрѣли на себя, в каком вы сами поѣхали видѣ, на дипломатическое представленіе — двѣ ночи, гдѣ то пропадаете, являетесь в вагон среди ночи, хоть бы посовѣстились проводника своим видом, утром на вас лица нѣтъ, посмотрите на себя в зеркало, плохо выбриты, да и галстук куда то свернулся».

Я рад был, что наш «купец» отдѣлал пьяницу, позорившаго работу миссіи и от себя добавил: «Мы находимся, как бы в походной обстановкѣ и цѣль нашей миссіи не в роскошных пріемах, а добиться выполненія возложенных на нас Атаманом задач».

Затѣм я объяснил миссіи, что вопросы снабженія очень щепетильны и рѣшеніе их, главным образом, зависит от нѣмцев, поэтому Гетман в разговорах со всей миссіей предпочитает их не затрагивать, о чем мнѣ и объяснил за завтраком и поговорит о них, когда я с Черячукиным будем у него.

Военный эксперт при советской делегации.

На следующее утро я остался в вагонѣ и занялся составленіем донесенія Краснову. Взглянув в окно, вижу перебирающуюся по жел. дорожным путям толстенькую фигуру в штатском. Приглядишись узнаю старого пріятеля — ген-штаба ген. Серёжу Одинцова (о нем я уже упоминал в этих записках). Я с ним — товарищи со школьной скамьи — училища и академіи. Вмѣстѣ были на японской войнѣ. Энергіи у него было хоть отбавляй. Когда в Севастополѣ открылась авіаціонная школа, он уж был там и сдѣлался ея начальником.

Я рад был его увидѣть, поманил через окно и мы обнялись.

— «Откуда ты, что дѣлаешь здѣсь?» — Спросил я.

Он видимо смутился и начал путано говорить:

— «Понимаешь ли, какое время переживаем? . . . Нам нужно дѣйствовать . . . Вот в Кіев пріѣхала, из Москвы, депутація, для переговоров по установленію границ — между Россіей и Украиной».

— «Ну, а ты тут причём?»

— «А видишь ли . . . как тебѣ сказать . . . нужно защищать интересы Россіи . . .»

— «Так, как же ты хочешь их защищать?»

— «Нельзя, быть праздным зрителем! Нужно дѣйствовать, я через Троцкого и устроился в разграничительную делегацію, как военный эксперт, для защиты интересов Россіи. — Залпом выпалил мой Серёжа».

— «Т. е., другими словами, ты нанялся к большевикам, так и говори, а не морочь мнѣ голову — защитой русских интересов находясь в станѣ убійц Россіи!»

— «Да нѣтъ, это не так, ты не хочешь меня понять . . .»

— «Брось Серёжа, не заговаривай зубы. Я тебя давно знаю, как и твою энергію, но нельзя же из-за этого идти на службу к преступникам. Должен подумать — куда все это тебя приведет? Уже раньше, когда Керенскій убѣждал, пришлось расплачиваться его начальнику штаба, нашему товарищу по академіи Духонину, а ты пошел не к нему, а к Крыленкѣ с бандой матросни, и как бы помог растерзать мужественнаго Духонина, отказавшагося сдать должность врагам Родины и не скрываясь погиб на своем посту!»

Бѣдный Одинцов, несмотря на свою бодрость, не знал куда дѣться, поблѣднѣлъ, увял. Послѣ паузы грустно отвѣтил:

— «Да ошибся, не отрицаю, но пошел с добрыми намѣреніями, что-бы не допустить до звѣрской расправы, а защитити».

— «Вот и защитил! Так и теперь защитишь русскіе интересы! Ошибся раз, Бог тебя простит. Советую брось это. Гдѣ остановился?»

— «Наш поѣзд с делегаціей стоит на жел. дорожных путях, недалеко от этого вагона».

— «Вот тебѣ дружескій совѣтъ: сейчас же иди в свой поѣзд, забирай свои вещи, бери в помощь нашего проводника, тащи ко мнѣ в вагон. Привезу тебя на Дон и поступай в Добр-Армію, гдѣ мѣсто твоей кипучей дѣятельности и жертвенной помощи-спасенія Россіи».

— «Не могу, еле слышно выдавил из себя Сережа.

— «Почему не можешь? Не сможет твое начальство задержать на неподвластной ей территоріи. Быть может это опасно, для твоей семьи оставшейся там? . .»

— «Нѣтъ, не эта причина, с женой я уже давно разошелся, самочувствіе мое скверно, но не могу — раз взялся, по своей совѣсти, должен докончить, какова не оказалась бы моя доля».

Я еще пытался его убѣдить, так много у меня с ним в жизни было дѣла, а теперь от души было жалко на него смотрѣть. Но пришлось грустно разстаться не обнявшись.

Не знаю, как он кончил свою задачу эксперта по установленію границ, но, позже, читал в газетах, что послѣ убійства в Москвѣ Мирбаха, Германскаго посла и в то время «владыки над совѣтами», нѣмцы потребовали назначенія от совѣтов большой депутаціи, для сопровожденія остатков Мирбаха в Берлин. В эту делегацію от военных был назначен мой заблудившійся Одинцов. Видимо судьба толкнула его в третій раз «спасать Россію». Этот третій раз оказался послѣдним. Свѣдѣній о нем я больше не имѣл. Вѣроятно «Мавр сдѣлал свое дѣло . . .»

Мог ли я предполагать, когда мы — гр. Игнатьев (быв. военный агент в Парижѣ), Одинцов и я, друзья, вмѣстѣ окончившіе академію — так разойдемся, что Игнатьев и Одинцов, смѣнят свои крѣпкія убѣжденія и пойдут служить тому, что вряд ли могло быть в прошлом их идеалом?

Так разруха на нашей Родинѣ бросает в разныя стороны бывших близких друзей!

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ МИССИИ В КИЕВѢ

Взрывы на складах снарядов в Киевѣ.

На другой день моей грустной встрѣчи с Одинцовым, в 10-м часу, занимаясь в вагонѣ мы были встревожены раздавшимися страшными взрывами, послѣ которых послѣдовал ряд других. Вышли на вокзал — узнать что происходит? Взрывы огромной силы продолжались. Перепуганные пассажиры, в ожиданіи поѣздов, находились в смятеніи. Зданіе вокзала содрогалось, дребезжали стекла. Звуки взрывов слышались как бы с другой стороны города. Я поѣхал в центр, что-бы узнать причину. На главной улицѣ Крещатика застал полное смятеніе: толпы народа с испугом толпились по серединѣ улицы, тротуары были пусты. Оказывается, что от взрывов лопались стекла, большія витрины магазинов вылетали и осколками ранили находящихся на тротуарах. В то время еще не знали о бомбардировках городов с воздушных аппаратов.

Отправился в дом гетмана. Зашел в кабинет Дашкевича, гдѣ застал его сильно встревоженного. Он объяснил, что взорвались большіе склады снарядов, хранившіеся за городом в сараях быв. крѣпости, близъ Лавры. Причина неизвѣстна: или от самовзгоранія и послѣдующей детонаціи, или дѣло злоумышленников. Послѣ первых же взрывов, Гетман с адъютантом на автомобилѣ понесся туда. Имѣется немало пострадавших от вылетавших осколков, вызваны из больниц автомобили и повозки, за ранеными. Мы безпокоимся за Гетмана, который поѣхал, когда взрывы продолжались.

К полдню Скоропадскій вернулся и был смущен всѣм видѣнным и неизвѣстностью причины. Проходя к себѣ, сказал мнѣ: «Какой ужас, как Ходынка — была скверным предзнаменованіем Государю, так и мнѣ не хорошій знак».

Выѣхали пожарныя команды — тушить возникающіе пожары в ближайших домах, посланы рабочіе — разбирать получившійся хаос, приняты мѣры, для огражденія не затронутых складов и назначена комиссія от разных вѣдомств, для выясненія причины.

Причина так и не была выяснена. Молва приписала — нѣмцам: это они все сдѣлали — снаряженія у них достаточно, а нам

что-бы не досталось. Но, как полагается — поговорили, кое-что починили, вставили разбитыя стекла, убитых, к счастью немного, похоронили, а, в концѣ-концов, об этом забыли.

Город продолжал жить прежней нервной жизнью.

Вновь у Гетмана.

Вскорѣ послѣ взрыва, Черячукин и я, получив приглашеніе гетмана, отправились к нему, гдѣ наша бесѣда началась его объясненіем:

— «Переговорив кое с кѣм из моих министров, которые одинаково мыслятъ, как я, в помощи вам оружіем и снаряженіем, могу вас завѣрить, препятствій вы не встрѣтите, но много будет зависеть от нѣмцев и отчасти нѣкоторых министров; военный министр ген. Рагоза мною извѣщен, предоставляю вам обратиться к нему и он вас направит куда нужно и безусловно всячески поможет».

Мы поблагодарили, а Гетман продолжал:

— «Проѣзду желающих на Дон и вообще куда угодно, украинскія власти препятствовать не будут. Опять-таки можно встрѣтить запрет со стороны нѣмцев, если они увидят, что дѣло идет о пополненіи Добр-Арміи. Но полагаю, что кто пожелает уѣхать найдет путь, не нужно лишь дѣлать из этого шума».

В этом Скоропадскій был прав, было бы желаніе покинуть спокойное пребываніе здѣсь на жертвенную борьбу там.

— «Сейчас, продолжал Гетман, у нас идут переговоры с присланной Москвой делегаціей по установленію границы с Россіей. Это дѣло нами поручено Мин. Иностранных Дѣл Дорошенко. Что касается границ с Доном, то об этом теперь рѣчи нѣтъ, а если подымется, то пойдет через того же Дорошенко, поэтому, если угодно, повидайте его, но предупреждаю он ярый украинец».

— «Относительно послѣдняго, сказал я, это дѣло, в настоящее время, совершенно не актуально, побываю у Дорошенки, но лично не коснусь этого вопроса, считая его рѣшенным научным исторически изслѣдованіем профессором вашего Университета, от котораго имѣю «историческую справку», что Таганрогскій округ ни в какія времена не принадлежал Украинѣ».

— «Так ты успѣлъ уже это сдѣлать?»

Я напомнил ему наш разговор в первый мой визит у карты, что раньше всего нужно обратиться к исторіи, с чѣм ты согласился.

— «Да, ты прав, но все же перехитрил меня, а я уже было забыл за всякими дѣлами. Согласен, не время спорить об этом. Есть дѣло поважнѣе; на днях я имѣлъ разговор с Муммом (германскій посол при гетманѣ, владыка, как Мирбах, убитый в Москвѣ при совѣтах) и он сообщил мнѣ, что знает о нахожденіи здѣсь Дон-

ской миссії и хотѣл бы вас повидать, полагаю, что цѣль вашего прїѣзда ему извѣстна».

Откровенно говоря, эта перспектива мнѣ не улыбалась и я хотѣл отдѣлаться, прося побывать у него Черячукина, но Гетман воспротивился и привел ряд доказательств обязательнаго моего присутствія.

— «Ну, раз нужно, поѣду», отвѣтил я.

Прощаясь с нами Скоропадскій передал, что о днѣ прїема нам сообщит Дашкевич-Горбацкій.

Сообщая на слѣдующей день о свѣдѣніях, полученных от Скоропадскаго, нашей миссії, и обсудив их у нас, возник острый вопрос в «языкѣ» т. к. всѣ мы недостаточно им владѣли для этого. Лишь Карасев торжественно заявил — что он владѣет нѣмецким языком. «Прекрасно. будете нашим переводчиком», заявил я.

Но увы! сейчас обидчиво возразил Карасев: «переводчиком никогда не был и не буду, к тому же ваши военные термины не знаю, а буду вести бесѣду, а потом дома расскажу о чем мы говорили и что рѣшили».

— «Обижаться не приходится, сказал я, мы должны думать как лучше выполнить возложенное на нас порученіе, а предложить вам одному вести бесѣду я не могу, т. к. вы не в курсѣ начатых переговоров».

Всѣ доводы всѣх членов миссії он категорически отклонил. Видя, что единственную работу которую, как переводчик он не желает выполнять, я принужден был выразить ему, что его пребываніе в миссії считаю лишним. Карасев молча вышел и мы с ним больше не имѣли дѣла.

Черячукин, видимо, предвидѣл, что с нашим «дипломатом» ничего не выйдет, а ему, оставаясь в Кіевѣ, прїдется имѣть дѣло с нѣмцами, подготовил себѣ отличнаго переводчика, услугами коего мы и рѣшили воспользоваться.

Вмѣстѣ с Черячукиным я побывал у воен. министра ген. Рагоза. Послѣдній, старый русскій генерал, любезно нас принял, обѣщал свою помощь и, что-бы не терять времени, указал куда и к каким лицам — по снабженію — нам надлежит обратиться, кои будут им увѣдомлены.

На завтракѣ у Украинскаго Начальника Генеральнаго Штаба.

Ко мнѣ зашел нач. Украинскаго ген-штаба ген. Сливинскій с приглашеніем к нему на завтрак, гдѣ я увижу ген. профессора Головина, что вѣроятно мнѣ будет прїятно.

Прїѣхав, я уже застал Ник. Ник. Головина, моего старога друга, с которым я не мало поработал в нашей академіи и мы были близки друг другу.

Садясь за стол, Сливинскій сказал, что ему пріятно видѣть у себя — профессора нашей академіи Ник. Ник-ча и меня, руководителя академической группы в которой он оказался. Им приглашены два офицера его Управленія, тоже питомцы нашей академіи. Всѣ мы русскіе офицеры, можем спокойно и откровенно вести наши бесѣды, т. к. наши помыслы направлены, гдѣ бы теперь не находились, на пользу Россіи.

Этим вступленіем, он согрѣлъ нашу встрѣчу и дал понять, что мы можем свободно обмѣниваться мнѣніями.

Послѣ завтрака, когда мы перешли пить кофе в кабинет хозяина, я обратился к нему:

— «Пользуясь вашим любезным вступленіем перед завтраком быть, как прежде, едиными в преданности нашей Родинѣ, беру на себя смѣлость задать, быть может, щекотливый вопрос. Вы, как занимающій отвѣтственный военный пост, я полагаю, лучше всѣх могли бы освѣтить его. Цѣль моей пѣздки сюда является получение оружія и снаряженія, для борьбы которую ведет Дон с красными; удастся ли мнѣ эта задача?»

— «Охотно, не скрывая, отвѣчу: в вашей борьбѣ всѣ мы должны помогать — кто чѣм может. Я в курсѣ ваших задач, Рагоза меня об этом увѣдомил. Могу вас завѣрить, что вы встрѣтите сочувствіе в Управленіях воен. министерства. У нас остались огромные склады, как бывшіе тылы двух фронтов. Все это имущество заготовлено еще императорской властью, для наступленія в 1917 г. А потому не есть принадлежность одной Украйны. Часть их взорвалась, но очень незначительная. Между прочим, сейчас производится анкета, выясняются причины, ищут нѣтъ ли злого умысла со стороны нѣмцев или Петлюровцев? Причина, как я высказался в анкетной комиссіи, заключается в небрежном храненіи. Всѣ чувствительныя взрывчатые вещества требуют сугубой заботливости в их содержаніи. Химическіе составы их подвергаются разложенію и от времени, и от атмосферы и от массы причин. Требуют уход, как за больными людьми. А что дѣлалось послѣ революціи и смѣны властей? Причину нужно искать в разложеніи и самосгораніи от небрежнаго ухода. Но, простите, я отклонился от темы. Запасы принадлежат всей Россіи, не подѣлиться с русскими частями, ведущими жертвенную, кровавую борьбу, было бы преступленіем».

— «Я очень рад, что встрѣчаю у вас такую помощь, зная вас не мог сомнѣваться в этом, но вижу большую опасность в получении запасов, о чем мнѣ намекал и гетман, со стороны нѣмцев.

— «Как раз об этом я и собирался вас предупредить. Они ревниво наблюдают, что-бы ничего не попало Добр-Арміи и установили контроль на жел-дорогах. Но не унывайте, всѣ наряды по отправкѣ военных грузов проходят через мое Управленіе, в край-

ности постараемся, что нужно замаскировать. Затѣм хочу вас информировать в слѣдующем: мнѣ Гетман говорил, что вы будете приглашены Муммом, предупреждаю, что вас пожелает видѣть и ген. Эйхгорн, командующій оккупационными войсками, очень любезный старик, но при нем вѣроятно увидите его нач. штаба ген. Греннера, который собственно и руководит всѣм. А он и Мумм большіе ненавистники Россіи».

Мнѣ оставалось обнять Сливинскаго за такое теплое содѣйствіе и информацію нѣмецкаго возглавленія здѣсь, с которыми приходится свидѣться.

— «А твои какія намѣренія?» — Обратился я к Н. Н. Головину.

Но, прежде чѣм Головин отвѣтил, Сливинскій с жаром произнес, обратясь ко мнѣ.

— «Вам Ник. Ник. не скажет, а я обязан сообщить, что должность, которую я занимаю, была предложена ему, как извѣстному ученому, но, уклонившись, он указал на меня.

— «Не люблю я именоваться ученым, просто посвятил себя военной наукѣ и исторіи, помните мою борьбу в Академіи. Сознательно рекомендовал Сливинскаго — он не только прекрасный офицер ген-штаба, а к тому же по происхожденію Запорожец, носил раньше фамилію «Слива».

— «Лучшаго выбора Гетман сдѣлать не мог», — прибавил и я, «помню его прекрасныя работы в Академіи, но нам всѣм было бы интересно знать намѣренія Ник. Николаевича?»

— «По дошедшим до меня свѣдѣніям, Колчак звал меня к себѣ нач. штаба, но как добратъся туда? Легко желать, а кто на все это даст разрѣшеніе и визы? Пока что, собираю всѣ документы по исторіи войны от отдѣльных лиц и, особенно, в архивах штабов быв. Юго-западнаго и Румынскаго фронтов».

Впослѣдствіи, Головину удалось собранные архивныя матерьялы перевезти в Париж, что облегчило ему изданіе своих военно-исторических работ. Он же организовал курсы, для бывших военных, желающих пополнить свои военныя знанія.

Находясь у авторитетнаго лица, нач-ника Генеральнаго Штаба, было интересно знать — о положеніи в котором находилось формированіе здѣшней арміи, о чем мы и обратились к нашему хозяину.

— «Дѣло в том, начал Сливинскій, что для личнаго вам свѣдѣнія могу сообщить, у нас имѣются большія для этого возможности. Мы имѣем вооруженіе и снаряженіе, не менѣе как на восемь корпусов. Украинское крестьянство прекрасный элемент, для комплектованія. Сюда сбѣжалось не мало офицерства, много специалистов — ген. штаба, артиллеристов, военн. инженеров и пр. По требованію Гетмана, я дѣлал доклады в правительствѣ, с пред-

ставленіем проэктів и наставленій, не теряя времени приступить к формированію, Это нам крайне необходимо, но вовсе не нужно нѣмцам имѣть вооруженнаго сосѣда и воля их в этом вопросѣ неуклонна. Всѣ попытки нашего правительства убѣдить нѣмцев в разрѣшеніи организовать хотя-бы незначительную воинскую силу, для огражденія границ от большевиков — были безрезультатны. Нѣмцы ведут двойственную политику: в Москвѣ Мирбах — поддерживает большевиков, кои теперь им не страшны, а здѣсь в Кіевѣ Мумм — поддерживает Гетмана от тѣх же большевиков. По отношенію донских казаков, нѣмцы не препятствуют красным вести борьбу, а здѣсь стараются войти в дружбу с казаками. Видимо находят для себя полезным, что-бы обѣ стороны слабѣли от войны, а наружно остаются в добрых отношеніях».

— «Но неужели нельзя ничего предпринять, что-бы подготовить себѣ вооруженную силу, сказал Головин, хотя бы в скромном видѣ?»

— «Все, чего мы могли добиться, — продолжал Сливинскій, — это сформировать штабы нѣскольких корпусов и дивизій. Понятно штабы не защита, но все же готовое руководство. Кромѣ того, в засекреченном порядкѣ мы установили работу быв. русских уѣздных воинских начальников, взятіем на учет военнообязанных. А под видом полиціи организовали небольшія команды».

Побывав еще раза два у Сливинскаго, мы видѣли, что с сильным давленіем нѣмцев о недопущеніе формированія арміи, было трудно справиться, что и послужило той драмой, которая разразилась для этого края при уходѣ нѣмцев.

Не является ли это одним из доказательств ошибочности рѣшенія добровольческаго командованія уходить вторично на юг? Вмѣсто того, что-бы быть на чеку там, гдѣ могли бы развернуться насущные интересы нашей Родины, мы потеряли цѣлый год в борьбѣ в областях сѣвернаго Кавказа, что дало красным время на свои формированія.

У министра Иностранных Дѣл.

Мнѣ не хотѣлось посѣтить Дорошенко, как мин. Ин. Дѣл — щираго украинца, но, по совѣту моего любезнаго освѣдомителя Дашкевича-Горбачаго, — зачѣм в своей работѣ получить лишняго недоброжелателя и, кромѣ того, мы, как дипломатическая миссія и обязаны сдѣлать визит органу, вѣдающему иностранными дѣлами, рѣшил ѣхать со всей миссіей и, по телефону, выяснил когда нас примут.

По приѣздѣ нас встрѣтил чиновник, хорошо говорящій по французски, провел нас в кабинет Дорошенки. Вот, подумал я,

даже на дипломатическом языкѣ нас встрѣчают в Кіевѣ «матери русских городов...»

Дорошенко, подав нам руку, жестом предложил садиться.

— «Разуміте панове по украински?» — спросил он.

Я, по русски, отвѣтил, что мы болѣе или менѣе понимаем, но говорить, не коверкая языка, вряд ли сможем. Тогда министр, выдержав дипломатическій этикет, предложил говорить по-русски.

Послѣ этого вступленія, я сообщил, что вся миссія пробудет не долго, а останется представителем Атамана ген. Черячукин; главная наша цѣль — получение военного снабженія, о чем нам уже пришлось докладывать при представленіи Гетману и воен. министру. Затѣм члены миссіи установили сношенія по жел-до-рожным вопросам и по торговлѣ в украинских учрежденіях. Мы встрѣтили у вас внимательное отношеніе, как ближайшему сосѣду — Дону, ведущаго борьбу с нашим общим врагом — большевиками.

Дорошенко пояснил, что он понимает положеніе Дона, ведущаго борьбу за свое существованіе, а у Украйны сложилось, в настоящее время, иное положеніе: его министерство ведет дипломатическіе переговоры с Московской делегаціей, для разграниченія границ и установленія мирнаго договора, потому теперь Украина не состоит в войнѣ с Россійской Совѣтской Федеративной Соц. Республикой. В силу этого передача оружія сосѣду ведущаго войну с этой республикой вопрос деликатный, могущій усложнить наши переговоры.

Черячукин на это отмѣтил, что исторія дает примѣры тому, когда нейтральная страна все же помогала той сторонѣ, интересы коей ей ближе; вѣроятно, вы не забыли, когда во время войны с Японіей англичане все время помогали им.

На что с улыбкой Дорошенко отвѣтил:

— «Генерал прав и я, как и мои коллеги в правительствѣ, находим, что в вашей борьбѣ мы должны пойти вам на помощь, хотя бы находясь как бы нейтральными, но подчеркиваю деликатность этого вопроса, который не слѣдует муссировать, дабы не осложнять наших переговоров.

Я поблагодарил министра и добавил, что вопрос этот еще болѣе щекотлив для нас в отношеніях с нѣмцами.

— «Вы особо правы в этом, от них многое зависит. А вы были у Мумма и нѣмецкаго командованія?»

Что-бы польстить ему, я отвѣтил так:

— «Раньше хотѣл повидать вас, как министра страны — куда я командирован, хотя от Гетмана слышал, что Мумму извѣстно о нашем приѣздѣ и он интересуется познакомиться с нами».

Затѣм Дорошенко пространно пояснил обстановку указывал, что для сосѣдей выгодно ближе сходиться, а потому, как мы смо-

трим о вхожденіи Дона в Украинскую Державу в видѣ автономной или федеративной области?

Вот куда он гнет, подумал я и отвѣтил:

— «Этот вопрос у Атамана не подымался и мы не имѣем возможности его обсуждать. Но думаю, что Атаман и донскіе казаки — как все-же русскіе люди — скорѣе мыслятъ о вхожденіи на тѣх же основаніях в состав Россійскаго государства, когда захватчики власти уберутся».

Дорошенко пытался поднять разговор о границах с Доном, на что я, поддержанный всей миссіей, нашел, что теперь не время заниматься им, хотя имѣем документ, составленный в Кіевском Университетѣ.

Министр подумав согласился с нами и заявил — «Это дѣло будущаго».

На этом бесѣда наша закончилась. Прощаясь с нами, Дорошенко подтвердил, что в вопросѣ о снаряженіи он будет на нашей сторонѣ, просил еще раз поменьше о нем говорить.

Приглашеніе от нѣмцев, для знакомства с ними.

а) Визит к Мумму.

Вскорѣ, послѣ визита у Дорошенки, мы получили приглашеніе к германскому послу на Украинѣ, имѣвшему огромныя полномочія. Прибыв в 10 час. всей миссіей, я и Черячукин были в военной походной формѣ — Черячукин в донской казачьей, а я в кирасирской, полком коим командовал.

Мумм принял нас в своем салонѣ сухо, но изыскано вѣжливо. Бѣсъ разговоры шли через нашего переводчика.

— «Я побезпокоил вас приглашеніем, сказал Мумм, что-бы познакомиться и выяснить нѣкоторые вопросы. Из донесеній наших офицеров, находящихся на Дону, в том числѣ майора ф. Кохенгаузена, нам извѣстно мнѣніе вашего Атамана — поддерживать с нами добрыя отношенія, но мы сейчас ведем тяжелую борьбу на Западѣ, а потому мы можем оказывать помощь лишь тѣм организаціям, в коих полностью увѣрены, что онѣ не пойдут, ни при каком положеніи, не только в соглашеніе, но даже просто в сношеніе с образованіями могущими нам вредить».

Намек сдѣланный Муммом я принял, как о наших добрых отношеніях с Добровольческой Арміей. Поэтому, не называя Добр-Армію, возразил:

— «Мы боремся лишь против большевиков, они наши непримиримые враги и имѣем сношенія только с тѣми организаціями, которыя могут помочь в этой борьбѣ».

На это Мумм, сказал, как бы поправляя:

— «Или вы меня не поняли, или перевод сдѣлан не точно, я не задаю вам вопроса, я лишь хочу информировать о будущем, — как может сложиться обстановка».

В дальнѣйшем, наша бесѣда, вѣрнѣе поученіе нас Муммом, как надлежит вести политику, протекала мирно. Слушая его, мы избавлялись от отвѣтов на могущіе быть вопросы, а Мумм, в своем величіи полновластного владыки на Украинѣ, видимо наслаждался в своем превосходствѣ искушеннаго дипломата над нами дилетантами.

Чувствуя, наконец, что краснорѣчіе Мумма подходит к концу, я, улучив небольшой перерыв, доложил, что все им высказанное будет сообщено Донскому Атаману, а наша миссія, по выполненіи своих работ, возвращается, лишь ген. Черячукин остается здѣсь, которому, мы надѣемся — Его Превосходительство — не откажет и впредь своим вниманіем.

Прощаясь с нами, Мумм сказал, что он в курсѣ о наших пожеланіях военного снаряженія, но дѣло это касается военного командованія и Украинскаго правительства. Я знаю, прибавил он, что Командующій германскими войсками также хочет повидать вас. И, если вы не устали, то сегодня он может вас принять в 4-ре часа.

На что мы дали свое согласіе.

б) У командующаго герм. окупационными войсками.

В назначенный час мы прибыли, с нашим прекрасным переводчиком к фельдмаршалу Эйхгорну, ком. герм. войсками. Нас провели в его кабинет, гдѣ он сидѣл в глубоком креслѣ и курил сигару. Приподнявшись, он пожал нам руку и предложил расположиться в таких же удобных креслах и, взяв со стола коробку с сигарами, предложил желающим. Наш «министр» путей сообщенія взял сигару, я попросил папиросу, остальные были не курящіе.

Фельдмаршал уже пожилой и нѣсколько грузный, привѣтливо оглядѣвъ нас, с добродушной улыбкой выразил удовольствіе видѣть здѣсь нас двух Черячукина и меня, в военной формѣ. Чувствовалось, что забыл зачѣм хотѣл нас видѣть и видимо, не знал о чем говорить. Послѣ небольшой паузы, он заявил, что хорошо знает формы и особенно ему нравятся русскія.

— «Вот сразу вижу, сказал генерал указывая на шировары Черячукина, гдѣ был один широкій лампас, что вы казак! Как жалко, что теперь измѣненіе в веденіи войны! То ли в былое время на войну и в бой войска шли в парадных формах! И он еще что то говорил о прежних формах. Видимо цѣль нашего пребыванія в

Кіевѣ, его менѣ всего интересовала, а вспомнить о былом было пріятно. Во время его разсказа о былом, в кабинет вошелъ высокій нѣмецкій генерал, издали кивнулъ головой и сѣлъ в кресло. Увлечшійся разсказами хозяин, не сразу его замѣтил, закончив какую то фразу и оглянувшись в его сторону увидѣлъ и сказал: «а вот и мой начальник штаба, ген. Греннер». Тогда послѣдній доложил — «это Донская делегація, о которой я имѣлъ честь докладывать Вашему Высокопревосходительству».

— «А да, да вижу даже русскія формы. В чем же у вас дѣло?»

Я дал знак Черячукину, как мы условились, сдѣлать доклад. Черячукин кратко, недлинными фразами, для облегченія переводчику, объяснил цѣль нашей миссіи.

— «Мнѣ отлично извѣстно о вашей борьбѣ, об этом, ген. Греннер ежедневно мнѣ докладывает; сперва у вас были заминки, а теперь с ген. Красновым ваши боевыя дѣла пошли недурно».

— «Совершенно вѣрно Ваше Пр-ство, вновь вступил Черячукин, но сами знаете, что для веденія войны нужно оружіе и снаряды, у нашего противника их много, а у нас на Дону не было складов».

На это Греннер, с разрѣшенія своего Шефа, сказал:

— «Об этом мы уже увѣдомлены и Его Пр-ство может дать распоряженіе здѣшнему Правительству, но раньше у нас должна быть полная увѣренность, что это оружіе попадет в руки казаков.

— «К кому же оно может попасть, как не борющимся с большевиками? Отвѣтил Черячукин.

— «А у вас на югѣ, в ваших же казачьих станицах, собирается Добровольческая Армія, которая не хочет признать, что нами заключен мир с Россіей, продолжает считать нас врагами».

Что-бы помочь Черячукину, я взялъ на себя отвѣтить Герннеру.

— «Добр-Армія, это — добровольно собравшіеся русскіе люди, которые также, как и мы, ведут борьбу против большевиков, захватчиков власти нашей Родины. Очищая наши тылы в областях сѣвернаго Кавказа, они помогают нам; представьте себѣ, если бы у нас не было бы этой поддержки — выдержали бы мы? А если нѣтъ, то Дон вновь был бы захвачен красными и вмѣсто дружественнаго фронта, вам пришлось бы прикрывать его посылкой своих войск. Этим наша борьба оказывает и вам услугу».

— «До нѣкоторой степени вы правы генерал, сказал Греннер, но добровольцы, мы отлично знаем, не любят нас, относятся к нам враждебно и, если обстановка им будет благопріятствовать, немедленно организуется фронт против нас. Конечно, это будет не так страшно, но все же требует сил — для отпора».

— «Мы с вами, с волненіем выразил я, старые офицеры ген. штаба, а потому, откинувши мысли о любви или ненависти, не играющія значительной роли, отдадим себѣ здравый отчет — ка-

кую опасность для вас может представить небольшая горсточка мужественных, русских патриотов? Их главная цѣль борьба не на жизнь, а на смерть с поработителями нашего Отечества! Они собираются и жертвуют жизнями! Таким людям, преданным Родинѣ, можно только сочувствовать. Будем искренни и в душѣ, каждый из нас отдаст должное в их стремленіях и подвигах. Наконец, Ваше Превосходительство, я глубоко убѣжден, что если в таком же положеніи оказались бы германскіе подданные своего императора, то без сомнѣнія поступили также!»

На мою с жаром сказанную тираду, ген. Эйхгорн, как то вострепенулся, крикнул от удовольствія и сказал:

— «Какіе могут быть разговоры, всѣ нѣмцы пошли бы их бить!»

Всѣ улыбнулись, даже Греннер не удержался и уже мягче произнес:

— «Вы ловко затронули за живое нашего начальника, который разберется в вашей просьбѣ и полагаю — поможет вам».

Мы поблагодарили и уже в болѣе мягком прощаніи чувствовалось, что ледок недоброжелательства Греннера подтаял и препятствій передачи Дону оружія и снарядов — не будет.

На слѣдующій день, как я часто дѣлал, зашел перед обѣдом к Скоропадскому, когда он дѣлал прогулку по саду. Застал его гуляющим с В. В. Дашкевичем и двумя членами правительства и здороваясь со мной заявил:

— «Браво, поздравляю, сегодня утром, видѣлся с Греннером и он рассказал мнѣ, как ты ловко поддѣл старика-командующаго! Добиться от нас, в общем благожелательно к вам настроенных было не трудно, а сломать такой кремень — как Греннер — задача не из легких. Оставайся обѣдать, хочу выпить за успѣх».

За обѣдом Гетман, выпив за успѣх и мое здоровье, выразил увѣренность что препятствія к выполненію нашей просьбѣ устранены.

Рѣшеніе миссіи об окончаніи своих работ.

Послѣ нашего визита у нѣмецких властей выяснилось, что с этой стороны наши опасенія о запретѣ в выдачѣ нам боевых запасов и снаряженія отпали, другими словами, главная цѣль, для выполненія которой мы были посланы, достигнута.

Собрав всю миссію, мы подробно обсудили достигнутые результаты и нашли, что задачи нам поставленные Донским Атаманом выполнены: нужное нам снаряженіе мы получим, желѣзно-дорожные вопросы обоюдным соглашеніем достигнуты, торговля дѣла товаро-обмѣн налажены; вопрос о Таганрогском округѣ, всегда входившем, как и теперь в область Донскую, в настоящее время,

не актуален; а проїзд желающим через Таганрог и Ростов, как и вообще выїзд из Украйны, куда бы то ни было, никогда не был запрещен.

Поэтому, мы можем возвращаться, предоставляя Черячукину, остающемуся здѣсь, — закончить формальности.

(Как нам стало извѣстно потом, в первый же мѣсяц послѣ нашего отїзда было отправлено на Дон: 11.600 винтовок, 88 пул., 46 орудій, 109 тыс. арт. снарядов, 11,5 милл. патронов; около трети Красновым было передано Добр-Арміи).

Наш «купец» порадовал нас, что им выхлопотано для каждого из нас по 10 кило сахару, по казенной цѣнѣ. Кромѣ того желающіе могли купить на базарѣ сколько угодно сахару, т. к. в нем был недостаток на Дону, гдѣ сахарных заводов не существовало.

У меня еще было приглашеніе русскаго общественнаго дѣятеля, для обмѣна мнѣніями и просьбой ко мнѣ подѣлиться свѣдѣніями о событіях на Дону, которое состоится завтра. Затѣм остается попрощаться с Гетманом.

Поэтому, я предложил нашим членам закончить в два дня свои дѣла, что-бы на третій мы могли выїхать, прося нашего путейскаго «министра» распорядиться прицѣпкой нашего вагона к отходящему поїзду.

На собраніи пріѣзжих русских.

Память мнѣ не сохранила имени хлопотливаго хозяина, пригласившаго на собраніе; когда я пріѣхал в его небольшую квартиру, там уже было не мало собравшихся; слышались голоса спорящих: одни обвиняли политику гетмана, другіе находили что ничего другого он сдѣлать не может, большинство спорили горячо.

Меня обступили знакомые и незнакомые, узнав, что я пріѣхал с Дона, засыпали вопросами. К счастью, хозяин дома пришел мнѣ на помощь и просил, как я общал, ознакомить с положеніем на Дону и Добр-Арміи. Собралось до 40 человек и среди них я увидѣл быв. конно-гвардейца барона П. Н. Врангеля, способнаго и храбраго офицера, с которым не раз встрѣчались в его полку, гдѣ он носил названіе «Пипер», и в застольных краснорѣчивых тостах он соревновался со своим однополчанином Бискупским.

Увидя меня, Врангель подошел с вопросом: «А и ты сюда пробрался, да еще в военной формѣ?»

Я отвѣтил, что рад его видѣть, на Дону с декабря и по просьбѣ хозяина, подѣлюсь своими свѣдѣніями, к чему и приступаю.

Вкратцѣ я повѣдал о своем пріѣздѣ в Новочеркасск, свиданіи с Алексѣевым, Корниловым и бывшими «Быховскими узниками», об участіи в возстаніи с казаками против большевиков; а также о доблестном походѣ Добр-Арміи на Кубань.

Хозяин и слушатели поблагодарили за доклад, но пришлось отвѣчать на массу задаваемых вопросов, в том числѣ, что мнѣ удалось выполнить из порученій данных мнѣ Красновым.

— «Все это интересно, что ты рассказал, вдруг рѣзко обратился ко мнѣ Врангель, но однобоко освѣщаешь обстановку — много о казаках и вскользь о добровольцах, между тѣм они стоят на правильном пути спасенія Россіи, а Краснов с казаками пошел на поклон нѣмцам».

Упрек в рѣзкой формѣ брошенный мнѣ — меня удивил. Я отвѣтил, что меня никак нельзя обвинить в пренебреженіи к Добр-Арміи, я одним из первых прибыл на зов Алексѣева и лишь случай, меня не казака, толкнул на работу против красных с казаками, гдѣ пришлось быть дѣйствующим лицом, ясно что о казаках могу больше рассказать, чѣм о славном походѣ добровольцев на Кубань, о котором повторил лишь то, что передали мнѣ участники его. Работа Добр-Арміи мнѣ близка и я, находясь и здѣсь, веду пропаганду — всѣм идти на помощь добровольцам. На днях здѣсь я встрѣтил Кн. А. Н. Долгорукова, вѣроятно и ты его видѣл, совѣтовал ему ѣхать в Добр-Армію и звать с собою на жертвенную борьбу, а не сидѣть здѣсь, ища тепленьких мѣстечек а нам бывшим военным, слоняющимся здѣсь — стыдно. Ты обвиняешь Краснова, но он же ведет тяжелую войну, неся не малые потери, против красных, а его поклон нѣмцам, в котором ты бросаешь упрек был неизбежен, т. к. вести борьбу без боевого снаряженія, с голыми руками, против вооруженнаго противника — нельзя. Поэтому, сложившаяся, помимо Краснова, обстановка потребовала пытаться достать нужное оружіе на Украинѣ, правда оккупированной нѣмцами, но гдѣ имѣются бывшіе русскіе склады. Попытка эта, усиліями моей миссіи, удастся и в ближайшее время мы получим и Краснов сможет подѣлиться с добровольцами».

К сожалѣнію, всѣ мои доводы не удовлетворяли Врангеля и он продолжал находить новыя возраженія. Одно время я сам собирався бросить ему упрек, что стыдно, так поздно добратся сюда, гдѣ сидѣть под защитой своего быв. командира полка Скоропадскаго, котораго, как сам высказал со злобой, и видѣть теперь не хочет. Но я сдержался, замолчал и перестал отвѣчать.

Через нѣкоторое время Врангел вновь обратился ко мнѣ, сказав, что на днях повидал офицера пріѣхавшаго из Ростова, который рассказал ему о недружелюбном отношеніи Дона и Краснова к добровольцам, вслѣдствіе чего Добр-Армія принуждена покинуть донскія станицы, гдѣ отдыхала и пополнялась и уходит на юг.

Подобная информация, на которую ссылается Врангель, мнѣ показалась весьма странной и стараясь себя сдерживать сам задал вопрос:

— «Могу лишь удивляться, какое значеніе могут имѣть подобныя бродячіе освѣдомители, не справившись об их личности и тебѣ просто надо было задать этому офицеру вопрос — почему он сам, находясь близъ расположенія добровольцев, предпочел вмѣсто похода с Арміей уѣхать сюда? Не дезертирство ли это? и что стоят информаціи этих типов.

Рѣшеніе Добр-Арміи двигаться на юг, согласно полученным мною на дняхъ свѣдѣніям, есть слѣдствіе бывшаго совѣщанія в станицѣ Маньгеской 15/28 Мая 1918 г. вождей Добр-Арміи Алексѣева и Деникина с Красновым; послѣдній предлагал Д-Арміи двинуться на Царицын, для чего передавал в полное подчиненіе Деникину значительныя силы казаков, а он сам продолжал бы вести борьбу на сѣвер и сѣв-восток области. Деникин находил нужным движеніе Д-Арміи на Кубань, для освобожденія Кубанских казаков и очистки тыла с юга. Таким образом никто не принуждал уходить на юг, это было рѣшеніе добровольческаго командованія».

Стратегическая задача, рѣшавшаяся на Маньгеском свиданіи, широко описана, как участниками — Деникиным и Красновым, так и эмигрантскими и совѣтскими писателями. Теперь, когда эти событія составляют историческое прошлое, видно что рѣшеніе принятое Деникиным было ошибочным: мы на цѣлый год завязли в районѣ сѣвернаго Кавказа и дали время на формированіе Красной Арміи; мы потеряли Волжскій фронт и с ним связь с Уральскими и Сибирскими очагами возстанія и многое другое, что составляет предмет отдѣльнаго изслѣдованія.

Не знаю, убѣдил ли я Врангеля? Полагаю, что нѣтъ. Тут была предвзятость, с которой он обращался ко мнѣ, она не давала ему спокойно и трезво вникнуть в мои объясненія. Мнѣ трудно разгадать — откуда у него, стараго пріятеля, появилась злоба ко мнѣ? Могу лишь предполагать, что тщеславіе и желаніе всегда играть первую роль была причиной. Оно же, в болѣе серьезном случаѣ, видно в его отношеніях с Деникиным. Несмотря на такое непріязненное чувство ко мнѣ Врангеля, я должен признать в нем — крупнаго и энергичнаго вождя Бѣлаго Движенія, которому исторія отдаст должное в его дѣятельности.

Прощальный визит у Гетмана и возвращеніе на Дон.

На слѣдующій день, я поѣхал проститься к Скоропадскому. Мы опять прогуливались по саду и высказывали добрыя пожеланія. Я напомнил ему наш первый разговор, во время котораго я усумнился в его увѣренности о нѣмецкой побѣдѣ. Он вновь подтвердил, что в этом у него нѣтъ никакого сомнѣнія.

— «Ну, если так, то тебѣ остается лишь мудро провести свою политику, что-бы к развязкѣ, нѣмцы возможно меньше наложили бы своих требованій. Но, всякому дальновидному правителю, необходимо быть готовым и на другой конец, а именно — вслучаѣ побѣды Союзников?»

— «Нѣмцы принуждены будут очистить Украину, отвѣтил он, а мы будем свободны».

— «От этой напасти вы освободитесь, а что, — как и сам раньше опасался — сможете противопоставить на бросивших на вас большевиков? К тому же и Петлюровцы доставят не мало заботы. Для этого нужна вооруженная сила, которой у вас нѣт. Я повидал и был приглашен на завтрак к весьма разсудительному вашему Начальнику Ген. Штаба Сливинскому, мы много бесѣдовали, был там и ген. Головин, котораго ты хорошо знаешь, нужно не очень расчитывать на побѣду нѣмцев, а, не теряя времени, сломить сопротивление нѣмцев в нежеланіи дать вам разрѣшеніе в формированіи вооруженной силы. Это не легко, но раз необходимо слѣдует не останавливаться перед любыми мѣрами, дабы не остаться с пустыми руками. Обстановка для тебя — безоружнаго — может сложиться грозная, поэтому, лично полагаю, что-бы этого не случилось, можно идти даже пригрозив о своем уходѣ вслучаѣ не желанія нѣмцев уважить вашу просьбу. Вѣдь и им не весело усложнять свою обстановку во время войны».

К сожалѣнію, чувствовалось, что Скоропадскій не принимает моих предостереженій, считая их запугиваніем и никогда не рѣшится на риск, лишиться своего гетманскаго положенія, при угрозѣ нѣмцам о своем уходѣ. Вернувшись с прогулки, он приглашал остаться обѣдать у него, но у меня были еще дѣла, я поблагодарил и извинился. Мы дружески распрощались.

Выполнив задачу поставленную Атаманом Красновым, мы простились с гостепріимным Кіевом. Жизнь в нем кипѣла ключем, населеніе устраивалось, как бы, на мирном положеніи, большинство не отдавало себѣ отчета, что грозныя событія войны и революціи могут коснуться и их. Мало чувствовалась та жертвенная борьба, которую по сосѣдству ведут Добр-Армія и Донское казачество против большевиков; а боевыя событія на Западѣ, под гром орудій и бомб — далеко еще не кончились. Правительству вновь испеченной Украинской Державы и большинству жителей не было дѣла о происходящем на Западѣ и Востокѣ, убаюканные порядком, поддерживаемым нѣмецкими штыками, считали себя, как дѣти, вышедшіе из игры, что все происходящее в мірѣ их не касается. Увы, событія коснулись и их, тяжело отозвались на Кіевлянах, коим пришлось пережить не мало горя и бѣдствій.

Наш вагон был прицѣплен к отходящему поѣзду и мы пока-тили к себѣ, гдѣ кипѣла работа по борьбѣ с красными.

ПОѢЗДКА В ПАРИЖ И ЛОНДОН.

Вновь на Дону. Визит Союзнических миноносцев.

Вернувшись из Кіева, я явился Краснову, которому, в дополнение своих донесеній, по мѣрѣ работ миссіи, сдѣлал подробный словесный доклад. Атаман остался доволен нашей работой, сердечно благодарил и просил повторить его на общем засѣданіи, под предсѣдательством его самого, Донскому правительству. По моей просьбѣ на доклад приглашены участники (кромѣ консула Карасева) нашей миссіи, с правом дополнить мое сообщеніе.

В то-же время, тяжелые бои, для освобожденія края от захвативших власть большевиков, продолжались. Добровольческая Армія, двинувшись на юг, освободила Кубанскую область и кубанское казачество влилось в нее.

В Донской арміи, наступленіе в сѣверном направленіи — на Воронеж, шло довольно успѣшно, а в восточном — на Царицын встрѣчало большое сопротивленіе, что объяснялось тѣм, что через желѣзно-дорожный узел Царицын у красных шла их связь с большевѣстскими частями, застрявшими в сѣверных областях Кавказа, борьба с которыми Добр-Арміи задерживала последнюю в этих мѣстах.

К осени 1918 года, положеніе на Западном фронтѣ міровой войны склонилось на сторону Союзников. На Балканском полуостровѣ, Салоникскій фронт Союзников, включая двѣ русских стрѣлковыя бригады, успѣшным наступленіем прорвал здѣсь фронт центральных держав и заставил Болгар и Турцію выйти из борьбы. Соединенный англо-французскій флот вошел в Черное море и Командованіе Добровольческой Арміи смогло установить свою связь с западными державами.

В порты Азовскаго моря 21 ноября через Маріуполь вошли французскіе и англійскіе миноносцы. Что-бы показать им обстановку нашей борьбы, Краснов пригласил офицеров этих миноносцев в Новочеркасск и на меня возложил поѣхать за ними и сопровождать во время их пребыванія.

Кромѣ посѣщенія ими Ростова и Новочеркасска, гдѣ им были устроены торжественныя встрѣчи, Краснов со мною пригласил командиров миноносцев — французскаго капитана Кошена и англійскаго кап. Бонд, на двухъ автомобилях, проѣхать на фронт. В двухдневной поѣздкѣ, по уже покрытой снѣжкомъ землѣ, мы объѣздили сѣверный фронт, гдѣ наканунѣ оказался большой уступъ и были взяты большіе трофеи.

Командировка в Париж и Лондон.

Послѣ побѣды Союзников, в Версалѣ, собрался конгрессъ побѣдителей, для выработки мирнаго договора.

Для защиты русскихъ интересов, от адмирала Колчака и Добр-Арміи были посланы в Париж — быв. министр Иностр. Дѣл Сазонов, ген. Щербачев и Головин. Атаман Краснов, с согласія Сазонова, и в помощь по Донскимъ дѣлам, командировал свою делегацию, возглавить которую, при поѣздкѣ в Париж — просил меня.

В послѣднихъ числахъ декабря 1918 года, я с делегацией выѣхал и, послѣ не малыхъ мытарствъ с визами, всякими разрѣшеніями, так и с полученіемъ мѣста на пароходах, лишь с частью делегации в том числѣ адмир. Бубновымъ добрался до Парижа. Послѣдній, сравнительно с прошлымъ, поразил меня своимъ сѣрымъ видом, тяжелая война оказала свое вліяніе.

К сожалѣнію, для нашего Отечества, в чемъ быстро можно было убѣдиться, интересы Россіи были полностью скинуты со счета Версальскими рѣшителями судьбы Европы и всего міра.

В зданіи русскаго посольства в Парижѣ, гдѣ нашимъ посломъ пока оставался Маклаков, собрался цѣлый синклитъ прибывшихъ сюда, лишенныхъ своихъ мѣстъ нашихъ бывшихъ дипломатическихъ представителей-пословъ, в том числѣ и Сазонова, которые под предсѣдательствомъ быв. главы Временнаго Правительства, князя Львова — образовали «ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ» для защиты русскихъ интересовъ передъ рѣшателями мира в Версалѣ.

Увы, никто ихъ не выслушалъ и нигдѣ ихъ не принимали, хотя почтенное Особое Совѣщаніе стучало во всѣ двери и безъ конца писало: ноты, меморандумы, разъясненія и пр. о существованіи Россіи. Но это былъ голосъ вопіющаго в пустынѣ. При кройкѣ карты Европы забыли, что не малое мѣсто в мірѣ занимаетъ наше государство. Лишь многимъ существовавшимъ и не существовавшимъ государствамъ удавалось установить свои границы и урвать лакомые куски...

Русскимъ весьма дѣятельнымъ генеральнымъ консуломъ в Лондонѣ состоялъ Ону, братъ жены профессора ген. Головина. Ему пришла

мысль познакомить англійских парламентаріев с обстановкой царившей в Россіи и борьбу которую вели Бѣлые фронты. Уяснив себѣ происходящія на нашей Родинѣ событія, они могли побудить Ллойд-Джорджа оказать помощь русским бѣлым фронтам. Парламентская комиссія по иностранным дѣлам согласилась выслушать сообщеніе о создавшемся положеніи в Россіи и Головин был приглашен пріѣхать в Лондон и сдѣлать, по этому вопросу, доклад.

Получив приглашеніе, Головин приступил к составленію своего сообщенія и пригласил меня помочь в его работѣ. Пришлось около двух недѣль собирать данныя и составлять доклад, широко обнимающій и освѣщающій обстановку и событія в Россіи. В серединѣ февраля, Головин и я, а также адм. Бубнов, выѣхали в Лондон.

Недостаточно владѣя англійским языком, Головину было невозможно сдѣлать самому доклад, но наш военный агент в Лондонѣ ген. Ермолов, как в совершенствѣ владѣющій англійским языком, предложил свои услуги быть переводчиком. Вышло довольно удачно — послѣ каждой фразы сказанной Головиным по-русски, Ермолов тотчас произносил ее по англійски.

Для выслушанія сообщенія, собралась комиссія по внѣшним дѣлам, пришли и нѣкоторые парламентаріи из других комиссій, присутствовало не менѣе 40 чел. Доклад был выслушан с большим вниманіем, видимо заинтересовав англичан, засыпавших вопросами и просьбами разъясненій.

Был ли результат от этого сообщенія? Увы, полагаю — что никакого. С вниманіем выслушали, наружно одобрили, а в результатѣ позиція Ллойд-Джорджа осталась без измѣненія.

В Лондонѣ, наш повѣренный Посольства Набоков, замѣнявшій в это время посла, устроил обѣд, на который были приглашены и нѣкоторые лица русской колоніи. А послѣ обѣда, Головин и я освѣдомили присутствующих о нашей борьбѣ в Россіи. Нам пришлось отбыть еще двѣ трапезы, устроенныя русскими организаціями, на которых, как полагается, слѣдовали: рѣчи, тосты, пожеланія, разъясненія и пр.

Вернувшись во Францію, в Париж, я застал только что добравшихся сюда членов моей делегации, застрявших в Константинополѣ, ген. Герасимова и члена Донского Круга Г. Карева. Я поставил их в курс создавшейся обстановки и выразил полную бесполезность пребыванія здѣсь в то время, когда грозныя событія гражданской войны призывали принять в ней участіе, рѣшил покинуть милую Францію и вернуться. А они оба, решили оставаться в Парижѣ; я передал им остающіяся деньги, оставив себѣ небольшой аванс на возвращеніе.

Встрѣча в Румыніи с Французским генералом Бертелло.

Продѣлав путь из Россіи в Париж через Одессу, Константинополь, Грецію и Италію, выжидая в портах и пересаживаясь с парохода на пароход, что было — сложно, медленно, томительно с массой неудобств, теперь хотѣлось, когда в Европѣ война отгремѣла, сократить время переѣзда обратно вернуться, сушей. Как будто желѣзно-дорожное движеніе налаживалось и даже должен был быть отправлен экспресс Париж-Константинополь. С трудом, через франц. Мин. Ин. Дѣл, удалось достать на него мѣсто.

Маршрут экспреса проходил через Австрію, Венгрію, Юго-Славію и Болгарію, в нем, с большими удобствами в вагонах международного общества и вагоном ресторansom, я покати́л, но в дорожѣ судьба нам приготовила не мало сюрпризов.

Проѣзжая урѣзанную со всѣх сторон Австрію, отдѣленную от Венгрии, получилось извѣстіе, что в послѣдней власти захвачена небезизвѣстным коммунистом Бела-Кун, поэтому, нашему поѣзду указано было не проѣзжать Венгрію, а взять болѣе кружный путь через Юго-Славскій гор. Загреб (входившій ранѣе в Австро-Венгрію и носившій нѣмецкое названіе Аграм).

Далѣе, не доѣзжая до Бѣлграда, выяснилась новая неприя́тность и удлиненіе нашего пути, т. к. поѣзд наш не может пройти на Константинополь, вслѣдствіе поврежденія и еще неисправленных, по окончаніи войны, мостов. Приходилось вновь мѣнять маршрут, свернув на Румынію и дойти лишь до Бухареста.

Прибыв в послѣдній, мы покидали прекрасные вагоны, экспреса и нужно было искать дальнѣйшаго способа добираться к себѣ. На вокзалѣ я узнал, что единственный путь, для возвращенія, это взять рѣдко ходящій теперь поѣзд в Румынскій порт Констанцу, гдѣ искать пароходов. Но, в направленіе на Россію — их нѣтъ, поэтому не миновать Константинополя.

Пока что поѣхал в гостиницу. Извозчик, как почти всѣ извозчики в Бухарестѣ, оказался русским из секты скопцов, переселившихся сюда пол вѣка назад и не забывших родного языка.

В Румыніи, в это время, еще продолжала находиться французская военная миссія, во главѣ которой состоял франц. генерал Бертелло. Эта миссія прибыла в Румынію еще до революціи в Россіи, для снабженія и обученія Румынской арміи — необходимыми техническими средствами, для веденія войны.

Румынія два года присматривалась — к какой сторонѣ примкнуть? Но недалёковидно не принимала никаких мѣр, для подготовки своей арміи необходимой техникой. Видимо выжидала выясненія — стать на ту сторону, гдѣ зрѣлый плод побѣды, без усилій с ее стороны, сам достанется ей. Послѣ Брусиловскаго про-

рыва выступила на русской сторонѣ, но неподготовленная во всѣх отношеніях Румынская армія — принуждена была отступать. Посыпались просьбы к Россіи о помощи. Послѣ русской революціи и выхода из войны Россіи, Румынія принуждена была заключить мир с Германіей.

Перед войной, в 1913 году, ген. Бертелло состоял в депутаціи ген. Жоффра, когда послѣдній пріѣзжал на маневры в Россію, при которой состоял и я, а, потому, узнав о моем пріѣздѣ, пригласил к себѣ на завтрак.

На завтракѣ присутствовали офицеры его миссіи в Румыніи. Он был, как и многіе упоен побѣдой. Ранѣе заискиваніе в отношеніи к нам русским военным, в коих видѣли своих дѣйствительных спасителей, смѣнилось и теперь сквозило, как бы свое превосходство, хотя и прикрытое французской любезностью и добродушіем самого генерала.

Я затронул вопрос относительно помощи Добр-Арміи из военных запасов оставшихся здѣсь.

Бертелло, довольно пространно, объяснил мнѣ, что еще до их побѣднаго конца, во время оккупации нѣмцами Украйны, удалось снабдить оружіем отряд полк. Дроздовскаго, но это, конечно, капля в морѣ. Послѣ ухода нѣмцев стало легче. Пріѣзжал сюда от Деникина ген. Эрдели, но Румыны отказались, что либо отдавать, считая всѣ запасы своими, тогда как всѣ находящіеся здѣсь склады оружія были, как и снаряды, русскими.

— «Румынія теперь вас не любит, прибавил Бертелло. Они говорят: русскіе втянули нас в войну, а потом с революціей бросили! Вы, как и я, знаем, что это незѣрно . . . Скажу к тому же, да вѣдь они и не побѣдили, а заключили мир с нѣмцами, поставив меня с миссіей в затруднительное положеніе. А теперь сидят в Версалѣ — как побѣдители!»

Послѣ завтрака, когда я прощаясь благодарил за пріем, Бертелло спросил, чѣм он может быть мнѣ полезным?

Я отвѣтил просьбой: не может ли он помочь мнѣ добратъся до Новороссійска?

— «Единственный путь вам лежитъ, через Констанцу, откуда не регулярно ходят пароходы в Константинополь. Из послѣдняго, также не регулярно, французскіе транспортные суда ходят в Новороссійск. Я распоряжусь, что-бы вам дали мѣсто и отвели купѣ в поѣздѣ, идущем нѣсколько раз в недѣлю — в Констанцу, т. к. поѣзда переполнены и вагоны в ужасном видѣ. Затѣм дам вам письмо в штаб верховнаго французскаго представителя в Константинополь, для устройства вас на ближайшій пароход идущій в Новороссійск».

Я поблагодарил и мы дружески простились. Но все же, узнав о днѣ моего отѣзда из Бухареста, Бертелло лично заѣхал, на

французском автомобилѣ, за мной в гостиницу и повез с моим багажем на станцію, объяснив:

— «Не особенно довѣряю Румынам, что они выполняют мою просьбу по устройству вас в поѣзд, а потому хочу вас проводить».

На вокзалѣ его встрѣтил начальник станціи и все было устроено. Всѣ вагоны поѣзда были в ужасном видѣ, не было почти ни одного цѣлаго стекла в окнах, мѣста брались, что называется, с бою. Я был рад, что благодаря любезности Бертелло, был избавлен от этой непріятности.

В Констанцѣ пришлось прождать болѣе суток отходящаго парохода в Константинополь. В послѣднем, благодаря письму Бертелло, я был устроен на большой французскій пароход, уходившій со снаряженіем, для Добр-Арміи — в Новороссійск. Моя заграничная командировка была закончена.

Вернувшись в Новочеркасск, я застал свою семью в тревогѣ, не имѣя никаких свѣдѣній обо мнѣ. За время моей поѣздки, моя жена перенесла, в тяжелой формѣ, сыпной тиф, который свирѣпствовал во время гражданской войны на югѣ Россіи. Лѣчившій жену доктор, горничная жены, ухаживавшая сестра милосердія, — не перенесли и скончались от этой ужасной болѣзни.

На Дону, гдѣ в это время шли тяжелые бои с красными, я не застал Краснова. Он сдал должность вновь избранному Донским Атаманом ген. А. П. Богаевскому, с которым, до міровой войны, я служил по Генеральному Штабу в Петербургском военном Округѣ.

Сдѣлав подробный доклад о своей командировкѣ, как лично Атаману Богаевскому, так и Донскому правительству, я вновь включился в число участников бѣлой борьбы с красными.

ЗА РУБЕЖОМ.

Положеніе в нашем Отеествѣ, послѣ Октябрьской революціи, понудило сотни тысячъ людей, всякими способами, покинуть Родину и бѣжать за границу. Неудача же бѣлыхъ фронтовъ, ставшихъ на защиту Отечества отъ захватчиковъ власти надъ ней, вынудили ея эвакуацію, послѣ трехъ лѣтъ неравной борьбы. Находясь на южномъ фронтѣ, пришлось и мнѣ с женой и малолѣтнимъ сыномъ, 20 февраля 1920 г. выѣхать изъ Новороссійска на пароходѣ «Константинъ». Послѣ всяческихъ мытарствъ — стоянки на рейдѣ в Босфорскомъ проливѣ, вынужденнаго принятія душа на островахъ Принкипо — мы прибыли в Салоники, откуда были доставлены в Бѣлградъ.

Увы, обстановка, которая насъ приняла заграницей, была безотраднѣй. В то время еще отсутствовала какая либо организація по защитѣ прав и интересовъ бѣженцевъ, какъ и не существовало домовъ для престарѣлыхъ. Кто смогъ захватить с собою какія-либо цѣнности, распродалъ ихъ за безцѣнокъ. Болѣе молодые, сохранившіе свое здоровье, поступали на какую либо работу, главнымъ образомъ, рабочихъ. В лучшемъ положеніи были спеціалисты и техники.

Старики и инвалиды были в особѣ отчаянномъ положеніи.

Отсутствіе Отечества и его консульской защиты дѣлало бѣженцевъ безправными. «Права человѣка» ихъ не касались. Побѣдители эгоистически замкнулись в своихъ интересахъ, забывъ о Россіи, которая кровавыми боями шла за общее дѣло, спасая и выручая ихъ в критическіе дни войны.

Большинство странъ отказывали в выдачѣ въѣздныхъ визъ. Получить ихъ можно было исключительно по протекціи вліятельныхъ лицъ.

Пробывъ около трехъ лѣтъ в Юго-Славіи, мнѣ удалось с семьей, довольно неудачно перебраться в Германію, гдѣ началась «спартаковское движеніе», появились пропагандисты большевизма; все показывало о возможной перспективѣ, послѣ тяжелаго пораженія, послѣдовать примѣру несчастной нашей Россіи. Приходилось выбиратьсѣя отсюда. А судьба мнѣ в этомъ посодѣйствовала.

Невыполненіе нѣмцами, какихъ то обязательствъ по Версальскому мирному договору, повлекло французское Правительство Пуанкаре оккупировать пограничный Рурскій районъ французскими и Бельгійскими войсками. В противодѣйствіе этому, нѣмцы сняли персоналъ с желѣзныхъ дорогъ этого района. Получился пара-

лич транспорта и передвиженія. Но немедленно командированная часть служащих с французских и бельгійских жел-дорог, хотя и не полностью, все же справились с этим саботажем в оккупированном Рурском районѣ.

На работу жел-дорог были приняты и добровольцы, а также, со значительными урѣзанными условіями, были приняты до сотни русских.

Около полутора года (в 1923-24 годах) мнѣ удалось проработать здѣсь, а сын начал свое ученіе во французском лицѣѣ, который заботливо был открыт в Висбаденѣ на время оккупации.

Но к осени 1924 года в Парижѣ Пра-ство Пуанкарэ, было замѣнено Пра-ством Эріо, с рѣшеніем котораго кончилась оккупация Рурскаго района и возвращеніе служащих. Нам, временно принятых на работу, уплачивали лишній мѣсяц и представляли даровой проѣзд с семьей и багажем до любого мѣста во Франціи.

Здѣсь же произошел комическій эпизод бѣженскаго существованія. Среди русских поступивших на работу, большинство были из лиц не имѣвших ранѣе своего пребыванія во Франціи, когда они обратились к здѣшнему французскому консулу с просьбой о визѣ, то послѣдній в этом категорически отказал.

Получилась невязка у властей одного государства: французскія власти — по жел-дорожному вѣдомству дают даровой проѣзд в любой пункт во Франціи, а тѣ-же власти, — по дипломатическому вѣдомству, не дают права вѣзда в их страну! . .

Понадобились безконечныя хлопоты, для урегулированія этого, так сказать, государственнаго разнобоя.

Перебравшись в Париж, я поступил на службу в Банк Національ де Креди, а сын продолжал свои занятія в лицѣѣ. Науки ему давались легко и он преуспѣвал и при переходѣ из класса в слѣдующій получал призы в palmarés, но здоровье его оказалось, послѣ перенесенной скарлатины, в опасном положеніи. По требованію докторов, лѣтом 1926 года, я с семьей перебрался в Ниццу, куда я перевелся в отдѣленіе того же банка.

Здѣсь, на французской Ривьерѣ, мнѣ пришлось надолго обосноваться; кромѣ моей службы в банкѣ — для заработка, мнѣ пришлось заняться и общественной работой, для помощи ближнему, ибо полное отсутствіе, в то время, каких-либо органов помощи бѣженцам, требовало за них безконечных хлопот и, главное, сбора благотворительных средств, на вопіющую нужду, испытываемую многими русскими бѣженцами.

Мнѣ пришлось принять на себя предсѣдательство здѣсь по Обще-Воинскому Союзу и Союзу быв. офицеров участников войны 1914-20 г. г. А в 1930 году ген. Хабаев, Предсѣдатель Инвалиднаго Союза во Франціи, предложил мнѣ организовать в Ниццѣ Отдѣл инвалиднаго Союза и оборудовать Дом, на 25 человек, гдѣ,

лишенным по состоянию здоровья работать, инвалидам, было бы предоставлено полное содержание — кров, довольствие и, по возможности, одежда. На первоначальное обзаведение небольшую сумму выхлопотала Е. В. Половцова от Монакской принцессы Шарлотты, но дальнѣйшее обезпеченіе средствами на содержаніе Дома от благотворительности ложилось на меня.

Задача была не из легких, но судьбѣ угодно было помочь мнѣ.

Понимая, что добыть средства из своей же бѣженской среды — далеко недостаточно, мнѣ пришлось продѣлать тяжелую и хлопотливую работу и привлечь, как почетных гостей, на устраиваемые мною в фешенебельных отелях благотворительные вечера, высших военных и гражданских властей, начиная с Префекта, Мэра, нач. гарнизона, а также иностранных консулов. Как ни странно, не так вокальная сторона вечера, а эта почетная элита привлекали, как высшую, так и денежную, да и просто любопытную, а быть может и тщеславную и зараженную, снобизмом публику. Мнѣ помогала жена, хорошо владѣвшая языками, что-бы занимать, на почетном столѣ, весь интернаціонал собравшихся.

В теченіе 16-ти лѣтъ, я, находился во главѣ этого дѣла, продѣлал нелегкую работу по сбору средств на содержаніе 25 инвалидов в Домѣ и на выдачу нуждающимся членам подвѣдомственных мнѣ организацій — пособій.

В 1945 году французское Правительство организовало старческие дома, для малоимущих стариков, в том числѣ и наши инвалиды, призрѣваемые в нашем инвалидном домѣ, сперва получили средства на содержаніе, а затѣм переселены в гор. Грасс в старческой дом.

Этими мѣрами моя главная забота отходила и я считал, что могу работу по инвалидным дѣлам передать болѣе молодым силам, т. к. моя нервная система расшаталась от долговременной напряженной работы по добычѣ средств.

Моим замѣстителям, коим работа была сильно облегчена, а дорого стоящее содержаніе инвалидов в бывшем Домѣ отпадало и, наоборот, унаслѣдованное оборудованное и меблированное помѣщеніе, при умѣлом использованіи, могло приносить доход от сдачи в наем комнат. Расположеніе Дома близъ нашего Собора, в центрѣ жительства русских, было удобным для собраний русской колонии.

К сожалѣнію, постоянная смѣна руководителей Ниццкаго. инвалиднаго отдѣла не выявила лица кто бы жертвенно взялся за работу и особенно по сбору денег. Возглавители собирались раз в мѣсяц — поговорить и закусить. Вся работа лежала на секретарѣ, он же завѣдывающій Домом, фактически единственным, безсмѣнным работником, заваленным перепиской, починками и сбором денег за сдачу комнат.

Административные расходы, в том числѣ широкая трата на такси и пр. возросли, а сбор средств был незначительный (производился исключительно секретарем, председателем, на котораго, согласно Уставу, ложилась обязанность по сбору средств, к этому дѣлу не прикасался) стало не хватать на лѣкарства и на помощь особо нуждающимся инвалидам и для пополненія кассы приступили к разбазариванію библіотеки. Послѣдняя достигала до 4-х тысяч томов, была любовно собираемая еще когда приходилось полностью содержать 25 инвалидов, теперь, когда этот расход отпал, под предлогом продажи двойников, не стѣсняясь постановленія Общаго Собранія, широко были пущены в продажу — лучшіе и цѣнные экземпляры. Видимо книги и вообще печатное дѣло и рѣдкія изданія были не в фаворѣ. К тому же послѣдовало распоряженіе председателя — в спѣшном порядкѣ вынести из приспособленной для этого комнаты наше книгохранилище и размѣстить всю библіотеку в 4-х, 5-ти мѣстах. Эта необдуманная мѣра потребовала расход на покупку шкафов и значительно усложнила работу по выдачѣ книг для чтенія. Стоящій наблюдающим за библіотекой, культурный полк. Булгаков, больше года работавшій по составленію каталога, заявил протест в письменной формѣ, подписанный и другими, но брошенный председателем в сорный ящик. В. Булгаков сложил свои библіотичныя обязанности, что послужило к полной безудержной распродажѣ книг, отсылаемых в Америку, гдѣ на русскія книги был спрос.

Все это было грустно, но стало слышно об вынужденном уходѣ председателя; будем надѣяться, что новый председатель приложит больше труда, вниманія и сердца в дѣлѣ помощи Ниццкому Отдѣлу инвалидов.

Работая много лѣтъ с центром инвалиднаго дѣла в Парижѣ — как Центральным, так и Главным Правленіем, считаю долгом отмѣтить, в моих записках, ту тяжелую работу, которую несут работники центра на инвалидной нивѣ, прилагая сердце, необходимое в этом благотворительном дѣлѣ.

Неумолимое время перемалывает все на своем пути, а нужда заставляет приспособливаться; не получая помощи сама эмиграція начала создавать самопомощь. Появились профессиональныя и ряд благотворительных организацій, в том числѣ и мною упомянутой.

Наконец, на наше исключительно безподданное положеніе обратила вниманіе, царствовавшая в то время, Лига Націй в Женевѣ и создала пост высокаго комиссара по бѣженским дѣлам, выдвинув на него норвежскаго изслѣдователя заполярных областей НАНСЕНА. Усиліями послѣдняго были установлены для нас особые паспорта, получившее названіе Нансеновских.

Но вот грянула 2-я міровая война, в результатѣ которой огромная волна бѣженства, но уже не только россіян, а многих стран, наводнила западную часть Европы, к тому же милліонныя массы быв. плѣнных далеко не сразу могли найти путь к возвращенію, а многіе из них стремились избѣжать возвращенія.

Тут уж трудно было отмахнуться, как сдѣлал Ллойд-Джорж в отношеніи к нам россіянам. Европа, как муравейник, была переполнена, так называемыми, перемѣщенными, образовавшимися к тому же и от новой перекройки карты, а также бѣгущими из своих стран, ставшими коммунистическими, вслѣдствіе попустительства западных побѣдителей, не осмѣливших возражать на требованія своего восточнаго побѣднаго партнера.

На этот раз многим странам пришлось прійти на помощь волнѣ бѣженцев и перемѣщенных, для принятія этой волны с выдачей виз и права на работу.

Королевскіе дома, иногда связанные политикой своих правительств или по другим причинам, не выявили желанія войти в положеніе и помочь своим близким по крови членам русской Императорской Семьи.

Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, родной Сестрѣ вдовствующей англійской Королевы, правительство Ллойд-Джоржа сообщило, что скромную помощь оно может оказать при желаніи Ея Величества поселиться в указанном мѣстѣ в самой Англій. Странное предложеніе Сестрѣ их Королевы! Императрица отказалась от «великодушнаго гостепріимства» и предпочла Копенгаген у родных Датскаго королевскаго дома. Здѣсь имѣлся дворец, построенный еще Имп. Александром III, на время посѣщенія Его Супруги своих родственников. Содержаніе дворца обходилось дорого, пришлось передать его Датскому правительству, а Императрицѣ поселиться в обмѣн на скромное помѣщеніе. В 1928 году на 82-м году жизни Ея Величество в Бозѣ почилла в Копенгагенѣ и временно погребена в королевской Усыпальницѣ.

Вел. княгиня Ольга Александровна со своим супругом, моим однополчанином, Н. А. Куликовским, также поселилась в Даніи; послѣдній работал на арендованом участкѣ. У вел. княгини родились два сына — Тихон и Гурій Николаевичи, которые окончили свое образованіе и отбыли воинскую повинность в Даніи. Послѣ 2-й міровой войны, вел. княгиня со своей семьей переѣхала в Канаду, гдѣ 11 августа 1958 г. потеряла скончавшимся своего супруга; любвеобильному сердцу в. кн. Ольги Александровны пришлось переживать эту тяжелую для Нея утрату, послѣ многих совмѣстных супружеских лѣтъ жизни. В 1961 г. в Бозѣ почилла, рѣдкой доброты и скромности, вел. княгиня Ольга Александровна.

Супруга вел. кн. Михаила Александровича, звѣрски убитаго в Перми, Наталья Сергѣевна кн. Брасова с сыном Георгіем Михай-

ловичем, пробравшись в Париж, начала хлопоты о наслѣдованіи нѣкоторыхъ земельныхъ угодій в областях отошедшихъ к Польшѣ, принадлежавшихъ убитому в. кн. Михаилу Александровичу. Но многолѣтнія хлопоты оказались тщетными. Польское правительство отказало вдовѣ и сыну даже частично вернуть законнымъ наслѣдникамъ личное имущество вел. князя. Судьба оказалась весьма жестокой к морганатической супругѣ вел. князя: вскорости Ея сынъ погибъ отъ несчастнаго случая; продав послѣднія драгоцѣнности бывшія при ней, пришлось вести весьма скромную жизнь и умереть в Парижѣ в полной нищетѣ.

С одной стороны изобрѣтенія, по всемъ отраслямъ науки, широко прогрессировали, что повышало жизненный уровень, а с другой — всѣ эти достиженія омрачались агрессивностью коммунистическихъ владыкъ и угроза страшной атомной войны стояла передъ всѣми руководителями народов. Вспышка послѣдней, казалось, могла бы возникнуть даже помимо обѣихъ сторон, отъ непредвидѣнной случайности. Для выхода изъ этого нервнаго состоянія — неоднократно собирались — «на верхахъ» и менѣе высокихъ собраній безконечныя конференціи по разнаго вида дѣл, в томъ числѣ и по разоруженію, употребленію атомнаго оружія и т. д. Но всѣ засѣданія государственныхъ вельмож, послѣ долгихъ переговоровъ и нескончаемыхъ споровъ, встрѣчали полное несогласіе коммунистическихъ владыкъ. Отчего напряженность мірового, политическаго положенія — лишь повышалась.

Все это ненормальное, тревожное положеніе, (сидимъ, какъ на пороховой бочкѣ), не могло бы существовать и не было бы той нервности, которую теперь переживаетъ весь міръ, если бы рѣшители міровыхъ вопросовъ, особенно послѣ первой войны, подумали бы не только о своихъ личныхъ, в ту минуту, выгодахъ, а помогли бы національнымъ силамъ Россіи справиться съ коммунистической властью, что тогда было не трудно.

Увы, судьба Россіи — не интересовала западныхъ государственныхъ дѣятелей, а ея кровавая помощь — забыта.

Близорукость ихъ политики упустила историческій фактъ — превращеніе маленькаго славянскаго княжества в могущественную Имперію, что было достигнуто не легкой борьбой, в теченіе вѣковъ, отразивъ поползновенія на него, какъ с Запада — шведовъ, тевтоновъ и поляковъ, такъ с Юга — турокъ и с Востока — монголовъ и татар. Все это оградило Европу, а Россіи стоило три вѣка тяжкаго ига, но «сковало» величайшее государство.

Надо было не пренебречь мощью, которая таилась в Россіи, а вырвать отъ захватившихъ ее, чуждыхъ по духу, коммунистическихъ властей, чтобы послѣднія, пользуясь мощью страны, не могли бы потрясти существованіе человѣчества.

Об этом государственные дѣятели не думали, они замкнулись в личных интересах своих стран.

Американскій президент Вильсон, жертвенно и кровью помог Европѣ, но, умывъ руки, отѣзжал, не желая вмѣшиваться в дѣшнія дѣла.

Англія добилась уничтоженія Германіи, конкурента в міровой торговлѣ, догонявшей «владычицу морей!» Русская революція давала успокоеніе и отпадала угроза, бывшая в воображеніи англичан, о захватѣ Индіи. Не даром вмѣсто помощи, они устремились в наши среднеазіатскія владѣнія.

Возрожденная Польша, в войнѣ с совѣтами получила помощь от ген. Врангеля, выдвинувшагося в Таврію с тяжелыми боями. А Пилсудскій, бросил помогавшаго Врангеля, заключил с совѣтами мирный договор, радуясь, что Россію будут терзать большевики. Время быстро показало узость его политического мышленія.

Франція Клемансо ошибочно рѣшила, что новая Польша замѣнит ей старую союзницу Россію, так жертвенно помогавшую в войнѣ 1914-17 годах.

Но результаты всѣх недалновидностей вскорѣ сказались. Это мы не только видим, но и пережили в ужасах 2-й міровой войны, которой не было бы при существованіи національной Россіи.

Не было бы и того напряженнаго положенія, которое, в настоящее время, переживает весь мір.

К чему все это приведет? Загадывать трудно!

Но будем вѣрить в силу и разум русскаго народа, что Россія переживет и этот тяжелый, историческій этап своего существованія. А наше обновленное Отечество вновь станет великим, національным государством, а с этим весь мір пріобрѣтет покой, для спокойной жизни человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ	5
-----------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1-я

ОБРАЗОВАНИЕ

Кадетскій корпус, Училище, производство в офицеры . . .	7
---	---

Глава 2-я

ОТПУСК В ЗАКАСПИИ

Управленіе краем, путешествіе, встрѣча с Эмиром Бухары, на маневрах у границ Персіи	20
--	----

Глава 3-я

НА СЛУЖБѢ В ПОЛКУ

Полковая жизнь и служба, командир и офицеры полка, спорт, охоты	29
--	----

Глава 4-я

ОТНОШЕНІЯ ШЕФА К ПОЛКУ

Приглашенія на царственныя игры, заботы о полкѣ, освященіе собранія и зачисленіе в полк в. кн. Михаила Александровича, Дворцовый караул	38
---	----

Глава 5-я

АКАДЕМІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

Вступительныя испытанія, наши профессора, прохожденіе курса	47
--	----

Глава 6-я

ПО ОКОНЧАНІИ АКАДЕМІИ

Офицерская кав. Школа, парфорсныя охоты, путешествіе к Аральскому морю, командованіе эскадроном	53
--	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 7-я

ПОЛОЖЕНІЕ В МІРѢ К XX ВѢКУ

Період длительнаго мира, движеніе на Дальній Восток,	
--	--

Боксерское движеніе в Китаѣ, наши мѣры для обезпеченія своих дальних владѣній, Сибирская жел. дорога, войска и флот	59
---	----

Глава 8-я

ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ В 1904-05 ГОДАХ

Манифест, назначеніе Куропаткина, отѣзд на войну, поход с Мищенко в Корею, Куропаткин — как полководец, организація высшаго командованія, сосредоточенія к Ляояну, отход к Мукдену, установленіе связи с 1-й арміей, смѣна командованія, Сипингайскія позиціи	68
---	----

Глава 9-я

ОТРАЖЕНІЕ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ НА ТЫЛЫ АРМІЙ Портсмутскій мир, пропаганда в тылу армій, отѣзд в СПБур.	82
--	----

Глава 10-я

НА СЛУЖБѢ В ПЕТЕРБУРГѢ

Отклики революціоннаго движенія 1905 г. в войсках, Государственныя Думы, преобразованія в Военном Министертвѣ, Большая военная программа, событія в полку	88
---	----

Глава 11-я

ПРОДОЛЖЕНІЕ СЛУЖБЫ В ПЕТЕРБУРГѢ

Работа Генеральнаго Штаба по развѣдкѣ, шпіонаж, Финляндія, из семейной хроники	96
--	----

Глава 12-я

ВОЙНА 1914—1917 ГОДОВ

Посѣщеніе ген. Жоффром Россіи в 1913 г., Манифест о войнѣ, энтузіазм населенія, мобилизація, жертва русской Арміи, кризис огнеприпасов, принятіе Верховнаго командованія Имп. Николаем 2-м, Брусиловскій прорыв, вступленіе в войну Румыніи, проект десанта, мечта о Константинополѣ	104
--	-----

Глава 13-я

ЭТАПЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ НА ВОЙНѢ 1914—1917 г. г.

Выступленіе на войну, нач. штаба 2-й Гвард. Кав. дивизіи, ком. 14 драг. полка, ком. Кирасир ЕЯ ВЕЛ., представленіе Шефу, нач. дивизіи, ком. 1-го Кавал. Корпуса	116
---	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 14-я

РЕВОЛЮЦІЯ

Причины ея, мистическое отношеніе к реформам со стороны Трона. назрѣваніе краха власти, Распутин, пропаганда, углубленіе революціи, приведеніе к повиновенію силой, Временное Правительство, кн. Львов, Миллюков, Гучков, Терещенко и Керенскій. Смерть Арміи, убійство ген. Духонина. Отъѣзд на фронт Бѣлой борьбы 125

Глава 15-я

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДОНУ

Прибытіе в Новочеркасск, представленіе ген. Алексѣеву, бесѣда с Атаманом А. М. Калединым, положеніе на Донском фронтѣ, самоубійство Каледина, бесѣда с новым Атаманом Назаровым и гибель его, взятіе красными Новочеркасска, разстрѣлы и грабежи 140

Глава 16-я

ВСТУПЛЕНІЕ В БОРЬБУ КАЗАКОВ

Начало возстанія, организація борьбы, Атаман П. Н. Краснов, организація власти, командировка в Кіев 151

Глава 17-я

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МИССІИ В КІЕВѢ

Прибытіе в Кіев, у Гетмана Скоропадскаго, встрѣча с кн. Долгоруковым, миссія у Гетмана, военный эксперт при совѣтской делегаціи 158

Глава 18-я

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАБОТЫ МИССІИ

Взрывы складов снарядов в Кіевѣ, вновь у Гетмана, завтрак у Украинскаго начальника Генеральнаго Штаба, у министра Иностр. Дѣл, приглашеніе от нѣмцев — а) визит к Мумму, б) у комад. оккупационными войсками маршала Эйхорн, на собраніи пріѣзжих русских, возвращеніе . . . 174

Глава 19-я

ЗАГРАНИЧНАЯ ПОѢЗДКА В ПАРИЖ И ЛОНДОН

Визит Союзнических миноносцев, командировка в Париж и Лондон, возвращеніе, завтрак в Румыніи у ген. Бертелло . . 189

Глава 20-я

ЗА РУБЕЖЕМ 195

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK254
.S73
A2
1964

